

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Псковский государственный университет

**РУССКАЯ УСАДЬБА:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И
ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

Псков 2015

УДК 82.01, 82.03
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Р892

*Печатается по решению кафедры литературы
и редакционно-издательского совета
Псковского государственного университета*

Редакционная коллегия:

Н. Л. Вершинина (*отв. редактор*)

И. Ю. Парчевская

Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты: коллективная монография. – Псков: Издательство ООО «ЛЮГОС», 2015. – 262 с.

ISBN 978-5-93066-752-4

В коллективной монографии «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты» представлены современные подходы к проблеме русской усадьбы как имеющего богатейшую историю культурно-исторического комплекса. Авторы стремятся показать образ усадьбы во взаимодействии региональных и общекультурных аспектов с опорой на литературный материал XVIII – XXI веков, музееведческие и краеведческие изыскания, образовательную деятельность студентов, связанную с усадебным миром. Цель издания: осмыслить феномен усадьбы в многообразии материальных и духовных факторов, с учетом просветительских и воспитательных задач, новейших гипотез в развитии литературно-музейных экспозиций, в первую очередь, принадлежащих мемориальным усадьбам Псковского края.

Коллектив авторов составили преподаватели кафедры литературы ПсковГУ в содружестве с ведущими сотрудниками Музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское».

Книга адресована всем интересующимся жизнью русской усадьбы на разных этапах ее существования, закономерностями бытования феномена усадьбы в литературном и культурном сознании прошлого и настоящего.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю конкурса проектов в области гуманитарных наук №14-14-60001 «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».

ISBN 978-5-93066-752-4

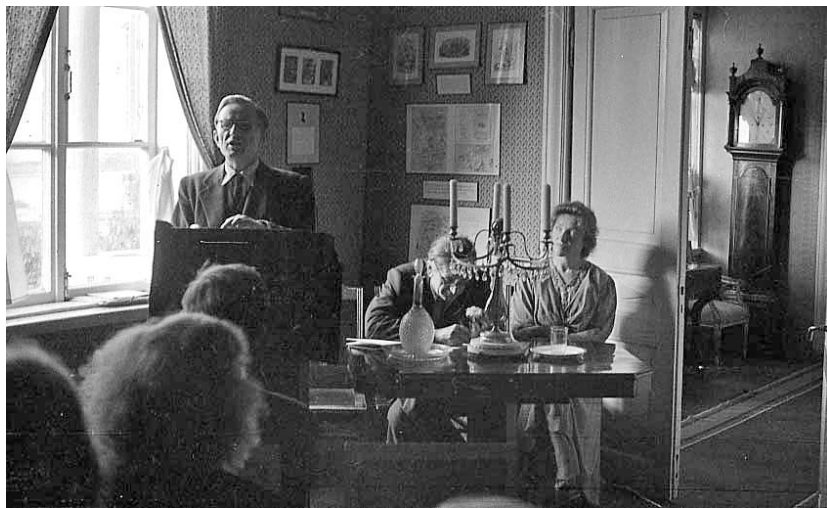
© Псковский государственный университет, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Издательство ООО «ЛЮГОС», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

I. КУЛЬТУРА УСАДЕБНОГО БЫТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ	4
1. Функция слова в пространстве усадебного мира (А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский, Л.Н. Толстой) (<i>Н.Л. Вершинина</i>)	5
2. «Благословенный приют»: усадебный мир и его обитатели в романе Ю.В. Жадовской «В стороне от большого света» (<i>Л.А. Капитанова</i>)	33
3. Еда и чтение ребенка в усадьбе: привычки и проблемы (<i>И.В. Мотеюнайте</i>)	54
II. ПУШКИНСКИЕ УСАДЬБЫ ПСКОВСКОГО КРАЯ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ	76
1. Сельцо Михайловское в контексте усадебной культуры XIX века: проблемы литературно-музейной интерпретации (<i>В.Ю. Козмин</i>)	77
2. Дом-музей А.С. Пушкина в Михайловском: эволюция усадебного образа (<i>И.Ю. Парчевская</i>)	119
3. «Пушкинский уголок» России: мифологизация усадьбы в постусадебную эпоху (<i>А.Г. Разумовская</i>)	149
III. УСАДЬБА: ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ	172
1. «Люблю ваш сумрак неизвестный...» (<i>Г.Н. Пиврик</i>) ..	173
2. «Дом Лариных»: к истокам иконографии Тригорского (<i>Д.С. Плотникова</i>)	191
IV. «И В ПРОСВЕЩЕНИИ СТАТЬ С ВЕКОМ НАРАВНЕ...» (УСАДЬБА – ЦЕНТР ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ)	212
1. «Пушкинские чтения» в Михайловском с 1949 по 1970 год (<i>Н.Л. Козмина</i>)	213
2. Усадебный текст как средство постижения русской языковой картины мира иностранными гражданами (<i>Ю.Н. Грицкевич</i>)	237
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	261

КУЛЬТУРА УСАДЕБНОГО БЫТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ

Функция слова в пространстве усадебного мира (А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский, Л.Н. Толстой)

Изучение словесной культуры усадебного быта, как она отразилась в произведениях русской классической литературы, показывает, что организующим началом в ней была идея *порядка*, причем, не порядка «размеренного» (привносимого, к примеру, «англоманом» Муромским в «Барышне-крестьянке» А. С. Пушкина или сторонницей «торжественной правильности ежедневной жизни»¹ Одинцовой в «Отцах и детях» И. С. Тургенева), а порядка, который служит выражением естественного хода вещей. Наиболее явственно такой порядок был представлен усадебной поэзией XVIII – начала XIX веков. На основании стихотворных образчиков «усадебного текста»² можно представить лишенный умозрительности уклад усадебной жизни, где повторяющиеся константы непременно включали в себя и речевой аспект. Усложненная модель культуры слова, проявившая себя в произведениях пушкинской и послепушкинской эпох, опиралась на первичные цепочки взаимосвязанных явлений, среди которых «разговоры» в усадьбе, чтение книг и периодики, риторика дружеской беседы, различные типы спора, эпистолярный и альбомный жанры, дневники и т. д. занимали прочное неколебимое место в культуре усадебного быта.

Следует отметить, что с усадьбой в сочинениях поэтов рубежа XVIII–XIX вв. соотносится, по преимуществу, мысль о *возвращении* – от искусственных приоритетов к ценностям подлинным и неизменным, от стихийности и зыбкости «чужого» мира

¹ Тургенев И. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. М., 1988. С. 395.

² См.: Szczukin Wasiliy. Усадебный текст русской литературы: основные параметры // Studia Rossica. Warszawa, 1998. S. 87–100; Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века / Сост., вступ. ст., коммент. Е. П. Зыковой. М., 2005; Жаплова Т. М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX веков. Автореф. дис. <...>. Докт. филол. наук. М., 2007; Колягина Т. Ю. «Усадебный» тип культуры в художественном сознании А. С. Пушкина. Автореф. дис.<...> канд. филол. наук. Омск, 2007.

– к внутреннему распорядку бытия, который мог частично или полностью противостоять порядку внешнему.

«Дома» (что подчеркивает большинство «певцов» усадебного быта) возвратившегося ожидали чистосердечие, доброжелательство, возможность, не выбирая слов, произносить правдивые, нелицеприятные речи, предаваться излипаниям дружбы, переходя от словопрений к шутке, «позволяя» вести «добросердечный спор», подчас идущий вразрез с сословной иерархией.

У А. Д. Кантемира («О жизни спокойной», не позднее 1740 г.):

Пройдет довольно время, и мысль веселится,
Когда уже надлежит домой возвратиться,
Где все просто, но чисто; пища мне готова;
Говорю что попало, нет коварна слова...³

Череды полезных и приятных занятий, охраняемых домашним кровом, органично сочетает книжное и бытовое слово. Непосредственная связь с природой выступает обязательным условием «приятнейших часов», «прекрасных вечеров»:

Мораль, политика входили в разговор,
И в воздухе гремел Софистов жаркий спор.
Вдруг видим: на лугу тень длинная ложится,
Сближается – и что ж? с улыбкою явится
Корнелий-Непот⁴ к нам – бесценный сердцу клад!
Как искренно ему из нас был каждый рад!
Веселье новое наш круг одушевляло;
Смех громкий эхо там за холмом повторяло.
Наш Непот тысячу вестей, карикатур
Распишет тотчас нам, и всякий раз Амур
Началом и концом его картинам служит...⁵

(П. И. Шаликов, «Послание А* И* П*»), 1816)

Истоки «рассказовой тенденции» (А. В. Лужановский), связанной с воссоздаваемой прозаиками первой половины XIX века «ситуацией» повествования «у камелька», в узком кругу, под завывание бури и шум дождя, которые не страшны ни рассказчи-

³ Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века. С. 45.

⁴ Общий нам приятель, которому мы дали это имя. – Прим. автора.

⁵ Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века. С. 314.

кам, ни слушателям, – также находят место в произведениях усадебной поэзии.

У В. А. Жуковского:

Где искренность встречать выходит на крыльцо,
И вместе с дружбой угощает,
Где все, что говорит лицо,
И сердце молча повторяет, –
Где за большим семейственным столом
Сидит веселая свобода;
И где под час, когда нахмурится погода,
Перед блестящим камельком,
В непринужденности живого разговора
Позволено дойти до спора –
Зашедши в уголок такой,
Я смело говорю, что я пришел – домой!⁶

(«В альбом Бар. Елене Ивановне Черкасовой», 1814)

Письменное и устное слово живут в неизменном «ладу», составляя единый тип поведения обитателя усадьбы, обусловленный окружающим миром:

С друзьями хохочу, с родней перебиваю,
То в кустиках сосну, то в ванне окунусь,
Иль сидя попишу, иль ходя почитаю,
И весь мой недосуг – пью, ем и веселюсь.⁷

(И. М. Долгорукий, «На праздник в Дубках. А... А... Б...»
Курсив мой – Н.В.)

В той же тональности и ритмике, характерной для стилистики «усадебного текста», выдержано описание усадебного времяпрепровождения Онегина в четвертой главе романа:

Прогулки, чтение, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй...⁸

Все сказанное свидетельствует о типологии изображения усадебного быта в аспекте речевой культуры. Требуют изучения отдельные аспекты, отмеченные нами выше: идея порядка, спец-

⁶ Там же. С. 315.

⁷ Там же. С. 301.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1949. Т. VI. С. 89.

ифика усадебных «разговоров», особенности чтения и обращения к книге в границах усадебного мира.

Идея порядка в онтологии усадебного быта

Как уже было отмечено, «идею порядка» можно считать одной из наиболее общих относительно бытующих в гуманитарных науках представлений, апробированных исследователями усадебного быта. Освещение усадебной топики, независимо от принятой учеными методологии, ожидаемо «выстраивает» ряды конститутивных признаков, придавая им значение отработанной классификации. Как правило, ее составляют: идиллично-элегический модус, означающий слияние (либо разобщение) человека и природы; наличие усадебного хронотопа, «лирический подтекст», «одномерность (монологичность) авторского слова», создание «мифа усадьбы». На основании указанных признаков В. Г. Щукин делает вывод о локализации границ «усадебного текста»⁹, четкость которых закрепляет мысль о стабильности, бытийном (и, одновременно, бытовом) порядке, о незыблемом «покое», в наибольшей мере воплощенных жанром «усадебной повести»¹⁰.

Вместе с тем, конструируемый таким образом монистический усадебный порядок, на поверку, оказывается не столь «одноголовым» и, что более существенно, не герметически «замкнутым» и не в полной мере устойчивым. Собственно, на это указывают сами исследователи усадебного локуса, воздерживаясь, однако, от дальнейших выводов. Так, В.Г. Щукин выделяет довольно обширный массив произведений с усадебной тематикой, которые «в силу разных причин нельзя отнести к усадебному тексту»¹¹.

⁹ Szczukin Wasiliy. Усадебный текст русской литературы: основные параметры. S. 91.

¹⁰ См.: Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 573–587; Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 56–60.

¹¹ Szczukin Wasiliy. Усадебный текст русской литературы: основные параметры. S. 91.

В.А. Доманский, наряду с «усадебной повестью», вводит дефиницию «усадебный роман»¹², подразумевающую замену поэтики повествовательной «скульптурности»¹³ романной поэтикой иной качественной организации. Если, следуя логике исследователей, рассматривать жанрово-стилевые особенности усадебных топов исходя из «идейно-эмоционального переживания реальной усадьбы»¹⁴, станет очевидным наличие в том же усадебном мире признаков *беспорядка*, сложно соотносящихся с теми повествовательными моделями, где «статические компоненты» текста поставлены во главу угла.

Семантическая и стилевая нюансировка проблемы до настоящего времени не учитывалась: *порядок* как позитивно сознаваемая данность, идея усадебного мира, и *беспорядок* как несомненный показатель присущей ему ущербности, недостаточности, выведенный тем самым «за скобки» усадебного «рая», – рассматривались в разных онтологических модусах. Известные подробности образа жизни Манилова: «Дома он говорил очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве Богу было известно. <...> В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года. В доме его *чего-нибудь* вечно *недоставало*: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стояла весьма недешево; но на два кресла ее не доставало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею <...>. В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после женитьбы: “Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель”»¹⁵ – не без оснований вводятся исследователями к сатирическому модусу. Однако очень близкие описания *беспорядка*, включенные в усадебную тему А. Ф. Писемским, свидетельствуют о прямо противоположном,

¹² Доманский В. А. Указ. соч. С. 56.

¹³ Кожин В. В. Повесть // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Коженикова и П. А. Николаева. М., 1987. С. 281.

¹⁴ Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы. С. 578.

¹⁵ Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. Л., 1965. С. 236–237. Курсив мой. – Н. В.

во всяком случае, наводят на мысль о неоднозначности идеи *порядка*, о невозможности ее идентификации по внешним признакам, вступающим в сложные бытийные отношения с началами душевного благообразия.

В романе Писемского «Люди сороковых годов» (1869) хозяин усадьбы Новоселки Еспер Иванович Имплев внешне не «упорядочен», однако во внутреннем отношении вполне «благоустроен». Более того, именно неупорядоченная, пущенная «на самотек» реализация им своей судьбы, по мнению автора, является залогом внутренней глубины и самореализации героя, не подлежащей установленным меркам. «Частое погружение в самого себя» выражается для Еспера Иваныча особым типом жизнеустройства: «<...> большой стол, перед которым он сам сидел, был сплошь завален бумагами, карандашами, циркулями, линейками, треугольниками. На нем же помещались: зрительная труба, микроскоп и калейдоскоп. <...> в продолжение дня он только и делал, что, с книгою в руках, то сидел перед столом, то ложился на кровать. <...>. На третьей стене предполагалась красного дерева дверь в библиотеку, для которой маэстро-архитектор изготовил было великолепнейший рисунок; но самой двери не появлялось и вместо ее висел запыленный полуприподнятый ковер, из-за которого виднелось, что в соседней комнате стояли растворенные шкапы; тут и там размещены были неприбитые картины и эстампы, и лежали на полу и на столах книги. Все это Еспер Иваныч каждый день собирался привести в порядок и каждый день все больше и больше разбрасывал»¹⁶.

Замкнутость усадебного локуса парадоксально оборачивается проявлениями неограниченной свободы духа, а «союз» неорганизованного быта с внутренним невидимым порядком выступает как жизнезначимый в общем контексте бытия. На несовпадение видимого и сущностного в дефиниции «порядка» указал Пушкин, характеризуя явное и скрытое в жизни Чарского: «В кабинете его <...> ничто не напоминало писателя: книги не валялись на столах и под столами; диван не был обрызган чернилами; не было такого беспорядка, который обличает присутствие Музы и

---

¹⁶ Писемский А. Ф. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. М., 1959. С. 38, 27–28.

отсутствие метлы и щетки»¹⁷. Интересная деталь: «книги <...> на столах и под столами», книги «на полу и на столах»¹⁸] становятся постоянной характеристической приметой небрежения бытом при контрастирующей с ним области переживаний, в которой присутствуют и свой порядок, и собственная логика. В «Утре помещика» (1852–1856/57) Л. Н. Толстой описывает беспорядок в кабинете Нехлюдова как антитезу «чопорности», присущей остальным покоям усадебного дома: «Вообще вся комната имела бесхарактерный и беспорядочный вид; и этот же беспорядок составлял резкую противоположность с чопорным старинно-барским убранством других комнат большого дома»¹⁹. Описание подчеркивает работу живого ума, не застывшей в барском равнодушии взыскующей совести Нехлюдова. Здесь присутствует все та же узнаваемая подробность: «На полу, около стола, лежали кипы бумаг, книг и счетов»²⁰.

И *порядок*, и *беспорядочность* усадебного жизнеустройства обнаруживают, таким образом, далеко не декларативную содержательность, относительность и взаимообратимость в отношении друг друга. Не случайно аттестация Имплева подчеркнута двойственна: «Только на обеспеченной всем и ничего не делающей русской дворянской почве мог вырасти такой прекрасный и в то же время столь малодействующий плод»²¹.

Как видим, указанные явления тесно связаны с понятием *праздности* – еще одной, не до конца осмысленной составляющей усадебного быта. Именно в праздности зарождается идея порядка, как это происходит с Онегиным, в отношении которого «порядок» подразумевает многозначность, как и в ряде других применений данного топоса в поэтике Пушкина²². В деревне Онегин «учреждает» «порядок новый», «чтоб только время проводить»,

¹⁷ Пушкин А. С. Египетские ночи // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VIII. С. 264.

¹⁸ Писемский А. Ф. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. С. 28.

¹⁹ Толстой Л. Н. Утро помещика // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. II. М., 1979. С. 369.

²⁰ Там же.

²¹ Писемский А. Ф. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. С. 38–39.

²² Порядок // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 3. О – Р. М., 2000. С. 591–592.

однако начинание это имеет весьма серьезные последствия. Не подчиненная правилам, провозглашенным «общим гласом», усадебная жизнь Онегина и Ленского складывается также в условиях праздности («От *делать нечего* друзья»²³). При этом их беседы устремлены к проблемам *миропорядка*; как отмечалось в черновых редакциях, они ведутся «В огромной махине вселенной»²⁴ (см. раздел «Разговоры в “огромной махине вселенной” (А. С. Пушкин): к вопросу об усадебной “болтовне”»).

Праздность у Пушкина не одномерна. В «Кирджали» о «рассыпавшихся по Бессарабии» арнаутах сказано: «Они вели жизнь праздную, но не беспутную»²⁵. В. А. Викторovich справедливо выделяет «род внутренне деятельной праздности», связанный с деревенским бытом, активизирующий творческий, несущий поэтическое вдохновение обертон²⁶.

Новый понятийный ряд создается, таким образом, будто бы не личной волей человека, а самой природой. В частности, это относится к Л. Н. Толстому, в героях которого согласие с собой напрямую зависит от интенций усадебного (и шире – природного) мира. Их воздействие полностью вытесняет «путаницу понятий, недовольство собой, стыд пред чем-то»²⁷. Так характеризуется душевное состояние Левина после пережитых в Москве отказа Кити и бессилия в разрешении общественных вопросов, о чем подробнее будет сказано ниже.

Идея порядка, таким образом, во всей полноте и продуктивности органична как для жизни усадьбы в ее реальном облике, так и для многочисленных отражений усадебного мира в литературном слове. Вместе с тем, писатели, отталкиваясь от регламентированной культурной топики, обращались к рассмотрению более сложных диалектических связей своих героев с идеей усадебного

---

²³ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. VI. С. 37.

²⁴ Там же. С. 278.

²⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VIII. С. 256.

²⁶ Викторovich В. А. Праздность // Онегинская энциклопедия: В 2 т. / Под ред. Н. И. Михайловой. Т. 2. Л – Я. М., 2004. С. 341.

²⁷ Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. VIII. М., 1981. С. 105.

порядка. В ней они вскрывали бытийный план: многомерность, невидимые за стереотипами сущности, онтологические соответствия *порядка, беспорядка и праздности* и т.д. Исследование показывает, что так называемый «беспорядок» может быть следствием как *недостаточности* (Манилов), так и *самодостаточности*, и даже внутренней «избыточности» (Имплев, Нехлюдов). Основываясь на наблюдении Л. В. Пумпянского, можно заметить, что в этом отношении писатели продолжали идти за Пушкиным: «Все символы Пушкина – на краю, на мертвой точке последнего равновесия, на уравновешенной линии ± ...»²⁸

Усадебное чтение и его роль в произведениях Л. Н. Толстого

Проблема усадебного чтения и его функций в произведениях Л. Н. Толстого, насколько нам известно, до сих пор не попадала в поле зрения исследователей. Более того, вопрос об «усадебном тексте» применительно к толстовскому творчеству лишь с недавнего времени стал объектом научного изучения²⁹.

Мотивация подобного «упущения», очевидно, должна быть достаточно весомой, так как присутствие «усадебного текста» в произведениях Толстого четко осознается на разных рецептивных уровнях: от читательского до исследовательского, от непосредственно-интуитивного до научно-аналитического. Обращаясь к Толстому, инициировавший понятие «усадебный текст» в литературоведении В. Г. Щукин отмечает в его поэтике узнаваемые константы указанной структуры: «<...> в памяти читателя навсегда останутся семейные праздники, пение девушек в лунную ночь и

---

²⁸ Пумпянский Л. В. Смысл поэзии Пушкина // Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А.П. Чудаков. М., 2000. С. 565.

²⁹ См: Подарцев Е. В. Усадебный текст в творчестве раннего Льва Толстого // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы первой межвузовской конференции молодых ученых. М– Ярославль, 2002; Подарцев Е. В. Мир русской усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Семейное счастье» // Филологическая наука в XXI Веке: взгляд молодых. Материалы четвертой Всероссийской конференции молодых ученых. М.– Ярославль, 2005.

долгие разговоры в диванной <...>³⁰. Вместе с тем, в локализованный ряд повестей с усадебной тематикой ученый не включает Толстого, сосредоточивая основное внимание на прозе И. С. Тургенева³¹. В другой работе он прямо пишет, что усадебные по тематике «вещи» Толстого «нельзя отнести к усадебному тексту»³². Аналогичным образом рассуждают и другие исследователи. Так, В. А. Доманский, предлагая выделять, наряду с «усадебной повестью» и «усадебный роман» (правда, «только у И.С. Тургенева»), выстраивает следующий ряд «повестей»: «<...> И. С. Тургенев «Затишье», «Переписка», «Фауст», «Первая любовь», повести И. Панаева, М. Жуковой <...>»³³. Мысль о том, что жанровая новизна «усадебной повести» может реализовать себя как компонент романа, также не прилагается к Толстому. По мнению В. Г. Щукина, «<...> усадебная повесть вошла в состав “Евгения Онегина” (главы со второй по шестую) <...>»³⁴; В. А. Доманский, вслед за «Онегиным», называет «Дубровского», а также романы И. А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв»³⁵.

Что касается Толстого с его «усадебным текстом» в «Детстве», «Войне и мире», «Анне Карениной», «Воскресении», «Семейном счастьее», «Утре помещика», «Двух гусарах» и др. – он в этих перечнях не значится, факт, уже сам по себе нуждающийся в объяснении.

Используя выражение исследователя, относящееся к Тургеневу-романисту, справедливо будет отметить, что Толстой в не меньшей мере преодолевал «сопротивление материала»³⁶: если предположить, что обращение к усадебной тематике традиционно соотносилось с жанром повести, следует иметь в виду, что применительно к Толстому (равно как и к Достоевскому) этот жанр

³⁰ Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы. С. 586.

³¹ Там же. С. 575.

³² Szczukin Wasiliy. Усадебный текст русской литературы: основные параметры. S. 91.

³³ Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики. С. 56.

³⁴ Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы. С. 575.

³⁵ Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики. С. 56.

³⁶ Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы. С. 560.

должен был преломляться в романном, сложно организованном многоголосье. «Диалектике» (Н. Г. Чернышевский) романых начал в художественном методе Толстого противостояла статика повествовательных и, не в последнюю очередь, «усадебных» структур. То, что Тургенев «все же включил» соответствующие «образы-клише» в свои произведения, по мысли В. Г. Шукина, сказалоь на качестве их «романности»: «тяготение к монологу и ретроспекции», «достаточное количество места для обширных описаний и лирических отступлений» и тому подобное «встречается также в “Рудине”, “Дворянском гнезде”, “Накануне”, по сути дела являющихся большими повестями»³⁷.

Данный вывод невозможен в приложении к жанровой поэтике Толстого: в большинстве его произведений реалии усадебного быта представлены в романной функции, а узнаваемая усадебная топика функционирует в ином стилевом ключе. Именно «диалектическое» изображение Толстым неизменного, замкнутого образа жизни обитателя усадьбы с наибольшей ясностью выявляет относительность будто бы незыблемой упорядоченности, но, при этом, утверждает и ее обязательность, и непреходящую бытийную важность в человеческой судьбе.

В бытийном смысле «центр тяжести» в романе «лежит в целостном действии, в фактическом и психологическом движении сюжета», в то время как в повести «основная тяжесть переносится нередко на статические компоненты произведения – положения, душевные состояния, пейзажи, описания и т.п.». «Скульптурность» в показе различных состояний и положений³⁸ – черта, иноприродная по отношению к задачам и методу Толстого. Об этом свидетельствует и художественная функция чтения в изображении усадебного мира, где пребывают многие толстовские герои: от Нехлюдова в «Утре помещика» (1852–1856/57) до Нехлюдова в романе «Воскресение» (1889–1898).

³⁷ Там же. С. 561. Курсив мой. – Н.В. Точка зрения исследователя является спорной: так, Н. Д. Тамарченко, разбирая типологию эпических жанров, акцентирует различия канонических и неканонических жанров на примере именно произведений И. С. Тургенева: повести «Ася» и романа «Рудин» (Тамарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь, 2001. С. 47–54).

³⁸ Кожин В. В. Повесть // Литературный энциклопедический словарь. С. 281.

Кажущаяся статичность упоминаний чтения в описаниях помещичьего быта не затеняет многоуровневую романную природу данного топоса, органичную для толстовской поэтики. Оттолкнувшись от тезиса исследователя о роли интерьеров в создании образа усадьбы: «Важную роль в тексте усадебной повести играют <...> описание комнат, мебели, картин, посуды, библиотек и отдельных книг, фамильных портретов <...>»³⁹ и т.д. – отметим, что изображение кабинета Нехлюдова в момент возвращения молодого барина после прогулки по деревне в «Утре помещика» далеко от традиционного «описания». Каждый предмет здесь высвечен потому, что сложно соотносен с душевным состоянием героя, причем, не только в данную минуту нравственного поражения, крушения иллюзий «жизни правильной помещика образованного нашего века с рабством»⁴⁰. Через настоящее просматриваются недавнее, исполненное благородных устремлений прошлое и непонятное, утратившее ясные и надежные контуры будущее. Поблеклость и обветшалость обстановки кабинета не менее красноречива, чем поясняющие ситуацию авторские комментарии: «В небольшой комнате, которую занимал Нехлюдов, стоял старый кожаный диван, обитый медными гвоздиками; несколько таких же кресел; раскинутый старинный бостонный стол с инкрустациями, углублениями и медной оправой, на котором лежали бумаги, и старинный желтенький, открытый английский рояль с истертыми, погнувшимися узенькими клавишами. Между окнами висело большое зеркало в старой позолоченной резной раме. На полу, около стола, лежали кипы бумаг, книг и счетов. Вообще вся комната имела бесхарактерный и беспорядочный вид; и этот же беспорядок составлял резкую противоположность с чопорным старинно-барским убранством других комнат большого дома» [II, 369].

«Кипы книг» – не на столе, а «на полу, около стола» – свидетельствуют и о том, что девятнадцатилетний Нехлюдов «по кни-

³⁹ Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики. С. 57.

⁴⁰ Толстой Л. Н. Дневник, 2 [?] авг. 1855 г. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. XXI. М., 1985. С. 147. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в квадратных скобках.

гам» намеревался разрешить крестьянский вопрос, и о том, что, вместе со «счетами и бумагами», они пока не получили действительного продуктивного употребления. Очевидно, общее впечатление некоторой ущербности кабинетного бытия Нехлюдова побудило Е. В. Подарцева указать на наличие в данном фрагменте романтических интенций, предположив, что «Толстой в этом описании подчеркивает бесхарактерность и беспорядочность комнаты, как бы сопоставляя ее внутреннее убранство с положением дел на деревне, тем самым указывая на внутреннюю связь положений мужика и барина в предреформенный период»⁴¹. Нам же, как указывалось выше, представляется значимым указание автора на «живой», непоказной, лишенный «чопорности», присущей остальным покоям дома, характер кабинетного «беспорядка». Неопределенность «лица» владельца – в том числе, и относительное нивелирование сословного признака – отражает динамику его развития, наличие внутренних поисков, не утраченную среди устойчивых предрасудков и обычаев пылкость сердца и ума.

Неупорядоченность и постоянство чтения – две черты, в соположении определяющие строй души и миропонимания близких Толстому героев. Непрерывность процесса чтения – как метафора неустанной духовной работы – в более развернутом виде представлена личностью Левина, осложняясь романскими обертонными, соответствующими постигаемой главным героем Толстого сложности и неоднозначности бытия.

Когда Левин, возвратившись в Покровское после поездки в Москву, где ему отказала Кити, входит в свой кабинет, то, что он видит перед собой, – не интерьер в собственном смысле, а олицетворение переломного момента жизни Левина. За предметами он видит грань между «надеждами на новую, лучшую жизнь» и прошедшим, которое Левин называет «постыдным». «На столе открытая книга» – своего рода эмблема этого рубежа: «Все эти следы его жизни <...> как будто говорили ему: “Нет, ты не уйдешь от нас и не будешь другим, а будешь такой же, каков был: с

---

⁴¹ Подарцев Е. В. Деревня и усадьба в повести Л.Н. Толстого «Утро помещика» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gimnasium1592.ru/index/derevnja_i_usadba_v_povesti_l_n_tolstogo_utro_pomeshhika/0-76

сомнениями, вечным недовольством собой, напрасными попытками исправления и падениями и вечным ожиданием счастья, которое не далось и невозможно тебе”.

Но это говорили его вещи, другой же голос в душе говорил, что не надо подчиняться прошедшему и что с собой сделать все возможно» [VIII, 107].

Вместе с тем, не отменяемая никакими обстоятельствами «текучесть» бытия соединяет в жизни Левина все «вещи» и «эпохи» его идеальной и повседневной жизни. Старина и новизна соседствуют в доме, который для него был «целый мир» [VIII, 108]. В «старинном» доме с устоявшимися обычаями читается новейшее сочинение Джона Тиндаля, английского физика, почти ровесника автора. Для Левина, как и для Толстого, этим высвечена не только характерная подробность времени и одна из позитивных черт дворянского усадебного быта (исследователи справедливо отмечают, что «русская усадьба в <...> образе жизни ее обитателей ни в коем случае не уравнивается с провинцией»⁴²). Данный факт оценивается у Толстого в цепи непрерывных человеческих исканий во все времена. Чтение Тиндаля – фон, на котором, сменяя друг друга, проходят облики жизни, оно – необъяснимым образом связующая их сквозная нить: «Когда он вошел в маленькую гостиную, где всегда пил чай, и уселся в своем кресле с книгою, а Агафья Михайловна принесла ему чаю и со своим обычным: “А я сяду, батюшка”, – села на стул у окна, он почувствовал, что, как ни странно это было, он не расстался с своими мечтами и что он без них жить не может. <...> Он читал книгу, думал о том, что читал, останавливаясь, чтобы слушать Агафью Михайловну, которая без устали болтала; и вместе с тем разные картины хозяйства и будущей семейной жизни без связи представлялись его воображению. Он чувствовал, что в глубине его души что-то устанавливалось, умерялось и укладывалось.

Он слушал разговор Агафьи Михайловны <...> и читал книгу и вспоминал весь ход своих мыслей, возбужденных чтением. Это была книга Тиндаля о теплоте. Он вспоминал свои осуждения

---

⁴² Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики. С. 58.

Тиндалю за его самодовольство в ловкости производства опытов и за то, что ему недостает философского взгляда. И вдруг всплыла радостная мысль: “Через два года будут у меня в стаде две голландки, сама Пава еще может быть жива, двенадцать молодых Беркутовых дочерей, да подсыпать к ним на казовый конец этих трех – чудо!” Он опять взялся за книгу.

“Ну хорошо, электричество и теплота одно и то же; но возможно ли в уравнении для решения вопроса поставить одну величину вместо другой? Нет. Ну так что же? Связь между всеми силами природы и так чувствуется инстинктом... Особенно приятно, как Павина дочь будет уже красно-пегою коровой, и все стадо, в которое подсыпать этих трех... Отлично! Выйти с женой и гостями встречать стадо... Жена скажет: мы с Костей, как ребенка, выхаживали эту телку. Как это может вас так интересовать? скажет гость. Все, что его интересует, интересует меня. Но кто она?”» [VIII, 109–110. Курсив мой. – Н.В.].

Чтение мыслится как составляющая в ряду явлений, как начало развития, которое заканчивается лишь вместе с жизнью. Не случайно метафорой книги (одной из многочисленных «книжных» метафор Толстого) завершается земной путь Анны: «И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла» [IX, 364].

Чтение – это непременно атрибут усадебной жизни: таким оно показано в романе «Семейное счастье» (1859), по стилистике наиболее близком «усадебной повести». Действие романа начинается в усадебном мире и здесь же заканчивается: в этом мире героиня романа Маша обрела свое «семейное счастье», а в финале, после потери его, вновь надеется вернуть утраченное. Чтение в усадебном быте героини не несет в себе ничего особенного – именно поэтому оно открывает Толстому возможность показать, как автоматическое, доведенное до ритуальности действие может перевоплотиться в осмысленный, живой и продуктивный процесс. О занятии чтением Маша много раз говорит как о явлении обыденном, причисляемом к другим занятиям уездной

«барышни». Сергей Михайлыч, в ободрение, замечает ей: «у вас есть музыка <...>, книги, ученье» [III, 77]; после разговора с ним Маша «занялась и Соней, и музыкой, и чтением» [III, 78]. В замужней жизни, по ее словам, «было то же самое. Я читала, занималась и музыкой, и мамашей, и школой» [III, 111]; «После обеда татап садилась в гостиную на большое кресло и растирала табак или разрезывала листы новополученных книг, а мы читали вслух или уходили в диванную к клавибордам» [III, 114].

По Толстому, наивное неведение может сближаться с бегством от настоящей жизни – отсюда декларативность указаний на присутствие чтения в одном ряду с составляющими усадебного быта. Сравнивая вышеприведенные фрагменты с очерком «кабинетной» жизни Еспера Иваныча Имплева в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869), чью жизнь исчерпывали «частое погружение в самого себя, чтение, музыка, размышление о разных ученых предметах <...>»⁴³, нельзя не согласиться с суждением исследователя: «Он прячется от всего иного»⁴⁴.

Но случается так, что чтение в жизни героини «Семейного счастья» дважды становится фактором, открывающим для нее возможность освобождения от рутинности «погружения в себя» и однообразный домашний быт. В первый раз Машу окрыляет восхищение со стороны Сергея Михайлыча, обратившего внимание на необыкновенные свойства ее души: «Книги, которые прежде я читывала только для того, чтобы убить скуку, сделались вдруг для меня одним из лучших удовольствий в жизни; и все только оттого, что мы поговорили с ним о книгах, читали с ним вместе и он привозил мне их» (III, 84). Другое окно в «большой мир» Сергей Михайлыч открывает Маше словами о том, что «одно несомненное счастье – жить для других» [III, 85]. Любовь в ее душе соединяет сказавшего это Сергея Михайлыча и всех остальных людей, включая крестьян, высоким «духовным настроением» [III, 99]. Им обусловлен и непривычный выбор чтения: «Между службами

⁴³ Писемский А. Ф. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. С. 38.

⁴⁴ Смирнова Л. Л. Образ усадьбы в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Русская усадьба XVIII – начала XX веков: Проблемы изучения, реставрации и музеефикации. Материалы научной конференции / Редактор-составитель Е. В. Яновская. Ярославль, 2004. С. 8.

я читала Евангелие, и все понятнее и понятнее мне становилась эта книга <...>» [III, 98].

Но усадебное чтение может являться и прикрытием, служащим цели самообмана и обмана других, своего рода «спасением от жизни» [V, 309] в не имеющем к ней отношения «мертвом» книжном знании. В этом случае чтение обычно характеризуется «всеядностью», бессмысленным наукообразием, механистичностью, сопровождаемыми нередко иллюзией пользы для других, позволяющей не замечать собственной душевной пустоты. В «Войне и мире» и «Анне Карениной» эта функция чтения значительно раздвигает границы замысла и содержания. Появляющийся в третьей части «Анны Карениной» второстепенный персонаж, своего рода «двойник» Левина Свяжский, уездный предводитель дворянства, «лучший тип земского деятеля, какой только знал Левин», примечателен тем, что всерьез озабочен вопросами общественной пользы и к насущным проблемам подходит с позиций прогресса и новейшего образования.

В Суровском уезде, где находится усадьба Свяжского, словно сходятся все мировые вопросы, и Толстой иронизирует над этим через посредство Левина, для которого в ближайших заботах по хозяйству сосредоточено самое главное. Как бы непонимающий взгляд на Свяжского со стороны Левина открывает этот парадокс: «Свяжский был один из тех, всегда удивительных для Левина людей, рассуждение которых, очень последовательное, хотя и никогда не самостоятельное, идет само по себе, а жизнь, чрезвычайно определенная и твердая в своем направлении, идет сама по себе, совершенно независимо и почти всегда вразрез рассуждениям» [VIII, 359–360]. «Книжный» эпизод, связанный со Свяжским, выглядит почти сатирическим: «Левин перед сном зашел в кабинет хозяина, чтобы взять книги о рабочем вопросе, которые Свяжский предложил ему. Кабинет Свяжского была огромная комната, обставленная шкафами с книгами и с двумя столами – одним массивным письменным, стоявшим посередине комнаты, и другим круглым, уложенным звездой вокруг лампы, на разных языках последними номерами газет и журналов. <...>

Свияжский достал книги и сел в качающееся кресло.

– Что это вы смотрите? – сказал он Левину, который, остановившись у круглого стола, переглядывал журналы.

– Ах да, тут очень интересная статья, – сказал Свияжский про журнал, который Левин держал в руках. – Оказывается, – прибавил он с веселым оживлением, – что главным виновником раздела Польши был совсем не Фридрих. Оказывается....

И он с свойственной ему ясностью рассказал вкратце эти новые, очень важные и интересные открытия. Несмотря на то, что Левина занимала теперь больше всего мысль о хозяйстве, он, слушая хозяина, спрашивал себя: “Что там в нем сидит? И почему, почему ему интересен раздел Польши?” Когда Свияжский кончил, Левин невольно спросил: “Ну так что же?” Но ничего не было» [VIII, 369–370].

Приближение катастрофы, которое уже угадывается в «счастливые» дни пребывания Анны и Вронского в Воздвиженском, осознается через отношение к чтению, которое становится для Анны едва ли не заменой действительной жизни и создает видимость значимости ее в собственных глазах и во все более граничащих с фальшью отношениях с Вронским: «Жизнь, казалось, была такая, какой лучше желать нельзя: был полный достаток, было здоровье, был ребенок, и у обоих были занятия. Анна без гостей все так же занималась собою и очень много занималась чтением – и романов и серьезных книг, какие были в моде. Она выписывала все те книги, о которых с похвалой упоминалось в получаемых ею иностранных газетах и журналах, и с тою внимательностью к читаемому, которая бывает только в уединении, прочитывала их. Кроме того, все предметы, которыми занимался Вронский, она изучала по книгам и специальным журналам, так что часто он обращался прямо к ней с агрономическими, архитектурными, даже иногда коннозаводческими и спортсменскими вопросами. Он удивлялся ее знанию, памяти и сначала, сомневаясь, желал подтверждения; и она находила в книгах то, о чем он спрашивал, и показывала ему» [IX, 230].

Когда Вронский приходит, чтобы сообщить ей о своем отъезде на дворянские выборы, книги выступают «заслоном» оче-

видного для обоих факта разрушающихся отношений, еще более подчеркивая его:

– Надеюсь, ты не будешь скучать:

– Надеюсь, – сказала Анна. – Я вчера получила ящик книг от Готье. Нет, я не буду скучать» [IX, 232].

Вернувшись с выборов, Вронский застаёт Анну «в гостиной, под лампой, с новою книжкою Тэна <...>». Но героиня Толстого вовсе не увлечена модной новинкой – по замечанию автора, она «читала, прислушиваясь к звукам ветра на дворе и ожидая каждую минуту приезда экипажа» [IX, 255].

Следует признать справедливость наблюдения В. В. Розанова: «Быта Л. Н. Толстой не рисует, как темы, как задачи»⁴⁵. Именно поэтому топос чтения, применительно к поэтике Толстого, не может быть абсолютизирован в виде тематических или стилевых пластов, в виде атрибутов, составляющих архитектуру «усадебной повести» в ее каноническом облике. Обладая всеми характерными приметам времени, чтение среди этих пластов выступает как элемент романного целого, выполняя разнообразные художественные функции. «<...> у Толстого нет “обстановки”, – пишет Розанов, – у него и мебель живет. <...> “А из кого состоит жизнь? – спрашивает Толстой. – Разве она состоит из утонченных Метерлинков, из патетических Руссо, разве настоящую работу в ней производят говоруны Рудины и прорицатели Базаровы? Все эти говорят и проходят, а жизнь стоит, и на чем-нибудь она стоит же”»⁴⁶.

Разговоры «в огромной машине вселенной» (А. С. Пушкин): к вопросу об усадебной «болтовне»

Феномен «разговоров» – как объекта художественной онтологии в русской литературе XIX в. – лишь в последнее время стал

---

⁴⁵ Розанов В. В. На закате дней. Л. Толстой и быт // Розанов В. В. О писателе и писательстве. М., 1995. С. 232.

⁴⁶ Там же. С. 235.

объектом целенаправленного внимания исследователей⁴⁷. В этом качестве «разговоры» могут отождествляться с «болтовней»⁴⁸, что было отмечено Пушкиным, не однажды привлекавшим модификации «забалтывания» в аттестации разнообразных форм общения. Характерно, что именно в «усадебном тексте» «Романа в письмах» (1829) обретает наглядность такого рода отождествление: «<Лиза – Саше.>»: «Ты видишь: я с тобою болтлива по обыкновенному – не будь же и ты скупа на заочные разговоры»⁴⁹. То, что перед нами не случайность, а закономерность, подтверждается известными высказываниями Пушкина в письмах 1820-х годов, адресованных А. А. Бестужеву: «<...> да полно тебе писать быстрые повести с романтическими переходами – это хорошо для поэмы байронической. Роман требует болтовни; высказывай всё на чисто» [XIII, 180]; «<...> да возьми-ка за целый роман – и пиши его со всею свободою разговора или письма <...>» [XIII, 245]; «Я давно уже не сержусь за опечатки, но в старину мне случилось забалтываться стихами <...>» [XIII, 84] и т. п.

Полисемантичесность понятия «болтовни», как и смежных лексических наименований (в «Словаре языка Пушкина: «болтанье», «болтать», «болтливость», «болтливый» и др.⁵⁰, не затеняет сущностного признака, связанного у писателей начала и середины века с духом искренней непринужденности, свободы, поэтичности, с отторжением официальных, этикетных и любых иных регламентаций. Словом «болтанье» заявляет о себе стилистика, свойственная только разговорной речи и, одновременно, истинной поэзии и неподдельному искусству. «Ради бога, – обращается Пушкин к брату, Л. С. Пушкину, в письме от 24 сен-

⁴⁷ См.: Юхнова И. С. Поэтика диалога и проблема общения в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Автореф. дис. <...> докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2011.

⁴⁸ Вершинина Н. Л. «... забалтываясь донельзя»: функция «забалтывания» в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина и подражаниях «роману в стихах» (М. Воскресенский, Трилунный, А. Яхонтов и др.) // Болдинские чтения – 2013. Нижний Новгород, 2013. С. 129–141.

⁴⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VIII. С. 48. Курсив мой. – Н.В. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в квадратных скобках.

⁵⁰ Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 1. А – Ж. М., 1956. С. 157–158.

тября 1820 г., – почитай поэзию – доброй, умной старушкой, к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым болтаньем и сказками <...>» [XIII, 93. Курсив мой. – Н.В.]. Примечательно, что, знакомясь с перепиской поэта по «Материалам для биографии А. С. Пушкина», изданным П. В. Анненковым (1855), Л. Н. Толстой подчеркнул именно приведенные выше три строки⁵¹ – факт, свидетельствующий об его интересе к пушкинской мысли, и, возможно, о сочувственном согласии с идеей свободного «забалтывания».

Онтологический ракурс «болтовни» был освоен и публично заявлен О. И. Сенковским в программной статье «Брамбеус и юная словесность» (1834) – в «болтовне» он увидел существо всей современной литературы и важнейшие основания ее развития в будущем: «Прелесть умной светской беседы, и беседы дружеской, без свидетелей, в уединении, – перенесенная на бумагу и доступная во всякое время, – есть первая идея словесности»⁵². Характерно, что само по себе обращение к Пушкину позднейших авторов, например, А. Ахматовой обретало форму именно этого статуса коммуникаций: выражение себя через «разговоры» становилось условием теснейшего внутреннего взаимодействия, атмосферы духовного сотворчества: «... я, простите, забалтываюсь – меня нельзя подпускать к Пушкину...»⁵³. Ахматовой явно созвучно приведенное мемуаристом суждение ее современницы о том, что «умение забалтываться» – «необходимое качество настоящего прозаика»: «<...> прозе нужно забалтываться, <...> прозе нужна избыточность, “ненужная деталь”»⁵⁴.

⁵¹ Архангельская Т. Н. В творческой лаборатории Л. Н. Толстого: Источники, прообраз и образ, литературные связи. Дис. <...> канд. филол. наук. Орел, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/v-tvorcheskoi-laboratorii-ln-tolstogo-istochniki-proobraz-i-obraz-literaturnye-svyazi_...

⁵² Сенковский О. И. Брамбеус и юная словесность // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Ч. 1. № 4. Отд. «Русская словесность (Проза)». С. 35.

⁵³ Ахматова А. Проза о поэме. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ahmatova.ouc.ru/proza-o-poeme.html>

⁵⁴ Найман Анатолий. Рассказы об Ахматовой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://akhmatova.org/bio/naiman04.htm>

Наша цель – показать, что феномен усадебных разговоров в наибольшей степени сближается с «болтовней» в онтологическом, непреходящем качестве и художественном выражении. Об этом свидетельствует сходная функция данного феномена в произведениях Пушкина, Толстого, Писемского, Тургенева.

Прежде всего, отметим: «болтовня» как форма общения позволяет сочетать несочетаемое, что обеспечивает ей эффективность применительно к порубежному усадебному миру. К мысли об его порубежности подводит замечание В. А. Доманского: «русская усадьба в <...> образе жизни ее обитателей ни в коем случае не уравнивается с провинцией»⁵⁵. Мы выразились бы не столь категорично, исходя из того, что «разговоры» в усадьбе не разделяют, а соединяют несоединимое: с одной стороны, наивно-обывательский быт, с его установлениями и неизменными стереотипами, с другой – проявления развитого сознания, широту и неоднозначность запросов цивилизации. Усадьба, вне всякого сомнения, воплощает строгую замкнутость пространства (в том числе, и на уровне поэтологической строфической «структурности»), но, при этом, она олицетворяет безграничность «полета» духа («торжество языка над стихом» в «Евгении Онегине», достигаемое, по мысли Ю. М. Лотмана, с помощью «несовпадения синтаксических и метрических единиц»⁵⁶). Столь же парадоксальна взаимообусловленность «уединения», располагающего к творчеству, дружеской беседе, любовным свиданиям, – и окружающей подобный род общения атмосферы многолюдства, непонимания, суеты, без которой в «уединении», что важно заметить, не проявилась бы нужная авторам «ориентация на <...> непринужденный, непосредственный нелитературный рассказ»⁵⁷.

С этих позиций правомерно объяснить «странное сближение» Онегина и Ленского в «романе в стихах»:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень

⁵⁵ Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики. С. 58.

⁵⁶ Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 429.

⁵⁷ Там же. С. 429.

Не столь различны меж собой. [VI, 37]

Речь идет не о диалектическом сцеплении противоречий, о чем не раз писали исследователи⁵⁸, а о соположении, сосуществовании разноприродных факторов, реализуемом исключительно в усадебном пространстве. Здесь, используя слово Ю. М. Лотмана, «торжествует» одномоментность – даже при видимой последовательности производимых действий. По-своему пересказывая Татьяне «день Онегина» (гл. седьмая), Анисья имеет в виду не столько очередность занятий «барина», сменяющих друг друга, сколько их неразделимость и взаимодополняемость в усадебном укладе:

Здесь почивал он, кофей кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку по утру читал... [VI, 146]

Беседы Онегина и Ленского не имеют практической, полемической или иной целенаправленности. Именно внутренняя потребность в будто бы бесцельной «болтовне» сближает этих героев, уединившихся среди «толпы» – их «разговоры» выделяются из обозначенной тематики поместных разговоров: «О сенокосе, о вине / О псарне, о своей родне» – [VI, 36]. В ранних редакциях уединенность бесед Онегина и Ленского была подчеркнута:

В прогулке их уединенной <...> [VI, 278]

Амбивалентность усадебной «болтовни» связана с тем, что свобода такого рода общения, с одной стороны, – неотъемлемая часть деревенского быта и сложившихся в нем привычек; с другой же, в сущности, она несоизмерима ни с рамками поместного мирка, ни с открывающимися широкими перспективами, очерченными цивилизацией. Феномен усадебной болтовни – в прямой апелляции ее к масштабам «вселенной», по пушкинскому определению в черновиках:

...О чем ни зачинали <?> спор
В составе вселенной

---

⁵⁸ Палиевский П. В. Пушкин как классическая мера русского стилевого развития // Теория литературных стилей. Типология стилевого развития Нового времени: Классический стиль. Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле. М., 1976. С. 95–114; Глухов В. И. Лирика Пушкина в ее развитии. Иваново, 1998; Ильичев А. В. Поэтика противоречия в творчестве А. С. Пушкина и русская литература конца XVIII–начала XIX века: В 2 ч. Владивосток, 2004.

На что ни обращали взор [VI, 278]

В варианте:

б. В огромной машине вселенной [VI, 278]

Совместимость предметов, далеко разведенных друг с другом при других обстоятельствах, в усадебной «болтовне» очевидна:

а. Обман и быль, добро и зло [VI, 278]

Наибольшей содержательной насыщенности и одновременно «свободы разговора» беседы Онегина и Ленского достигают в окончательном тексте:

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду.

[VI, 38]

В сущности, та же модель общения: синхронность временно-го и вечного аспектов в составе усадебных коммуникаций представлена в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого (1873 – 1877) – в контексте поместной жизни Левина.

Когда к Левину приезжает «радостный <...> гость» Стива Облонский, это означает для Левина, прежде всего, удовлетворение потребности в общении с «приятным человеком, с кем бы поговорить». Для усадебной жизни нет понятия прагматических дружеских разговоров – «болтовня» предполагает один разговор обо всем, без соблюдения каузальной взаимосвязи и логики: «Как всегда, у него за время его уединения набралось пропасть мыслей и чувств, которых он не мог передать окружающим, и теперь он изливал на Степана Аркадьича и поэтическую радость весны, и неудачи и планы хозяйства, и мысли и замечания о книгах, которые он читал, и в особенности идею своего сочинения, основу которого, хоть он сам не замечал этого, составляла критика всех старых сочинений о хозяйстве»⁵⁹.

⁵⁹ Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. VIII. С. 177, 178–179.

Характерная черта «болтовни» – в том, что она не предполагает обязательного уровня образованности, блеска остроумия и бойкости ума. В этих качествах представлено касательное отношение к словам и звукам, где имеет большее значение не смысл, а ощущение искренней теплоты, непоказной задушевности. Левин чувствует это после приезда из Москвы и отказа Кити, очутившись в привычной усадебной обстановке: «путаница понятий» остается в «городском» локусе, не переходя пределов усадебного бытия.

Возвратившись в Покровское Левин вновь погружается в нерегламентированный порядок жизни, установленный самой природой. С ним, однако, органично уживаются новейшие открытия цивилизации: многоуровневость и нерасторжимость каждого мгновения позволяют ощутить присутствие «вселенной» в пушкинском понимании образа, воплощенного в произнесенном и не сказанном слове.

«Болтовня» с Агафьей Михайловной (автобиографический эпизод, упоминаемый нами выше) входит в тот круговорот явлений, где отсутствуют различия между значительным и незначительным, интеллектуальным и рожденным природной мудростью: «Кроме хозяйства, требовавшего особенного внимания весною, кроме чтения, Левин начал этою зимой еще сочинение о хозяйстве, план которого состоял в том, чтобы характер рабочего в хозяйстве был принимаем за абсолютное данное <...>. Так что, несмотря на уединение или вследствие уединения, жизнь его была чрезвычайно наполнена, и только изредка он испытывал неудовлетворенное желание сообщения бродящих у него в голове мыслей кому-нибудь, кроме Агафьи Михайловны, хотя и с нею ему случалось нередко рассуждать о физике, теории хозяйства и в особенности о философии; философия составляла любимый предмет Агафьи Михайловны»⁶⁰.

Интересно, что совершенно такое же представление о значимости «болтовни» в условиях усадебного бытия находим в письме Толстого из Ясной Поляны от 2 марта 1882 г., адресованном С. А. Толстой: «Во всяком случае мне очень здорово отойти от этого

---

⁶⁰ Там же. С. 170.

задного мира городского и уйти в себя, – читать мысли других о религии, слушать болтовню Агафьи Михайловны и думать о людях, о боге»⁶¹.

Те же функции «усадебных разговоров» присутствуют в романах А. Ф. Писемского, из которых в этом плане наибольший интерес представляют «Люди сороковых годов» (1869).

Всеобъемлемость подобных «разговоров» делает их родственными иным, многообразным разновидностям «болтовни», не уравнивая полностью ни с одной из данных разновидностей. Это могут быть этические (обычно негативные) аспекты, соотносимые с пустословием, понятием сплетни, с чем-то, к чему прилагаются эпитеты «безнравственная», «вздорная», «пошлая», «глупая», «бесталанная» и т.п. Это также может быть «болтовня», осмысленная в стиливом ключе, как поступает Мопассан в книге «На воде» (1888), где ей приписываются качества французского остроумия: «Приятная беседа, что это такое? Бог весть! Это уменье никогда не наскучить, обо всем говорить занимательно, нравиться чем придется, пленять неизвестно чем. Как определить это легкое порханье с предмета на предмет, эту резвую игру, где вместо мячей перебрасываются словами, эту легкую улыбку ума, которая и есть приятная беседа?»⁶².

Иногда тонкость границ между разными значениями «болтовни» может способствовать неверной оценке ситуации и отношений между героями. В романе И.С. Тургенева «Рудин» (1856), например, Дарья Михайловна Ласунская снисходительно смотрит на усадебные беседы дочери с Рудиным: «Близость его с Натальей была не совсем по нутру Дарье Михайловне. “Но, – думала она, – пускай она с ним поболтает в деревне. Она забавляет его, как девочка. Беды большой нет, а она все-таки поумнеет... В Петербурге я это все перемену...”

Дарья Михайловна ошибалась. Не как девочка болтала Наталья с Рудиным: она жадно внимала его речам, она старалась

⁶¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. XIX. С. 9–10.

⁶² Мопассан Ги де. На воде. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.ru/read/mopassan_gi/na_vode.html#225280

вникнуть в их значение, она повергала на суд его свои мысли, свои сомнения: он был ее наставником, ее вождем»⁶³.

В данном случае амбивалентность «болтовни» сказывается в наложении стереотипа легких, также усадебных разговоров, на «болтовню» как «уединенно» сформировавшийся, скрытый потенциал общения – не предусмотренных помещным или иным этикетом межчеловеческих связей, сложно соотносящих сказанное с невысказанным. О неоднозначном характере кажущейся лишь «легкомысленной» «мазурочной болтовни» пишет Ю. М. Лотман: «"Мазурочная болтовня" требовала поверхностных, неглубоких тем, но также занимательности и остроты разговора, способности к быстрому, эпиграмматическому ответу. Бальный разговор был далек от <...> игры интеллектуальных сил <...>. Тем не менее он имел свою прелесть – оживленность свободы и непринужденность беседы между мужчиной и женщиной, которые оказывались одновременно и в центре шумного празднества, и в невозможной в других обстоятельствах близости <...>»⁶⁴.

«Мазурочная болтовня» в этом случае важна как аналог «болтовни» усадебной – синкретизм обеих допускает противоположные семантические толкования, из которых, соответственно, могут вытекать столь же неоднозначные последствия.

Подводя итог, отметим в «усадебных разговорах» признаки, обладающие несомненной типологической характерностью: уединенность их подготовки и дальнейшей ситуативной реализации; обязательное наличие окружающего многолюдства, «толпы», при отторжении от которой возникает неподдельная искренность, близость, о которой Лермонтов писал в послании «К*» (1832):

Есть звуки – значенье ничтожно,
И презрено гордой толпой –
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто былое

⁶³ Тургенев И. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 1988. С. 488. Курсив мой. – Н. В.

⁶⁴ Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. С. 522.

На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!⁶⁵

К типологическим свойствам «болтовни» относятся ее видимая бесцельность, нерегламентированность, иногда банальность, полная свобода самовыражения, соединяющая собеседников не правилами общежития, а неписанными законами природы. При замкнутости усадебного мира он изначально открыт не только новейшим веяниям цивилизации, но и неведомому, наполняющему необъятность «машины вселенной». В усадьбе этому способствуют, наряду с чтением и музыкой, непринужденно протекающие «разговоры», охватывающие спектр доступных ее обитателям вопросов, касающихся как конкретного человека, так и интересов и чаяний человечества. Запечатленной в слове одновременностью переживаемых состояний обусловлена их безграничность, в результате чего «усадебные разговоры» лишаются заданной тенденции, вливаясь в живую неисчерпаемость многоголосья. Применительно к Онегину и Ленскому, об этом сказал Пушкин: «О чем ни заводили речь» [VI, 278].

---

⁶⁵ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1969. Т. 1. С. 247.

«Благословенный приют»: усадебный мир и его обитатели в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света»

«В стороне от большого света» – главное и, несомненно, лучшее произведение¹ в творческом наследии Юлии Валериановны Жадовской², поэтессы и прозаика 40–60-х годов XIX века. При этом образ «большого света», вынесенный в название романа, необычайно функционален в раскрытии характера его заглавной героини Генечки, Евгении Александровны, сироты, выросшей в усадьбе родной тетки Авдотьи Петровны и впервые покинувшей ее в шестнадцатилетнем возрасте, отправившись в гости к другой тетке по материнской линии, Татьяне Петровне, живущей в трех днях пути от «мирного уголка» Амилова в Т*** губернии. Тем не менее, как представляется, центральным романским локусом выступает не «большой», а «малый» усадебный мир, который Генечка оставляет дважды, и отсюда дважды рвется «самая главная нить», «привязывавшая» ее к «месту, где все <...> было мило и дорого»³, и в итоге, после смерти Авдотьи Петровны, проданному «в чужие руки» [266]. Хотя, судя по финалу, дом, «пригревавший» Генечку «столько лет под своим кровом» [78], для нее не утрачен навеки: он как бы возрождается, возвращаясь в облике другого «небольшого светленького чистенького домика», представляющегося героине «уютным, прочным пристанищем» [283]

---

¹ Капитанова Л. А. Контрапункт «чувство-рассудок» как авторская стратегия в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света» // «Забывтое» и «второстепенное» в жанре романа XVIII–XX веков. Монография / Отв. ред. Н. Л. Вершинина. Псков, 2010. С. 123–162.

² См. очерк жизни и творчества Ю. В. Жадовской: Капитанова Л. А. Юлия Валериановна Жадовская // Жанр романа в литературном процессе XIX–XX веков: «забытое» и «второстепенное». Учебно-методическое пособие / Отв. ред. Н.Л. Вершинина. Псков, 2011. С. 45–67.

³ Жадовская Ю. В. В стороне от большого света // Жадовская Ю. В. В стороне от большого света: роман. Отсталая: повесть. М., 1993. С. 203. Далее все цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в квадратных скобках.

– «тихой гаванью, в которой можно укрыться от несовершенства мира»⁴, – «куда вошла» она «хозяйкой и любимую женой» [283]. Именно этой в целом обнадеживающей мыслью о незыблемости усадебного «благословенного приюта», сопряженной с общим для всего творчества Жадовской изображением провинциальной усадебной жизни, подобно «оберегу» защищающей сознание героини от разрушительного воздействия «большого» мира – города, светского общества, завершается роман «В стороне от большого света». Между тем не все так однозначно, как может показаться на первый взгляд, в авторской рефлексии «прежнего» бытия Генечки. Но при этом данный роман, безусловно, является каноническим «усадебным текстом» с его «усадебной» мотивной, сюжетной, образной⁵ системой и доминирующим в повествовании усадебным (по М. М. Бахтину, «идиллическим») хронотопом⁶, способствующим художественной передаче «состояния счастливой безмятежности и покоя в замкнутом пространстве обустроенной природы»⁷ и отсюда продуцирующим в «усадебном тексте» стихию «усадебного мифа», согласно которому усадьба мыслится как райский сад, Эдем⁸.

Вместе с тем образ усадьбы в «усадебном тексте» представал и в непосредственной соотнесенности с ценностно-смысловой основой дворянской усадьбы как одного из ключевых феноменов общерусской культуры⁹, воплощающего не только особую социокультурную реальность, но и «самостоятельную жизненную

⁴ Панофски Э. «Et in Arcadia ego»: Пуссен и элегическая традиция // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 33. С. 35.

⁵ См. об этом: Самосенко Д. А. «Усадебный текст» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2012. № 10. С. 60. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/65630319.pdf>

⁶ Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы // Из истории русской культуры. Том V (XIX век). М. «Языки русской культуры», 1996. С. 575.

⁷ Щукин В. Г. Российский гений просвещения. М., 2007. С. 318.

⁸ Там же.

⁹ Гехтляр С. Я., Осадчая О. А. Концепт «дворянская усадьба» в русской культуре: место в концептосфере, содержание, структура // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-dvoryanskaya-usadba-v-russkoy-kulture-mesto-v-kontseptosfere-soderzhanie-struktura>

стихию, обладающую собственной внутренней энергией, своими имманентными законами развития»¹⁰. Подобное восприятие усадьбы и усадебной жизни в целом выступает содержательным и структурным стержнем авторской модели усадебного мира в романе «В стороне от большого света». Тем более что Жадовской, в силу ее физической обреченности на сельское затворничество, на существование в домашнем круге, жизнь в усадьбе действительно представлялась некоей зиждательной основой, равновеликой материнскому лону с его благодатными лелеющими токами, пребывающей в положенных пределах и отведенных возможностях.

Но главное, как известно, миру усадьбы свойственна единая система ценностей, патриархальных по своей сути, которая делает этот мир незыблемым и тем самым способствует сохранению его первозданности и которую в романе Жадовской, как и в любом другом «усадебном тексте», например, в «Детских годах Багрова внука» С. Т. Аксакова, воплощает идиллический хронотоп, отражающий особую взаимосвязь пространства и времени. Выражением последней в данном случае является «органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту» – «к родным полям, реке, лесу, к родному дому»¹¹, в чьих стенах всегда соседствуют поколения людей, – как в усадьбе Амилово, где рядом со своей тетушкой Авдотьей Петровной счастливо подрастает Генечка, – единые и нераздельные, несмотря на, казалось бы, протянувшиеся между ними годы. Хотя, как отмечает М. М. Бахтин, идиллическое (усадебное) «единство места» заметно смягчает все грани времени, что «существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени»¹², отчетливо проступающей в «усадебном тексте» в картинах сменяющихся времен года, мерном жизненном круге родин, свадеб и похорон. Безусловно, все это находит место и в романе Жадовской «В стороне от большого света», развивающем

---

¹⁰ Стернин Г. Ю. Об изучении культурного наследия русской усадьбы // Русская усадьба: сборник ОИРУ. 1996. Вып. 2 (18). С. 11.

¹¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 258.

¹² Там же. С. 258–259.

мысль о связи человеческой жизни с жизнью природы¹³ как одним из главных ценностных ориентиров мира усадьбы, сопряженным с представлением о естественном бытии на лоне природы¹⁴.

Именно отсюда проистекает стремление авторов «усадебных текстов» подчеркнуть простоту и незатейливость и самой сельской усадьбы, и жизни в ней. Непосредственным подтверждением этому служит панорама родных мест, «считываемая» взором истосковавшейся по дому Генечки («Все ближе и ближе подвигалась я к Амилову. Уже замелькали в вечернем сумраке знакомые деревни; вот повернули в сторону и поехали по косоугору над замерзшею речкой; миновали мостик, ведущий на мельницу; нырнули в огромнейший ухаб под ближайшею деревушкой; окна изб светились огнем, бросая розовый блеск на снег; в воздухе потянуло чем-то родным; какая-то особенная тишина веяла над этой уединенною стороною. Еще четверть версты – и Амилово, осененное высоким садом своим, открылось моим глазам» [111]), в которой все предстает обыденным, заземленным (косоугор, замерзшая речка, мостик, мельница, огромнейший ухаб, избы), являет собой типичное деревенское пространство. Но одновременно исходящие от этой панорамы свет («окна светились <...>, бросая розовый блеск на снег»), покой («какая-то особенная тишина веяла над этой уединенною стороною»), ощущение близкого счастья («в воздухе потянуло чем-то родным») способны вызвать в читательском сознании образ возвращенного Рая, к тому же как бы «материализовавшийся» в открывшемся глазам героине Амилове, «осененном высоком садом».

Однако подобное снижено-опрошенное попадание в «райское место» – по косоугору и мостику, а дальше через ухаб – только на первый взгляд выглядит парадоксальным, ибо традиционно в «усадебных текстах» сочетались бытовая конкретика, достоверность и идеализация усадебной жизни¹⁵. Данному сочетанию

¹³ Там же. С. 259.

¹⁴ См. об этом: Самосенко Д. А. «Усадебный текст» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». С. 60.

¹⁵ Зыкова Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры. М., 1998. С. 58–71. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/zykova-98.htm>

сполна соответствует авторское внимание к вещественным мелочам, составляющим каждодневное бытие обитателей усадьбы и одновременно отражающих благоденствие этого бытия. В этом отношении симптоматично описание комнаты тетушки Генечки, пространство которой, заполненное незатейливыми обиходными предметами («кровать, ширмы, столик с ее кружкой и табакеркой, любимый темный капот, висевший на ширмах, кресло с истертым сафьяном на ручках и спинке»), «освещало» «безмятежным светом» «ясное февральское утро» [205]. И кажется, сошлись воедино простая материя жизни и льющаяся с небес светоносная сень, теплом своим сберегающая заповедное земное место, на радость и счастье дарованное людям.

Замечание об осененном небесным светом усадебном «месте» отнюдь не надумано. В романе Жадовской отчетливо просматривается мотив солнечного света: «солнце сквозь промытые стекла еще ярче озаряло вечерними лучами комнаты» [114], Генечка глядит на зелень сада, «облитую таким чудесным солнечным светом», небо «сияет такую чистою, безоблачною лазурью» [138]...

Также зачастую в связке с мотивом света в повествовании присутствует мотив ветра (ветерка), превращающего усадебное пространство в истинный райский уголок, напоенный сладчайшими ароматами: «ветер, врывавшийся в открытые окна, доносил благоухание цветущих лип <...> и тонкий запах резеды», приводил в легкое движение «разросшиеся кусты сирени», ветки которых «касались рамы окошка и будто просились в комнату» [138]. И все это чарующее запахами царство как бы заключала собою в магический круг «струя благовонного воздуха», что «неслась» из «цветников» сада [145].

Но одновременно автор допускает и иную тональность в изображении усадебной бытовой конкретики, позволяя себе открыто улыбнуться относительно увиденных в доме тетушки Генечки «портретов Суворова и Цицерона», которые «красовались над диванами в гостиной» [112], совсем как портрет Суворова в домике родителей Базарова. Но там присутствие последнего было вполне оправдано военным прошлым Василия Ивановича,

полкового лекаря. И что могло послужить причиной появления этого портрета, не говоря уже о портрете Цицерона, в доме Авдотьи Петровны, девицы шестидесяти лет, которая до старости «заливалась слезами над произведениями Августа Лафонтена и других чувствительных писателей и с трепетом следила за ужасами «Удольфских таинств» [6]? Однако лучше Суворов и Цицерон на стене сельской усадьбы, в соседстве со скворцом, спавшим в своей клетке, «завернув головку под крылышко», и дымчатой кошкой на стуле у печки, чем портреты в городском особняке Татьяны Петровны, «большой частью мужчины в екатерининских и павловских мундирах», «лишенные малейшего выражения жизни» и «угрюмо глядевшие из темного фона», от которых портретная комната принимала «довольно мрачный характер» [83]. Все лучше простой тетушкин дом «с худым забором, колодцем с двумя покрявившимися столбами» [173], чем «пустые и мрачные парадные комнаты дома» городской тетки, «вся жизнь которого сосредоточилась в тепличной девичьей, где при сальной нагоревшей свече слышались смех и громкие голоса горничных» [99].

Но не только добротой, теплотой и светом, и даже своими запахами (как говорит Аркадий Кирсанов, оказавшись в родительской усадьбе Базарова: «А я люблю такие домики <...> старенькие да тепленькие; и запах в них какой-то особенный») противостоит усадьба Авдотьи Петровны холоду и чопорной замкнутости дома ее городской сестры.

Деревенская усадьба с ее «жизнью тихой, как пустыня, и светлой, как ручей в ясную погоду» [112], несуетной, размеренной, свернутой, сосредоточенной на самой себе, одновременно пронизана глубокими токами, нет, не большой жизни города, но жизни вселенской, что уводит, прежде всего, взгляд, душу в открытые пространства – по дороге, вдаль, к горизонту, в бесконечность земли и неба, отчего душа неожиданно делается объемной, пронизанной мечтами, идеалами, наконец, высшими смыслами бытия, что, собственно, и произошло с усадебной барышней Генечкой, которая однажды увидела «сквозь забор», садовую ограду, «таинственную синеву дали», «ленту дороги» [20] и потянулась в этот природный и одновременно душевный простор. И Жадов-

ская, сполна сознавая, что высокими мечтаниями героини она, по сути, решается на художественное преодоление идиллического топоса, не отказалась от авторского решения переступить границы «малого» усадебного мира, а с ними и «усадебного текста», чтобы вместе с Генечкой читатель очутился в «большом» свете, на деле оказавшемся не более чем большой обман, иллюзия огромности, великости¹⁶, к которой была устремлена душа мечтательницы, не нашедшая здесь того, что ясно представлялось ей, виделось ее «внутренним зрением» в малых пределах усадебного мира.

Возвращение в него, в прежнее усадебное существование для героини стало возможным благодаря тому, что Генечка, переступив пространство «малого» усадебного мира, не перестала жить его временем. Важнейшей же особенностью усадебного «хроноса» является постоянная память о прошлом¹⁷. Отсюда объяснима неразлучность Генечки, несмотря на долгое отсутствие, с любой мелочью усадебного бытия, а потому ее трогательная встреча со всем по-прежнему родным, будь то старая мебель («Потом прошла в гостиную <...> Полосатые диваны и стулья с прорезными спинками стояли в чинном порядке <...>» [205]), знакомые с детства портреты («<...> портреты Цицерона и Суворова безжизненно красовались, по боковым сторонам, а на средней – как-то особенно улыбалась напудренная головка хорошенькой молодой женщины, – это был портрет тетушкиной подруги, умершей в молодости» [205]), старые липы в саду, наконец, ушедшие дорогие сердцу люди («<...> все было на своем месте, все веяло таким свежим воспоминанием, все было еще так полно ее (тетушки Авдотьи Петровны – Л. К.) недавним присутствием, что становилось почти страшно, почти невероятно подумать, что она зарыта в темной, холодной могиле. Мне казалось, что она со мной, что мысль ее говорила со мной... <...> я горько и безутешно зарыдала» [205]).

Авдотья Петровна, наряду с Генечкой, является заглавной героиней романа «В стороне от большого света» в силу его при-

¹⁶ См. об этом: Капитанова Л. А. Контрапункт «чувство-рассудок» как авторская стратегия в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света». С. 123–162.

¹⁷ Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы. С. 579.

надлежности к «усадебному тексту», в котором усадьба, в соответствии с патриархальными традициями, воплощала характер и дух ее хозяина¹⁸, а в особенности хозяйки, женщины – издревле хранительницы дома. В этом отношении показательно, что хотя тетушка имела чувствительную натуру и по этой причине, например, «была влюблена однажды, на всю жизнь» [6], однако ее «чувствительность не распространялась у нее на все без разбора, кстати и некстати» [6–7]. Так, в повседневной усадебной жизни Авдотья Петровна «во многих случаях обнаруживала умный и практический» [7], что помогало ей счастливо избегать тщеславия («Она не любила задавать тон, то есть казаться выше того, что есть <...>» [7]), а главное, внешней парадности, о чем свидетельствует ее нелюбовь к чепцам: «они закрывали ей уши и усиливали глухоту, и оттого чепец являлся на ее голове только по воскресеньям или по случаю какого-нибудь редкого визита <...> богатой соседки» [7]), чего нельзя сказать о Татьяне Петровне: «Дома, одна, она была всегда, как при гостях, разодета, надушена» [49]. Это подтверждает и Марья Ивановна, соседка Авдотьи Петровны, мать Лизы, подруги Генечки, отзываясь о порядках в доме Татьяны Петровны: «Всем бы хорошо, да церемонно больно <...>» [89]). Действительно, «церемония» здесь царит во всем, даже когда встречают близкую родственницу: городская тетка «поцеловала» Генечку «холодно и чопорно» [83].

Что же касается усадьбы в Амилово, то в ней, как и заведено в патриархальном доме, господствует атмосфера радушия, гостеприимства, хлебосольства, причем в равной степени распространяющегося и на родного человека, и на прислугу, и на соседа.

Характерно, что ближайшие соседки Авдотьи Петровны были «все бедные, у самой богатой считалось не более пяти душ» [7], она же чувствовала себя «между ними, как в своей семье», что имело, по сути, единственное объяснение: «Они искренне любили ее, и тетушка платила им тем же» [7]. Аналогичные отношения сложились у хозяйки амиловской усадьбы и с прислугой, в особенности с ключницей Федосьей Петровной, сполна разде-

---

¹⁸ Зыкова Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции. С. 58–71.

ляющей горести и радости Авдотьи Петровны, искренне заботящейся о старой барыне.

На этом фоне совсем иной выглядит обстановка в доме Татьяны Петровны, «где самые привязанности были холодны и странны и выражались с какою-то боязнью и принужденностью» [89]. Чего только стоит компаньонка госпожи Анфиса Павловна, о которой предупреждает Лиза Генечку: «Ты <...> будь с ней осторожна <...> – это такая змея, сейчас насплетничает» [86]! Кроме сплетен и доносов в окружении Татьяны Петровны властвуют непреходящие хандра и скука, родственные «антиидиллии»¹⁹, которые порождает «однообразие <...> дней, вечера, посвященные картам», а главное, «вечно одни и те же Нил Иваныч и Антон Силыч» [266].

Но тогда почему не приходится говорить о хандре и скуке усадебной идиллии, ведь занятия «ближнего круга» Авдотьи Петровны в принципе ничем не отличаются от времяпрепровождения в доме ее сестры: то же «однообразие дней», те же «вечера, посвященные картам», и «вечно одни и те же Марья Ивановна и Катерина Никитишна»? В данной ситуации все дело в безусловных ценностях, которыми живет патриархальный усадебный мир, в первую очередь, поверяя себя мерой естественного бытия с присущим ему течением, тихим и неспешным. Как говорит о подобном существовании Федор Лаврецкий, герой другого «усадебного текста», вступивший в жизненный «круг» «деревенской глуши»: «жизнь текла неслышно, как трава по болотным травам»²⁰. Отсюда «kozyри» да «ремизы» Катерины Никитишны и Марьи Ивановны [121], их «вечный разговор» с тетушкой «о хозяйстве и других близких к нему предметах», например, о сенокосе («Экая благодать! – сказала Катерина Никитишна, – что за погодка стоит! С сенокосом без горя управимся». – «Не худа бы дождичка», – промолвила Марья Ивановна. – «Не худо бы, конечно, да ведь росы большие, – травку-то и поправляют. У вас где косят, родная?») – спросила она тетушку» [145), неиссякаемая «раз-

¹⁹ Колягина Т. Ю. Утрата усадебной Аркадии в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник Ом.ун-та. 2013. № 1. С. 120.[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/92798135.pdf>

²⁰ Тургенев И. С. Дворянское гнездо. СПб., 2013. С. 87.

нообразнейшая закуска» и «чай со сливками» – все это, в силу непреложного внутреннего закона, твердо установившегося склада, верные приметы незамысловатого²¹, исполненного какого-то «величавого спокойствия»²² земного существования в близком соседстве с жизнью природы. Однако примечательным является и то, что в подобном подчеркнуто простым проживании дней и лет неизменно присутствует невероятная энергия доброты, участия, жизнелюбия, любви и тепла. И воплощают ее в «усадебном тексте» Жадовской небезызвестные читателю Катерина Никитишна, которая «имела удивительную способность плакать о чужом горе больше, чем сами огорченные» [80], и поистине «эпикурейская натура» Марья Ивановна, что «любила», но главное, умела «пропускать свет во все мрачные уголки существования» [204], отчего «когда она являлась к тетушке <...> казалось, <...> все в комнате оживало и веселело» [55].

Собственно, «на глазах» «этих добрых людей» [79] и подрастает Генечка, во всех отношениях усадебная барышня, а стало быть, «прямой» персонаж «усадебного текста». Однако, как уже отмечалось, именно образ Генечки во многом обусловил специфику авторской проекции усадебной «Аркадии» в романе, мыслимой ни больше ни меньше «точкой беззубной», и получалось, беззубным раем. Впрочем, разве подобное возможно? Может, все же «прошлое бездверно»²³? Но тогда какими смыс-

---

²¹ Вместе с тем дворянская усадьба воспринималась и «как особое культурное пространство, насыщенное философскими размышлениями об основных жизненных ценностях». См. об этом: Домников С. Д. *Мать-Земля и Царь-Город. Россия как традиционное общество*. М., 2002. С. 577. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/242408/>

²² Головин (Орловский) К. Ф. *Русский роман и русское общество*. СПб., 1899. С. 127. Цит по: Савина Л. Н. *Идиллический хронотоп дворянской усадьбы и его отражение в автобиографических произведениях С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова внука»* // *Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та*. Вып. № 4. Том 68. 2012. С. 132. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/idillicheskiy-hronotop-dvoryanskoy-usadby-i-ego-otrazhenie-v-avtobiograficheskikh-proizvedeniyah-s-t-aksakova-semeynaya-hronika-i-detskie>

²³ «Прошлое бездверно», как сказал однажды Майкл Ондатже». Цит. по: Бройде В. «Красный шум» шуршит и скользит между пальцами. О книге стихов Т. Данильянц «Красный шум» (М.: ОГИ, 2012) // *НГ EXLIBRIS*. 06.06. 2013.

ловыми обертонами обрастает счастливый финал романа и насколько можно считать его таковым? Размышления над этими вопросами склоняют к вдумчивой рефлексии характера Генечки, заметно не соответствующей стереотипу «усадебной» или, как ее с нескрываемой иронией называет городская тетушка Татьяна Петровна, «деревенской барышни». Хотя усадьба, где растет, интенсивно внутренне взрослея, девочка (как писал Тургенев об Асе) с «огненной головой» – настолько напряжены и глубоки ее чувства и мысли, действительно, под стать небесной обители души, сродственной душе ребенка. Отсюда необычайно знаменателен в романе праздник Пасхи, смысл которого сполна проявляется в ощущении Генечкой гармоничного и светлого устройства жизни. И действительно, все то, в чем наставляют христиан «Великая пятница» и «Великая суббота», а именно в переживании торжества возрождения, света и радости, оказывается увидено и прочувствовано ею, в этом отношении выступающей истинной жительницей усадьбы-райского места. Подтверждением будто самими небесами дарованного сознанию Генечке пасхального мировосприятия становится наблюдаемая героиней картина вселенской уборки («<...> в Великую пятницу, мыли и чистили в доме все, что можно было мыть и чистить» [112]), как бы помогающей с особой силой засиять весеннему солнцу («Как приятно солнце в это время!») – отмечает тетушка, входя в убранную комнату Генечки. [112]), которое «сквозь промытые стекла еще ярче озаряло вечерними лучами комнаты» [113]. Своего рода отражением разлившейся в мире пасхальной чистоты и доброты выступают и «другие хлопоты» («На другой день, то есть в Великую субботу, утром<...> Анисья, поварова жена, месила в девичьей на чистой доске куличи». [113]), заставляющие Генечку вспомнить ранние детские впечатления, связанные с «собинкой», пирожком или лепешкой, а главное, с сопутствующим этому ритуальному пасхальному действию ее всегдашним «восхищением» последним.

Однако Генечка, что в целом не характерно для барышни, не ограничивается эмоциональным восприятием всего происходящего. Как уже было до этого не раз, она пытается рефлек-

сировать по поводу проживаемого момента, и прежде всего, ее занимает то, как праздник своим светом, теплом, радостью проникает во все живое и неживое («носится в воздухе, веет в тишине, расцветает в сердцах»); «он глядит в окна, разливаясь трепетным мерцанием на ризах образов, дышит на всех отрадой, заглядывает в самые углы сердца человеческого, озаряет их ясными лучами» [114–115]), становясь важнейшим составляющим существования всех людей («радостное «Христос воскрес!» потрясло все души, оживило все сердца, повторилось в устах каждого, сравняло, помирило всех в общем, братском лобзании <...> [116]), а именно тем «светлым перепутьем на жизненной дороге, где утомленная душа подкрепляется, и с новыми силами и с тайною надеждой идет дальше под тяжелою ношей забот и труда» [115]. Возможно, зиждительная сила животворящего духа православного праздника, в равной мере чувствительно-трепетно и вдумчиво-осознанно воспринимаемого героиней как некоей опоры уже тогда мыслимого ею своего будущего за усадебными пределами, и породила в Генечке значительную часть той твердости духа, какую она явила на страницах романа? Может быть, потому он и завершился ее возвращением к истокам – в родные места, к близким людям, а главное, обретением дома и семейного счастья, что она осталась верна всему патриархальному, включая веру, то есть тому, что не поддается воздействию времени, тем самым превращаясь в надежный «якорь» в быстро меняющемся мире? Как бы то ни было, но из романа недвусмысленно вытекает обусловленность характера и в целом линии судьбы героини, сумевшей в «большом свете» сохранить свою индивидуальность, верностью первоосновам усадебной патриархальной жизни. И главное, благодаря именно этой верности Генечка, будь она «деревенской» или «городской» барышней, никогда не перестает жить в гармонии не только сама с собой, но и с окружающим миром, ибо всегда остается равной своему «я».

Вместе с тем наиважнейшим залогом гармонии бытия героини на всем протяжении усадебных лет является любовь окружающих ее людей, начиная с тетушки и кончая слугами и приятель-

ницами Авдотьи Петровны, что, в свою очередь, способствует гармоничному формированию души ребенка.

Однако, что касается Генечки, то наряду с любовью этой девочке требовалось и большое понимание, ибо в ней живет мечтательница и фантазерка. Но это понимание будет произрастать на почве антиусадебного, иначе, антидворянского воспитания. Прежде всего, потому, что Генечка «не знала гувернанток: тетка терпеть их не могла» [7], – и, следовательно, большую часть времени принадлежала себе самой, например, могла «по целым часам» ходить «задумчиво взад и вперед по комнате», сочиняя, мысленно, про себя, сказки и романы. Вспоминая детство, героиня-рассказчица назовет этот творческий процесс «долгими путешествиями по комнате», конечно, не оставленными без внимания тетушки: «<...> и в самом деле странно было видеть маленькую девочку, расхаживающую с самым глубокомысленным видом». Но поскольку на все вопросы Авдотьи Петровны, «о чем» она «думает», Генечка отвечала неопределенным «так...», то здесь как раз и обнаружилось взрослое понимание («<...> и она переставала спрашивать меня, сказав: «Ну, Христос с ней: она что-нибудь да думает»») [8], столь необходимое для выращивания гармоничной личности в ребенке, к тому же если ребенок – творец.

Впрочем, и во многом другом тетушка позволяла Генечке быть самостоятельной. Так, без посторонней помощи «на пятом году жизни» она выучилась читать и писать и «до пятнадцати ничему больше не училась». Но, главное, Авдотья Петровна полностью игнорировала дворянское воспитание племянницы, что впоследствии вызвало сокрушительную критику Генечки со стороны городской тетки Татьяны Петровны: «Танцевать не умеет, по-французски не говорит! Жалости достойно!» [86]. Между тем ни Генечка, ни тем более Авдотья Петровна не считают отсутствие светских манер серьезным упущением в вопросах воспитания юной дворянки, даже если, говоря словами Татьяны Петровны, «ей придется жить и в свете». Единственно, что предприняла тетушка, когда перед нею предстала, приехавшая на побывку в Амилово, «городская» барышня Лиза, «нарядная, праздничная, в новеньком розовом платье с тонкою талией и пышными оборка-

ми», это приказать «купить Генечке кисеи на платье по ее вкусу» [66].

Отсюда нетрудно понять, что тетушку и племянницу объединяет общее стремление жить естественной, в прямом смысле слова усадебной жизнью, какую, собственно, они и проживают день за днем: по «средам и пятницам» едят «постное», встают «к заутрене», по вечерам, в пору детства Генечки, тетушка всегда рассказывала сказки, о которых просила девочка, и не мешала ей, как известно, сочинять днем свои собственные. И позже, она всегда будет уважать мысли и чувства взрослеющей Генечки, демонстрируя этим поведение, не вполне характерное для дворянской среды²⁴.

Между тем именно право на внутреннюю духовную жизнь и поспособствовало развитию у героини детского воображения, а затем и юной рефлексии, отнюдь не свойственной девочкам-дворянкам. Рефлексивность, открытость миру, потребность познания его традиционно связаны с дворянскими мальчиками²⁵. Но Генечка – странная барышня, неуклонно тянущаяся вдале, за пределы усадебного круга, и ввысь, к звездам²⁶, серьезно мечтающая об ином для себя уделе, не совпадающем с императивом предписанного ей обществом сценария жизненного пути²⁷. Хотя справедливо подчеркнуть, что «малый» усадебный мир не исклю-

---

²⁴ См. об этом: Белова А. В. Гендерный анализ детства в пространстве дворянского дома и дихотомия частного и общественного в России XVIII–середины XIX века // Вестник Тверского государственного ун-та. Серия: История. 2012. Вып. 2. № 14. С. 25.

²⁵ Попова О. А. Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Перм. ун-т, 2007. С. 12. [Электронный носитель]. Режим доступа: https://vk.com/doc220022854_371928492

²⁶ См. об этом: Капитанова Л. А. Контрапункт «чувство-рассудок» как авторская стратегия в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света». С. 139–140, 142–144.

²⁷ Белова А. В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII – середины XIX века как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе. 2005. № 3–4. С. 29. [Электронный носитель]. Режим доступа: <http://womaninrussiansociety.ru/article/belova-a-v-mir-zhenskogo-detstva-v-dvoryanskoj-rossii-xviii-serediny-xix-veka-kak-metodologicheskaya-problema-istorii-povsednevnosti-str-28-38/>

чал сопряжения свойственной ему замкнутости и самодостаточности с открытостью «большому свету»²⁸.

Так, в «большой свет» мечтает попасть, и в нем оказывается благодаря Татьяне Петровне, Лиза, подруга Генечки. И это, действительно, «свет», а не «медвежий угол», как теперь называет Амилово новаяявленная «городская барышня» Лиза, от которой по ее приезду в гости к матери «ждали и новых модных нарядов «на фасон», и бесконечных любопытных рассказов о том, что она видела и слышала» в «большом городе» [61]. Однако Генечка мечтает вовсе не о «большом свете», но о большом мире, склоняющем «раздвинуть пространство амиловского «мирного уголка» [158] и испытать «блаженный восторг» [14] перед величием мироздания, заставляющего молодую душу упиваться мечтами о приобщении к созерцаемой огромности»²⁹ окружающего пространства. Отсюда логично дуализм (в его онтологическом понимании) усадебного места отражается лишь в сфере сознания Генечки, что и делает героиню Жадовской «странной барышней».

Вместе с тем, непрестанно мечтающей об «ином» Генечке необычайно уютно в родной усадьбе с ее внешне не впечатляющей жизнью, но внутренне исполненной аполлонического начала, сопряженного, как известно, с покоем, порядком, гармонией, духовностью, и «опознаваемого» буквально во всем: «торжественных праздниках в маленькой гостиной тетушки» [7], «треске затопленных печей и шумящем самоваре», разливавшими «какое-то веселье и бодрость в душе», зимнем саде – «сказочном хрустальном дворце» [75], воздухе, напоенном «живительным запахом свежей зелени и благоуханием ландышей» [10], «чувстве безотчетного счастья», переполняющем «все существо» [11] девочки-подростка, созерцающей красоту вокруг себя, и даже такое «странное зрелище», как «Карп Иваныч в синем парадном, полинявшем от времени кучерском кафтане», сидевший «на высочайших козлах высочайшей коляски, походившей на огромного размера фантастическое насекомое» [67], неизбежно обращало к стародавнему

²⁸ Попова О. А. Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков. С. 10.

²⁹ Капитанова Л. А. Контрапункт «чувство-рассудок» как авторская стратегия в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света». С. 140.

духу, неиссякавшему, несмотря на течение лет, в русских усадьбах.

Аполлоническое начало усадебного бытия отражает и духовно насыщенная праздность Генечки, запечатленная в созерцании ею природных картин, выступающих в романном повествовании «пейзажами души» героини, особенно в состоянии влюбленности, радостно отдающейся первому переживанию чувства любви. Подтверждением этому является описание летнего дня («<...> мне кажется, и теперь вижу я это синее небо; жаркий воздух румянит мне лицо; рой насекомых жужжит на разные тоны; солнце сушит скошенное сено, и ветерок едва колышет листья берез <...>» [19]), жаром, зноем своим равновеликого накалу эмоций, обусловленных пробуждением в «юном сердце <...> новых, сладостных ощущений» [19] любить и быть любимой («И голова моя не кружилась, и мне не было страшно – нет, я полною грудью дышала этим очаровательным воздухом, недрогнувшими устами пила первую струю счастья; мне казалось, что жизнь давала мне должное, и я, не краснея, принимала дар ее» [19]). Подобное равноправное сравнение состояний природы и чувств героини³⁰ можно наблюдать и в разновременных описаниях усадебного сада, прямого свидетеля напряженной духовной жизни Генечки. В этом связи можно обратиться к абзацу, содержащему своеобразное «рифмование» «жажды действительности», свойственной юности («И мысль моя неслась за пределы тесного горизонта моей жизни, улетала все дальше и тонула в новых мечтах» [57]), и осеннего умирания природы, помимо всего усугубленного образом старых лип, а также рельефно оттененного фразой, констатирующей напор молодых сил: «И страшно, и весело становилось мне <...> А старые липы тихо и грустно шумели надо мной, роня последние желтые листья» [57]).

Вместе с тем пронзительное сопряжение осеннего сада с его старыми липами и порыва юной героини к будущему, создаваемому ею единственно за пределами усадебной жизни, обращает

³⁰ О равноправном сравнении стихии природы и стихии чувств человека как определяющем художественном принципе раскрытия переживаний героев через природу см.: Бельская А. А. «Онегинское» в романе И. С. Тургенева «Рудин»//Спасский вестник. Вып. 18. Тула, 2010. С. 42-55.

к мысли о том, что склонность «деревенской барышни» к рефлексии, обостренное чувствование мира и напряженные поиски своего места в этом мире закономерно приносят откровенный драматизм в усадебное идиллическое существование, что также обуславливает усиление психологизма «усадебного текста»³¹.

Так, одной из текстовых проекций усадебного психологизма является хронотоп перекрестка³², маркирующий завершение первой части романа. При этом имплицитное присутствие пространственно-временной модели перекрестка в монологе Генечки, находящейся в преддверии перехода из настоящего усадебного пространства в будущее городское, становится символическим отражением смены типов сознания героини: «малого усадебного» на «большое открытое» «свету», в авторском понимании – миру³³. Отсюда концептуально значимой в художественной реализации хронотопа перекрестка и, соответственно, генерализации идеи «открытого времени» и «открытого пространства», выступает фигура «вечного жиды», Агасфера, «персонажа христианской легенды позднего западноевропейского Средневековья»³⁴. При этом Агасфер, что «обречен из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа»³⁵, оборачивается в контексте рефлексивного монолога Генечки символическим глашатаем времени, «могучим, повелительным голосом» зовущим «вперед!», отдающимся в сознании героини «голосом молодости», склоняющим сердце к перемене времени и места ценой «горечи разлуки», разлуки «бесконечной» – если вверить себя агасферовскому зову «вперед!» – с «домом, пригревавшим <...> столько лет под своим кровом», с «глубокими корнями привычки и привязан-

³¹ См. об этом: Попова О. А. Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков. С. 25; Янушкевич А. С. Путь В. А. Жуковского от русской идиллии к русской повести: деревенский топос//Вестник Томского ун-та. Филология. 2013. № 1 (21). С. 109.

³² Мысль о «хронотопе перекрестка», связанном с образом усадьбы см. Попова О. А. Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков. С. 24.

³³ См. об этом: Капитанова Л. А. Контрапункт «чувство-рассудок» как авторская стратегия в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света». С.127.

³⁴ Об этом: Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 34.

³⁵ Там же.

ностей»...[78]. Но зато, выйдя на дорогу большой жизни, можно будет, следуя призыву Тарханова, «сшить себе семиверстные сапоги» и «шагать дальше...» [94] – совсем как мечталось Генечке изо дня в день в амиловской усадьбе.

Однако, как свидетельствует жизнь героини в «большом свете», ее «усадебный» и «открытый миру» типы сознания находятся между собой в своеобразных диалогических отношениях: желанная «большая жизнь» неуклонно рефлексируется в призме усадебных ценностей. Тем очевиднее становится господствующее в ней диониссийскомировоззрение как прямой антипод аполлоническому усадебному, находящее свое отражение во власти стихийного, чувственного, телесного, всего дисгармоничного, избыточного.

Так, в первую ночь в доме Татьяны Петровны Генечку, «привыкшую спать при свете лампадки, неприятно поразили потемки», представляющиеся ее «огненной головке» населенными «незнакомыми лицами с неподвижными чертами и ярко сверкающими глазами». А дальше игра воображения населит ее «беспокойный сон» и вовсе «странными, подчас уродливыми видами», сродни «сценам» и «персонажам» сна Ивана Федоровича Шпоньки, которому то является жена с гусиным лицом, то жен становится несколько и они всюду – в шляпе, в кармане...Генечке же «казалось», что она тонет в снежном сугробе, а после «Антон Силыч гонится» за нею «с явным желанием укусить», и она бежит «от него в портретную, где оживают и выходят из рам виденные» ею «портреты», «окружают <...>, протягивая <...> руки и произнося невнятные речи...» [83]. Но если причиной фантазмагорического сна героя Гоголя становится его собственная душевная неразвитость, когда даже женитьба кажется ему чем-то выходящим за рамки обыденной жизни и отсюда выливающимся в ночные кошмары, то сон Генечки запечатлевает конкретные реалии нового для нее мира, и прежде всего, его холод («я тону в снежном сугробе»); вспомним отмеченное героиней сразу по приезду то, что Татьяна Петровна ее «поцеловала холодно и чопорно». Уже в первый день не прошла мимо Генечки и характерная для дома городской тетушки суতোлка, обусловленная, главным образом,

большим количеством пребывающих в нем гостей, в их числе двух старичков: Антона Силыча, вознамерившегося поцеловать ее «ручку» и при этом похотливо хихикающего, и Нила Иваныча, шутливо предупредившего девушку, что тот может и «укусить» [83]. И это не по возрасту развязное поведение, как позже окажется, завсегдатаев дома Татьяны Петровны, также, подобно эху, откликнется во сне Генечки.

Пройдет время, и самые первые впечатления от «большого света», к тому моменту отстоявшиеся и оформившиеся в сознании героини, прозвучат как реакция на письмо, полученное из «мирного уголка, откуда веяло <...> любовью и тишиной», и в них, как когда-то в первом сне, но только теперь трезво и рационалистично, вновь эхом отзовутся холод и невнятица «большого губернского света»: «Мне хотелось домой; мне до смерти надоела жизнь у Татьяны Петровны, где ни один отрадный луч не согревал души моей, где самые привязанности были холодны и странны <...>» [88]. Когда же придет весть о захворавшей Авдотье Петровне, Генечка бескомпромиссно аттестует «большой мир» города, предпочтенный ею «малому» усадебному миру, как место, где «душою уже начинала овладевать какая-то преждевременная, нравственная усталость» [104]. Последнюю немало усугубил и разрыв, дружеских, как казалось Генечке, отношений с Тархановым, откровенно явившим свою порочную сущность в связи с намерениями по отношению к юной девушке, а главное, его низкое лицемерие, ведь он был единственный, кто начал говорить со вчерашней деревенской барышней о столь желанной ей духовной высоте, а закончил страстным лобызанием «ножки» Генечки. Однако примечательно, что черту под их историей подводит не обилие слез героини, как это было в усадебной любви Генечки с Павлом Иванычем, а ее рефлексирующий взгляд на все с нею происходящее³⁶. Последний возобладает и в отношениях героини с Данаровым, хотя ее чувство к нему будет находиться, можно сказать, в диониссийском «котле» страстей, чувственности, телесности, стихийных разрушительных поступков со стороны героя

---

³⁶ См. об этом: Капитанова Л. А. Контрапункт «чувство-рассудок» как авторская стратегия в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света». С. 148.

(«<...> он томил, дразнил мое сердце с неподражаемою тиранией, и в то же время умел заставить любить себя страстно. Чего хотел он? Чего требовал? Я теряла голову» [174]), в конечном итоге приведших Генечку к тяжелейшей горячке и депрессии. Но она ни в коей мере не раба любви, каковой в романе предстает Таня, безотчетно преданная товарищу ее старшего брата, Виктору, и откровенно признающаяся в этом Генечке: «<...> без любви к нему я – мертвый человек» [268]³⁷.

В чувствительной амиловской барышне всегда был крепкий стержень: помимо рефлексирующего сознания еще и сердце. Именно оно, несмотря ни на что, «требовало жизни» [134], а потому помогало выстаивать «девочке, взятой погостить, которой на каждом шагу делают одолжение» [210]. Возможно, отсюда, из положения приживалки, но никак не жительницы «большого мира», который, как говорил Тарханов, «выше звезд» [98], берет свой исток желание, приведшее Генечку к замужеству и возвращению в прежнее усадебное существование. И стало быть, не «тревожная, пылкая головка» усадебной барышни, когда-то заставившая ее поверить в бесконечное, в неведомое, в то, что пребывает на отлете от повседневного, обыденного, томит, затягивает, как водоворот, от чего не укрыться в девичьей комнате, в укромных уголках сада, не спастись за книгой и пальцами..., и потому понудившая оставить усадебный рай, не она теперь возвращает Генечку, кажется, в навечно утраченное место. В данном случае героиня руководствуется женским и житейским опытом, приобретенным в «большом свете», не в «большом мире», который она так и не обрела, даже не приблизилась к нему на малую долю. Отсюда затруднительно говорить, что возвращение в Амилово сопрягается с обретением героиней своей изначальной сущности. А поскольку нет прежней «огненной» Генечки, то и утрата усадебно-рая необратима. Отсюда, опираясь на позицию современного исследователя в отношении русского романа, начиная с Пушкина, как формы узнавания и познания жизни³⁸, позволим себе опровергнуть даже возможность мысли о возможном «чуде возвраще-

---

³⁷ Там же. С. 151.

³⁸ Бельская А. А. «Онегинское» в романе И. С. Тургенева «Рудин». С. 55.

ния» к себе прежнему и прежнему бытию в романе Жадовской «В стороне от большого света». Вместе с положительным во всех отношениях Павлом Ивановичем в усадьбу вернулась добропорядочная держательница семьи и дома, у которой не достанет времени на такие пустяки, как смотреть «на звездное небо, синее, безграничное, как надежда, чудное и далекое, как будущность» [13], а если даже оно и появится, то, безусловно, будет употреблено со смыслом, например, на то, чтобы составить компанию Марье Ивановне в игре в карты. Впрочем, разве можно поверить в правдивость строк Овидия о том, что «Книга – не оттиск души, но просто дозволенный отдых»³⁹. Отсюда финал романа также не прояснял окончательное состояние души замужней Генечки, и это обстоятельство проблематизировало победу рефлексивного сознания героини над ее «огненной головой». Хотя, кажется, ее семейная идиллия вполне состоялась.

---

³⁹ Овидий. Собрание сочинений: В 2-х томах. Т. 1. СПб., 1994. С. 265.

Еда и чтение ребенка в усадьбе: привычки и проблемы

Дворянская усадьба справедливо рассматривается существенной составляющей русской культуры, поскольку в ней нашли свое специфическое преломление универсалии человеческой жизни – например, проблемы самоидентификации ребенка и его социализации. Их отражение в произведениях об усадебном детстве и стало предметом интереса в данной главе. Для анализа выбраны два мотива: еда и чтение; рассмотрение этих неперемных составляющих усадебной жизни, как они представлены писателями в автобиографических повествованиях, показывает формирование личности ребенка с обыденной, обычно не осознаваемой окружающими стороны. Нашей задачей было понять, что стоит за описываемой в художественных произведениях повседневностью, какие особенности детской жизни авторы осознанно и неосознанно «выдают» читателю. Материалом для изучения послужили художественные тексты, «открывшие» тему детства в русской литературе: повесть Л. Н. Толстого («Детство» (1852)) и книга С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (1856); как необходимое в гендерном и региональном аспектах дополнение к классическим текстам была привлечена книга С. В. Ковалевской «Воспоминания детства» (1889).

Зачем Толстой и Аксаков описывают еду, рассказывая о детстве?

Повествования о детстве всегда включают в себя различные моменты первого знакомства ребенка с окружающим миром, частью которого, безусловно, является еда. Гастрономическая тема универсальна, и ее отражение в произведениях о детстве практически неизбежно. Однако в высоких образцах беллетристики Нового времени она всегда была периферийной; люди не могут не есть, но зачем об этом писать? Тем не менее, упоминания о блюдах и продуктах в повестях о детстве Л. Н. Толстого

и С. Т. Аксакова формируют мотив еды в произведениях этого жанра.

В тексте толстовского «Детства» еда представлена конкретными наименованиями: пирожок, суп, хлеб, квас, шампанское, кофе, карамельки и винная ягода, пшено и изюм для кутьи. Все упомянутые блюда и продукты лишены каких-либо характеристик и незначимы для воссоздания пластики окружающего мира. Функциональность пищевых образов связана с характеристикой человеческих отношений, особенно со сложностью социальной самоидентификации Николеньки.

Гастрономическая тема у Толстого, в основном, входит в содержательное поле героев-слуг: гувернантки, дядьки и экономки. Например, лексема «хлеб» встречается только в речи Карла Ивановича и в реплике гувернантки. Карл Иванович выражает идиомой «кусоч хлеба» свое недовольство увольнением: ««Бог с ними! Оттого, что меня не будет, они не разбогатеют, а я, Бог милостив, найду себе кусоч хлеба...»». – Николай поднял голову и посмотрел на Карла Ивановича так, как будто желая удостовериться, действительно ли может он найти кусоч хлеба, – но ничего не сказал»¹. Употребление идиомы, метонимически обозначающей пропитание и жизнь, показывает укорененность немца в русской культуре и повышает знаковую образ хлеба. Последнее отзывается и в использовании этого слова немецкой гувернанткой, которая учит подопечных поведению за обедом: ««Mangezdoncavecdupain” или “Commentcequevousstenezvotrefourchette?” [“Ешьте же с хлебом”, “Как вы держите вилку?”]» (57). Хлеб в данном случае – непременный атрибут «правильной» еды; его семиотичность оттеняется началом фразы «... только что войдешь во вкус какого-нибудь кушанья и желаешь, чтобы никто не мешал» (57). Физиологическое наслаждение пищей не интересует автора, показывающего, как дворянский отпрыск, взрослея, приобщался к культуре еды и приобретал навыки сложившегося обеденного ритуала, непременными атрибутами которого были использование столовых приборов и еда с хлебом.

---

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 12 т. М., 1987. Т. 1. С. 54. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках.

Служебная роль пищевых предметов у Толстого проявляется и в сцене разлитого Николенькой на скатерть кваса, вполне произвольно выбранной автором детали. Толстому нужно было это нарушение правил как сюжетный повод для наказания героя Натальей Савишной, которое инициировало его высокомерные размышления, свидетельствующие о глубине впитанных недорослем представлений о сословности. Зато реакция героя на угощение экономки (две карамельки и винная ягода – это извиняющийся жест «доброй старушки») показывает читателю сердечную доброту Николеньки, раскаявшегося в своем высокомерии.

В дискурсе героев-дворян названия блюд и продуктов не значимы, и этим своеобразно снижается сфера еды. Грамматические конструкции в данном случае фиксируют дополнительную действительность, его второстепенную значимость: или деепричастный оборот («...сказала она, подавая отцу тарелку с супом» (57)), «...продолжал папа, взяв в руку пирожок, но держа его на таком расстоянии, чтобы татапа не могла достать его» (58)), или придаточное предложение («Куда девалось чувство сострадания, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галчонка или щенка, которого несут, чтобы кинуть за забор, или курицы, которую несет поваренок для супа?»(105)).

Еда у Толстого фиксирует не отношения человека с миром, а отношения между людьми, которые ею опосредуются. Ему важна не пища, а трапеза как один из знаковых элементов устойчивого и привычного существования, отраженного в повести. Лексема «обед» в тексте «Детства» используется обычно для обозначения времени («после обеда», «до обеда»). Темпоральная особенность такого обозначения заключается в выделении дня как универсальной единицы измерения времени, что было одним из способов типизация жизни в повести². Обед становится своеобразным ритуалом и событийным центром дня. «Я с сильным нетерпением

---

² Психологическая достоверность и плотность реалистических деталей в толстовской повести была важна автору для воспроизведения усадебного уклада в описании дня детской жизни. См., например, признание Н. Тэффи: «Детство и Отрочество» вошло в мое детство и отрочество и слилось с ним органически, точно я не читала, а просто прожила его. (Тэффи Н. А. Мой первый Толстой // Тэффи Н. А. Рассказы / Сост., вступ. ст. Е. Трубиловой. М., 1990. С. 230).

следил за всеми признаками, доказывавшими близость обеда. Вот дворовая женщина с мочалкой идет мыть тарелки, вот слышно, как шумят посудой в буфете, раздвигают стол и ставят стулья, вот и Мими с Любочкой и Катенькой (Катенька – двенадцатилетняя дочь Мими) идут из сада...» (55). Во время обеда обсуждаются важные семейные события: охота, приход юридического. Характерно, что значительные для ребенка события темпорально привязываются к обеду даже в его памяти: «Я очень хорошо помню, как раз за обедом – мне было тогда шесть лет – говорили о моей наружности, как татапа старалась найти что-нибудь хорошее в моем лице: говорила, что у меня умные глаза, приятная улыбка, и наконец, уступая доводам отца и очевидности, принуждена была сознаться, что я дурен; и потом, когда я благодарил ее за обед, потрепала меня по щеке»(94). Ритуализованность дворянского обеда слышна и в двукратном упоминании послеобеденного кофе как обязательного элемента в распорядке дня. Маркированное обедом течение жизни писатель изображает с учетом исторических различий в существовании поместного и столичного дворянства. Квас, хлеб, пирожок, кофе, суп – скупое, но названные продукты при описании обеда в поместье, уступают место номинативному обозначению жизненного ритуала в Москве: «...мне кажется, что все это отговорки, для того только чтобы ему жить здесь одному, шляться по клубам, по обедам и Бог знает что делать; а она ничего не подозревает» (98), – сетует бабушка.

Авторская интенция семиотизации еды особенно явна в сцене отпуска пшена Натальей Савишной, где Николенька удивляется «переходу от трогательного чувства, с которым она со мной говорила, к ворчливости и мелочным расчетам»(135). В данном случае важно, что имеется в виду приготовление кутьи. Ритуальная еда отражает национальные обрядовые традиции, восходящие в данном случае к одному из самых значимых событий человеческой жизни – прощанию с усопшим. Естественность натуры Наталья Савишны подчеркнута ее органичной включенностью в круговорот жизни через «профессиональные» занятия. Эта основная характеристика героини оттеняет сложность миропостижения юным Николенькой. Понимание поведения экономки сто-

ило ему усилий: «Рассуждая об этом впоследствии, я понял, что, несмотря на то, что у нее делалось в душе, у нее доставало довольно присутствия духа, чтобы заниматься своим делом, а сила привычки тянула ее к обыкновенным занятиям. Горе так сильно подействовало на нее, что она не находила нужным скрывать, что может заниматься посторонними предметами; она даже и не поняла бы, как может прийти такая мысль» (135).

Стремясь в «Детстве» к возможно более точному воспроизведению тончайших душевных движений³, Толстой весь окружающий мир, неперменной частью которого выступает еда, изображает как импульс к чувствованию и общению; представленная им реальность содержит в себе проблему социального и культурного неравенства даже в аспекте гастрономии. Такое видение жизни акцентировало связи между социально-нравственной и психологической проблематикой.

С. Т. Аксаков, обратившийся к своим воспоминаниям в «Детских годах Багрова-внука», описывает сферу еды существенно иначе. При обычной у него реалистической подробности и детализированности описаний, он часто использует лексему с обобщающим значением «пища», отсылая читателя к фундаментальной человеческой потребности: «Мать ... считала рыбу вредною для себя пищей»⁴. Или: «Мать очень любила и дорожила полевой клубникой. Она считала ее полезною для своего здоровья и употребляла как лекарство по несколько раз в день, так что в это время мало ела обыкновенной пищи. Нам с сестрой тоже позволяли кушать клубники сколько угодно» (227–228).

Тема еды у Аксакова тесно связана с жизнеобеспечением, так как возникает в связи с темой болезни. В самом начале, в главе о еще несвязных воспоминаниях повествователя-ребенка рассказывается о его тяжелой болезни; победа над смертью связывается автором с жертвенными усилиями матери и сплетена с употреблением пищи: «Очень помню, что мать, а иногда нянька держит

³ «Отступая от обобщенной характеристики, от изображения устойчивых типов, Толстой развертывает подробности движений, жестов, интонаций и т. д.» (Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой. Пг. – Берлин, 1922. С. 78).

⁴ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука; Воспоминания. Л., 1984. С. 50. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках.

меня на руках, одетого очень тепло, что мы сидим в карете, стоящей в сарае, а иногда вывезенной на двор; что я хнычу, повторяя слабым голосом: «Супу, супу», которого мне давали понемножку, несмотря на болезненный, мучительный голод, сменявшийся иногда совершенным отвращением от пищи» (12); «...и я, после глубокого вздоха, начинал дышать сильнее, как будто просыпался к жизни, получал сознание, начинал принимать пищу и говорить, и даже поправлялся на некоторое время. Так бывало не один раз» (13).

Сфера здоровья / болезни – эта естественная грань обыденной жизни людей – воспроизводится Аксаковым довольно подробно. В его рассказах о лечении недомоганий главное место занимают народные средства, состоящие из ягод (клюквы, клубники), растений (можжевельные ягоды) и хлеба с уксусом. Характерны в этом отношении рассказы о соблюдении постов, в которых религиозно-смысловая грань традиции отсутствует, и внимание автора сосредоточено на внешне физиологической стороне: «Правду сказать, настоящим-то образом разгавливались бабушка, тетушки и отец: мать постничала одну страстную неделю (да она уже и пила чай со сливками), а мы с сестрицей – только последние три дня; но зато нам было голоднее всех, потому что нам не давали обыкновенной постной пищи, а питались мы ухуо из окуней, медом и чаем с хлебом» (206). Аналогично в характеристике Пракскови Ивановны встречается и такое упоминание: «Говела она не всегда в великий пост, а как ей вздумается, раза по два и по три в год, не затрудняясь употреблением скоромной пищи, если была нездорова» (188).

Еще ярче физиологический фокус в осмыслении еды проявлен в следующем микроэпизоде: «Часа через два после обеда приходил ко мне наш добрый друг, доктор Андрей Юрьич (Авенариус). Он также уговаривал меня попросить прощения у Волкова – я не согласился. Он предложил мне съесть тарелку супу – я отказался, говоря, что «если маменька прикажет, то я буду есть, а сам я кушать не хочу». Вскоре после Авенариуса пришла мать; я видел, что она очень встревожена; она приказала мне есть, и я с покорностью исполнил приказание, хотя пища была мне против-

на. <...> После пищи я вдруг почувствовал себя нездоровым: голова разболелась и мне стало жарко. Дремота начала овладевать мною, колени постепенно сгибались, наконец усталость одолела меня, я сам не помню, как сползли мои ноги, и я присел в углу и крепко заснул» (84). Далее следует рассказ о болезни, завершающийся комментарием: «Наконец всё стало мне ясно: я захворал от волнения и усталости» (85). Упоминание съеденного без аппетита супа в данном случае – деталь, лишь внешне мотивирующая событие, необязательная подробность, однако она придает эпизоду физиологическую достоверность.

Аксаков последователен в отношении к пище как к концепту, связывающему жизнь и смерть. Кульминацией в рассматриваемой теме можно считать отражение в тексте связи еды со смертью: «Впрочем, причина болезни была случайная и, кажется, от жирной и несвежей пищи, которую бабушка любила» (267).

В целом можно сказать, что Аксаков глубоко традиционен в осмыслении пищи как необходимого элемента жизнеобеспечения и близок христианскому взгляду на потребности человека, способные греховно разрастаться. В общем контексте важна простота еды героев, на чем специально останавливается автор: «Бабушка хотела напоить нас чаем с густыми жирными сливками и сдобными кренделями, чего, конечно, нам хотелось; но мать сказала, что она сливок и жирного нам не дает и что мы чай пьем постный, а вместо сдобных кренделей просила дать обыкновенного белого хлеба» (52). Эта же мысль иллюстрируется простотой меню: из блюд несколько раз упоминаются лишь куриный суп, уха и жареная рыба; причем в последнем случае важно, что уха готовится обычно из самостоятельно пойманной рыбы. Увлечение героев рыбной ловлей в таком случае воспринимается не только как развлечение, но и как знак неотчужденности привилегированного сословия от процесса жизнеобеспечения; в нем можно усмотреть родовое, человеческое равенство поместного дворянства с прислугой.

Показательно в обсуждаемом аспекте сравнение упоминаемых Толстым и Аксаковым вин. Первый называет шампанское, развеселившее Николеньку на вечернем балу. «К концу ужина,

когда дворецкий налил мне только четверть бокальчика шампанского из завернутой в салфетку бутылки и когда молодой человек настоял на том, чтобы он налил мне полный, и заставил меня его выпить залпом, я почувствовал приятную теплоту по всему телу, особенную приязнь к моему веселому покровителю и чему-то очень расхохотался» (115). А второй рассказывает об употребляемом как лекарство старом рейнвейне, который мать доставала «в Казани, почти за пятьсот верст, через старинного приятеля своего покойного отца, кажется, доктора Рейслеяна, за вино платилась неслыханная тогда цена, и я пил его понемногу, несколько раз в день» (16). Таким образом, в древней традиции винопития каждый автор акцентирует свою грань: Толстой – игру жизненных сил, чреватую разными последствиями, а Аксаков – целительность напитка.

В свете сказанного ясно, почему продуктом, наиболее часто упоминаемым Аксаковым, стал хлеб – самая распространенная и простая еда. Он упоминается в качестве первого продукта, замышленного ребенком (наряду с вином): «В городе Уфе не было тогда так называемых французских белых хлебов – и каждую неделю, то есть каждую почту, щедро вознаграждаемый почтальон привозил из той же Казани по три белых хлеба» (16), а также как лекарство. Жизнедающие свойства хлеба проступают в неоднократных упоминаниях его в качестве наживки при рыбной ловле или типичной крестьянской пищи. Автор же разнообразно использует эту лексему в соответствии с закрепленным в поговорках смыслом: «... просили только принять от них «хлеб-соль». Отказать было невозможно, хотя решительно некуда было девать крестьянских гостинцев» (172); «Багровы родную племянницу не бросят без куска хлеба» (185); «Дурасов был известный богач, славился хлебосольством» (240), «сказать спасибо за хлеб за соль некому» (288), а также для обозначения зерновых культур («хлеба»). Хлеб практически равен жизни для Аксакова, отражающего в своей незамысловатой повести глубинные основы русской национальной жизни. В «бурной и простой» повседневности героев автор обнаруживает прочный и глубоко природный уклад жизни, который через повествование о «нехитрых заботах, сомнениях и

детских страстях»⁵, проступает и в гастрономической теме. Тем важнее, что социальный аспект гастрономии автором не обойден: «Я сравнивал себя с крестьянскими мальчишками, которые ... кушали хлеб да воду» (219). Или: «Для прислуги была особая пасха и кулич. Вся дворня собралась в лакейскую и залу; мы перехристосовались со всеми; каждый получил по кусочку кулича, пасхи и по два красных яйца, каждый крестился и потом начинал кушать. Я заметил, что наш кулич был гораздо белее того, каким разгавливались дворовые люди, и громко спросил: «Отчего Евсеич и другие кушают не такой же белый кулич, как мы?» Александра Степановна с живостью и досадой отвечала мне: «Вот еще выдумал! едят и похуже». Я хотел было сделать другой вопрос, но мать сказала мне: «Это не твое дело»» (206).

Через замеченные ребенком различия в еде автор утверждает его естественную, натурную совестливость и доброту, а также сложность социального устройства, непостижимую для детского разума.

Таким образом, зачинатели темы детства в русской литературе даже в аспекте гастрономической темы очень по-разному воспроизводили одинаковый жизненный уклад. Толстой отводит мотиву еды, маркирующему у него «низкую» сферу жизни, служебную роль; скупко фиксируя пищевые детали, он использует их для опосредованного описания сложных человеческих отношений, или для изображения душевных движений героя. Аксаков же связывает еду с жизнью и смертью, обнаруживая в бесхитростном течении обыкновенной жизни бытийный смысл. Однако оба автора, воссоздавая драматизм детства в благополучных условиях дворянской усадьбы, связывают осмысление социального неравенства ребенком с гастрономической тематикой.

Рассмотренные произведения представляют собой лишь одну линию в развитии темы детства русской литературой: это рассказы о детстве, благополучном в материальном отношении. Последнее обстоятельство, однако, лишь оттеняет общий и универсальный драматизм этого периода человеческой жизни. Одной из его причин авторам видится несправедливость социального

---

⁵ Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск, 2005. С. 7.

устройства, трудно постигаемая детьми; глубинная сложность этого вопроса раскрывается ими с помощью гастрономических деталей, убедительных в силу простоты и доступности.

Зачем читают герои Толстого и Ковалевской

Такое укоренившееся в дворянском сословии занятие как чтение отражается в «Детстве» Л. Толстого и «Воспоминаниях о детстве» С. Ковалевской по-разному.

Образ книги в толстовской повести представлен довольно скупо. Библиотека как отдельное помещение в доме в тексте не упомянута; этим словом воспитатель и дядька Карл Иванович называет две книжных полки в классной комнате. Таким образом в сознании читателя, узнающего от Толстого о дворянском детстве, закрепляется связь книги, прежде всего, с образованием недоросля. Безотносительно к собственно усадебной культуре, эта мысль ясно звучит в описании князя Ивана Ивановича как образцового представителя самого высшего света: «Он был хорошо образован и начитан; но образование его остановилось на том, что он приобрел в молодости» (96), далее перечисляются имена французских классицистов и отмечается незнание современных автору и взрослому герою писателей: Гете, Шиллера и Байрона. Прочность связи между чтением и учением в сознании автора «Детства» доказывается и тем фактом, что описание классной комнаты начинается с рассказа о двух книжных полочках, принадлежащих детям и Карлу Ивановичу.

«Налево от двери были две полочки: одна – наша, детская, другая – Карла Иваныча, собственная. На нашей были всех сортов книги – учебные и неучебные: одни стояли, другие лежали. Только два больших тома «Histoires des voyages», в красных переплетах, чинно упирались в стену; а потом пошли длинные, толстые, большие и маленькие книги, – корочки без книг и книги без корочек; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажут перед рекреацией привести в порядок библиотеку, как громко называл Карл Иваныч эту полочку. Коллекция книг на собственной если не была так велика, как на нашей, то была еще разнообразнее. Я

помню из них три: немецкую брошюру об уваживании огородов под капусту – без переплета, один том истории Семилетней войны – в пергаменте, прожженном с одного угла, и полный курс гидростатики. Карл Иваныч большую часть своего времени проводил за чтением, даже испортил им свое зрение; но, кроме этих книг и «Северной пчелы», он ничего не читал» (43-44).

В этом описании обращают на себя внимание два момента: различие интересов владельцев книг и предметность детской памяти, старательно воспроизведенная автором во всех описаниях повести. Упоминание различных характеристик (цветов, размеров и переплетов) книг как предметов не выделяет их в тексте из ряда других вещных описаний, отличающихся не меньшим вниманием к подробностям: угла с печной заслонкой, клеенки на столе, сундука Натальи Савишны или колпака Карла Ивановича. Все эти подробности призваны запечатлеть пластику и богатство окружающего ребенка мира, идеальный образ которого создается в памяти, с благодарностью сохранившей его черты и детали. Умиление повествователя прямо выразилось в знаменитом авторском признании: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» (83).

Пластичность описаний, включающих упоминания множества мелких и милых подробностей, позволила Толстому воспроизвести уклад дворянской жизни первой половины XIX столетия. Отраженный в «Детстве» образ жизни предстает перед читателем как давно сложившийся, устоявшийся в своих формах. Его привычность и устойчивость кажется почти вековой, однако историческое знание об относительной молодости сословия заставляет увидеть в такой устойчивости и привычности мощь культурной традиции. Одной из ее составляющих была сословность, вошедшая в кровь и плоть юного Николеньки, что стало одной из тем трилогии Толстого в целом.

Эта сторона дворянской культуры своеобразно сказывается в освещении темы детского дворянского чтения. Единственным человеком, который запомнился рассказчику «с книгой в руке»

был Карл Иванович, который, правда, нередко и засыпал над ней. Описание его «библиотеки» представляет разнообразие его читательских интересов, сквозь призму которых герой видится человеком, стремящимся к образованию, с некоторым уклоном (возможно, объяснимым его национальностью) к основательности оседлой помещицкой жизни и хозяйствования. В создании этого образа есть нюанс: наряду с искренней любовью, в рассказе есть легкая ирония повествователя, объяснимая низшим, по сравнению с семьей, уровнем образования и культуры Карла Иваныча, который демонстрируется как раз описанием его книг и его манеры чтения. Стремление воспитателя к книжному знанию, его желание приобщиться через овладение этой ценностью к той среде, в которой он живет, умиляет повзрослевшего Николаеньку, понявшего и оценившего интенцию воспитателя. В дальнейшем повествовании повторяется мысль последнего предложения в приведенном фрагменте: Карл Иванович засыпает над книгами. Но свое назначение учителя он выполнил; не случайно еще одна из упомянутых в тексте книг – учебник – показана именно в его руках во время рассказа о занятиях; книга же (безымянная!) фигурирует и в качестве его подарка детям; в комичном списке его трат значится: «Книга и лук, подарка детям – 8 р. 16 к.» (72).

Образ Карла Ивановича, наряду с другими приемами, способствует прояснению мысли об образовании как сословной ценности дворянства; ведь в отличие от бедного немца, отец Николаеньки, обладая широтой интересов и самобытностью суждений, над книгами не засыпает; он, наоборот, способен чрезмерно увлекаться ими: «Часто, читая вслух, когда он доходил до патетического места, голос его начинал дрожать, слезы показывались, и он с досадой оставлял книгу» (70). Чтение для него – одно из многих естественных досуговых занятий, приличных дворянину.

Практическое отсутствие в повести упоминаний о чтении родителей, так же как и пространства библиотеки в имении и в московском доме, можно считать своеобразным «минус-приемом» в повести Толстого: чтение и книги – это средство образования дитяти. Для взрослых, уже освоивших богатый окружающий мир,

это настолько естественно, что писать об этом не требуется в силу очевидности.

Повесть Толстого, при всей естественной автобиографичности произведений о детстве, принадлежит к художественной словесности, создающей объемный образ взаимодействия ребенка с миром. В произведениях же эго-литературы, дневниках и воспоминаниях, по жанровому заданию более автобиографичных, авторы нередко освещают интересующую нас тему нюансировано. Показательным примером в этом отношении стали «Воспоминания о детстве» Софьи Ковалевской.

В этой книге проходное замечание о популярности чтения в семье («У нас в семье много читали и выписывали книг новых»⁶) не находит в тексте развернутого продолжения по тем же причинам, что и у Толстого. Однако, в отличие от него, индивидуальные характеристики детского чтения здесь проявлены резко. Проще всего объяснить это тем, что внимание автора в книге сосредоточено на девочках, домашний мир которых был очевидно более ограничен, даже в позднейшую, по сравнению с Толстым, эпоху (когда вышло «Детство», Софье Корвин-Круковской было 2 года). Хотя уроки – обязательная часть жизни девочек в Палибино, их чтение не соотносится с учебной и носит досуговый характер, а значит, для автора важнее его индивидуализирующая, чем социализирующая функция.

Прежде всего, отмечу, что, по воспоминаниям Ковалевской, чтение ребенка строго регламентируется взрослыми и воспитателями. Поэтому библиотека осознается местом искушения ребенка: «...положение мое становится опасным, так как искушения окружают меня со всех сторон. Рядом с залой находится библиотека, и там на всех столах и диванах валяются *соблазнительные* томики иностранных романов или книжки русских журналов. Мне строго-настрого запрещено касаться их, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня чтения»; «а тут вдруг под рукой у меня такое богатство! Ну как тут не *соблазниться!*» (выделено мною – И.М.) (38).

---

⁶ Ковалевская С. В. Воспоминания детства. Великие Луки, 2010. С. 83. Далее в тексте цитируется это издание с указанием страниц в скобках.

Мотив искушения книгами развивается в тексте и на уровне повествования, и на уровне сюжета. Упомянув в одном ряду иностранные романы и русские журналы как в равной степени нежелательные для детского чтения, повзрослевшая Софья Васильевна характерно проговорила. Судьба ее старшей сестры Анны теснейшим образом связана как раз с теми и другими.

В нежном возрасте ей, так же как и Татьяне Лариной, «нравились романы», которые очень способствовали взрослению. Автор считает первым взрослым поступком героини именно ее обращение к книгам и, начиная рассказ о запойном чтении сестры, использует показательное определение – «акт самостоятельности»: «Когда Анюте было всего лет пятнадцать, она проявила первый свой акт самостоятельности тем, что набросилась на все романы, какие только находились в нашей деревенской библиотеке, и проглотила их невероятное количество» (64). Избирательность читательских пристрастий Анны в данном случае является ее отличительной чертой; масса «старых английских романов, преимущественно исторических, в которых действие происходило в средние века, в рыцарский период» (64), увлекших пятнадцатилетнюю Аню, сформировали в ней дух рыцарства и благородства.

Качество проглоченных героиней произведений невысоко оценивается ее повзрослевшей сестрой, судя по тону ее замечаний; однако однозначности в оценке романного чтения у нее нет. С одной стороны, «для сестры моей эти романы были настоящим откровением. Они ввели ее в неведомый ей до тех пор чудесный мир и дали новое направление ее фантазии» (64); а с другой, – Аня «бессознательно начинала набивать себе оскомину от рыцарских романов» (65). В любом случае очевидно огромное влияние романов на развитие ее личности: «Ее воображению в первый раз в жизни ясно представились вопросы: есть ли будущая жизнь? Все ли кончается смертью? Встретятся ли два любящих существа на том свете и узнают ли друг друга?

С той необузданностью, которую она вносила во все, что делала, сестра вся проникнулась этими вопросами, точно она первая на них натолкнулась, и ей преискренне стало казаться, что она не может жить, не получив на них ответа» (68). Этот пассаж завер-

шает пересказ романа Булвер-Литтона «Эдуард Гарольд, последний из саксов» (1848). Сюжет романа пересказывается подробно, серьезно и с деталями, не оставляющими сомнения в хорошем знакомстве самого автора с книгой; но ироничный тон заключительного вывода («И вот этот-то роман совершил перелом во внутренней жизни моей сестры» (68)) показывает, как непросто было отношение Ковалевской к своим и сестры подростковым увлечениям. Снисходительная ирония здесь – дань взрослости автора, умиляющегося всем, чем овевано детство, и понимающего лишь субъективную ценность описываемого.

Зато совершенно однозначно оценивается чтение русских журналов. Их эмансипирующая роль – мотив развитый и в художественной литературе того времени – очевидна для рассказчицы, точно отразившей иерархию периодических изданий эпохи: «Анюта еще могла благодаря ему получать разные книжки, недоступные ей иначе. В доме нашем из периодических журналов получались лишь самые степенные и солидные: «*Revue des deux Mondes*» и «*Atheneum*» из иностранных, «Русский вестник» – из отечественных. В виде большой уступки духу времени отец мой согласился в нынешнем году подписаться на «Эпоху» Достоевского. Но от молодого поповича Анюта стала доставать журналы другого пошиба: «Современник», «Русское слово», каждая новая книжка которых считалась событием дня у тогдашней молодежи. Однажды он принес ей даже номер запрещенного «Колокола» (Герцена)» (76). Подчеркну, что, в соответствии с исторической реальностью, просветителем провинциальной барышни выступает приехавший домой на каникулы попович, образ которого сопровождается характерной деталью: «растрепанной книжкой в кармане», и интерес к нему Анны мотивируется ее потребностью в книгах, «недоступных ей иначе» (75).

История взросления Анны заканчивается ее писательством, которое объявляется ею же самой целью жизни: «Так вот сбылась-таки моя заветная мечта. Теперь я русская писательница! – почти прокричала она в порыве неудержимого восторга» (83). Важность писательства как профессионально-го, то есть социально значимого занятия в данном случае от-

мечена получением гонорара. Публикация повести для девушки – это не только удовлетворение амбиций и потребностей высказаться (хотя и это тоже), но и социальная адаптированность, взрослость.

Уважение к печатному слову в описываемой среде – в сущности, почти детской – объясняется автором условиями провинциальной («в деревенской глуши») жизни: «Чтобы понять, что значило для нас это слово «писательница», надо вспомнить, что мы жили в деревенской глуши, вдали от всякого, даже слабого, намека на литературную жизнь. У нас в семье много читали и выписывали книг новых. К каждой книжке, к каждому печатному слову не только мы, но и все наши окружающие относились как к чему-то приходящему к нам издалека, из какого-то неведомого, чуждого и не имеющего с нами ничего общего мира. Как ни странно это может показаться, однако факт, что до тех пор ни сестре, ни мне не приходилось даже видеть ни одного человека, который бы напечатал хоть единую строку» (83). Литература, таким образом, независимо от качества, жанра, географии и места публикации, открывает юным читательницам «большой мир», в который они и уедут впоследствии. Мотивы отъезда из дома, весьма драматичного для отношений внутри семьи, у обеих сестер одинаковы: они стремятся к образованию и социальной деятельности. Эмансипирующая роль чтения связана, таким образом, и с особой замкнутостью деревенской жизни. С некоторой долей условности можно сказать, что высокая значимость чтения в дворянской усадьбе обусловлена, среди прочего, и ландшафтными особенностями России, ее просторами. Трудно преодолимые расстояния делали печатное слово едва ли не единственным способом широкого, социально значимого общения.

Кроме того, конечно, важным фактором были психологические предпосылки. С самого начала книги Ковалевская создает автообраз девочки, непонятой окружающими и одинокой. Нелюдимость, застенчивость, «дикость и сосредоточенность» (15) героини объясняются семейным отторжением; родители хотели мальчика, и нелюбимость младшей дочери была темой частых разговоров няни и прислуги. Этот мотив – одиночество нелюби-

мого ребенка в семье – в тексте «Воспоминаний...» связывается с тягой к творчеству, инициированной книгами: «В двенадцать лет я была глубоко убеждена, что буду поэтессой» (38). «Чувство безотчетной тоски» и принадлежность героини к «нервным детям» находят естественный выход в автокоммуникации. «Как у большинства одиноко растущих детей, у меня уже успел сложиться целый богатый мир фантазий и мечтаний, существование которого и не подозревается взрослыми» (37).

Совсем юная Соня очень внимательна к слову: «Я страстно люблю поэзию; самая форма, самый размер стихов доставляют мне необычайное наслаждение»; «Самый размер стихов всегда производил на меня такое чарующее действие, что уже с пятилетнего возраста я сама стала сочинять стихи» (37). Рассказ о чтении поэзии, желательно высокопарной, и писании собственных стихов составляет особый фрагмент книги. В нем отчетливо вырисовывается пристрастие к балладам, о чем героиня прямо говорит, называя Жуковского и приводя названия своих детских виршей: «Погоня его <мячик> перед собой, я несусь, бывало, по зале и громко декламирую два моих поэтических произведения, которыми особенно горжусь: «Обращение бедуина к его коню» и «Ощущения пловца, ныряющего за жемчугом». В голове у меня задумана длинная поэма «Струйка», нечто среднее между «Ундиной» и «Мцыри», но из нее готовы пока только первые десять строф. А их предполагается 120» (38). Читатель, очевидно, узнает и «Песнь и Вещем Олеге», и «Перчатку», но может и подивиться специфичности мышления будущего математика, ведь маленькая Соня исчисляла сюжет количеством строф.

Гораздо важнее для нас, что она связывает с звучащим словом и момент самоидентификации. Она начинает книгу с рассказа о том, как в совсем раннем детстве не смогла ответить на вопрос о собственном имени, и в помощь ей дьячок, указывая на ворота, придумал каламбур:

– Видите ли, маленькая барышня, на воротах висит крюк, – говорит он, – когда вы забудете, как зовут вашего папеньку, вы только подумайте: «висит крюк на воротах Крюковского» – сейчас и вспомните.

И вот, как ни совестно мне в этом признаться, этот плохой дьячковский каламбур врезался в моей памяти и составил эру в моем существовании; с него веду я мое летосчисление, первое возникновение во мне отчетливого представления, кто я такая, какое мое положение в свете (9).

Глубокое внимание застенчивой девочки к ритмически организованному звучанию слова проявляет в ней и склонности будущего математика.

Таким образом, в своей книге Ковалевская демонстрирует сильное влияние чтения на русских девочек в глуши усадьбы, которая, конечно, не осознается ими очагом культурного развития; при этом автор учитывает сходство обстоятельств и разность психологического склада юных читательниц. Вырастая в одной семье, то есть в одних и тех же условиях, одна – веселая, открытая, красивая – под влиянием романов и журналов становится писательницей, затем сподвижницей борца, а другая – нервная, застенчивая и одинокая – зачитывается балладами Жуковского и убеждена, что будет поэтом, а становится математиком. Но обе, взрослея, горячо стремятся покинуть семью. Этапы их взросления настолько тесно связаны с чтением, что его можно рассматривать как растянутую во времени инициацию: это испытание, которое необходимо пройти, чтобы стать достойным членом общества.

Сложность этого испытания проясняется в книге Ковалевской образом любимого Софьей дяди, старшего брата отца, Петра Васильевича Корвин-Круковского. Особенности его характера и судьбы теснейшим образом связываются с его страстной любовью к чтению, о которой сказано: «Никогда ни у кого, *за исключением разве у иных подростков*, не встречала я такой страсти к чтению, как у него» (выделено мною – И.М.) (48). Сравнение с подростками подтверждается характеристиками чтения и обеих героинь. Семантика чрезмерности в определениях этой любви становится ключевой: «страсть», «запой», «одурь», «жадно поглощал», чем и объясняется возможная опасность увлечения книгами, осуждаемого как всякая страсть, когда речь идет о детском чтении. Ср.: «Но гувернантка моя этого занятия не одобряла; у

нее в уме сложилось вполне определенное представление о том здоровом, нормальном ребенке, из которого потом выйдет примерная английская мисс, и сочинение стихов с этим представлением никак не вяжется» (37–38). «Страстный» аспект чтения, легко воспринимаемый ребенком с развитым воображением, может объяснить сдержанность взрослых в вопросе о детском чтении⁷. Применительно к взрослому, казалось бы, вряд ли кому-нибудь придет в голову негативно оценивать увлечение чтением. Однако в тексте «Воспоминаний» эта страсть дяди называется слабостью: «Чтение до запоя, до одури было его единственною слабостью» (46). Об этом хотелось бы сказать подробнее.

Описывая чтение дяди, рассказчица отмечает разнообразие его интересов: «Политика очень занимала его. С жадностью поглощал он газеты, приходившие к нам раз в неделю, и потом долго сидел и обдумывал...»; ниже: «Но больше всего увлекался дядя, когда нападал в каком-нибудь журнале на описание нового важного открытия в области наук» (46); еще ниже: «Но не одна политика и отчеты о новейших изобретениях имели способность волновать моего дядюшку Петра Васильевича. С одинаковым увлечением читал он и романы, и путешествия, и исторические статьи. За неимением лучшего он готов был читать даже наши детские книги» (48). Такое описание можно сравнить с фрагментом из «Евгения Онегина»: в 8 главе романа говорится, как герой, укрывшись в имении, «стал вновь читать... *без разбора*» (выделено мною – И.М.). По мнению многих комментаторов этого фрагмента, достижения мировой мысли необходимы автору как фон, на котором происходит перерождение героя (он, наконец, понимает склад натуры Татьяны, довольно далекий от его собственного). В тексте же Ковалевской характеристика бессистемного и обширного чтения дяди оттеняет инаковость его социальной роли по сравнению с привычной для его среды. Воспроизводя отношение к дяде старших, рассказчица отражает стереотипы своей среды: называет «чудаком», «человеком не от мира сего», а

---

⁷ Этот оттенок отношения к чтению запечатлен и Аксаковым в «Детских годах Багрова-внука», где рассказывается о том, как мать героя была обеспокоена нервным состоянием ребенка после чтения книг.

его характер «необычайно слабым». Слабостью воспринимаются совершенное отсутствие властности, мягкость, исключительная доброта: «Благодаря необычайной слабости его характера, <...>, он всю свою жизнь находился под чьим-нибудь гнетом, и при том под гнетом столь жестким и самовластным, что об удовлетворении каких-либо прихотей или личных вкусов не могло быть для него и речи» (48). Замечу, что это качества, часто свидетельствующие о развитом воображении, способности поставить себя на место другого (ср.: «в действительной жизни он всех находил правыми» (46)); то есть как раз те, которые необходимы отзывчивому и увлеченному читателю.

Вводя героя в повествование, автор пишет: «Дядя этот был в полном смысле слова человеком не от мира сего. Хотя он был старший в роде и должен бы был изображать главу семейства, но на самом деле каждый, кому только вздумается, помыкал им, и все в семье так и относились к нему, как к старому ребенку. За ним давно установилась репутация чудака и фантазера. Жена его умерла несколько лет тому назад; все свое довольно большое имение он передал своему единственному сыну, выговорив себе лишь очень незначительный ежемесячный пенсион, и, оставшись таким образом без определенного дела, приезжал часто к нам в Палибино и гостил целыми неделями» (45). Таким образом, слабость дяди заключается в бедности, неприютности и отсутствии дела, то есть в социальной неадаптированности. Его мягким характером объясняется невозможность социальной адаптации в привычных формах: «Вследствие этой же слабости характера он был признан в детстве неспособным к военной службе, единственной считавшейся в то время приличной для столбового дворянина, и так как нрава он был смиренного и к шалостям не склонен, то нежные родители порешили оставить его дома, дав ему лишь настолько образования, сколько требовалось, дабы не попасть в недоросли из дворян» (48).

Не включенный в общественную жизнь, Петр Васильевич Корвин-Круковский, однако, выполняет иную роль; он провоцирует активное общение в семье: «Приезд его всегда считался у нас праздником, и в доме всегда становилось как-то и уютнее и

оживленнее, когда он бывал у нас» (45); «В такие дни за столом у нас велись жаркие споры и пересуды, тогда как без дяди обед проходил обыкновенно в угрюмом молчании, так как все домашние, за отсутствием общих интересов, не знали, о чем говорить друг с другом» (46)⁸. Осмысление книжных знаний как повода для общения проясняет коммуникативную роль чтения и даже связано с бессистемностью образования Петра Васильевича: «До всего, что он знал, он или додумался сам, или вычитал это впоследствии из книг. А сведения у него действительно были замечательные, но, как у всех самоучек, разбросанные и неровные. По одному предмету очень большие, по другому – совсем ничтожные» (48). Такое образование, обычно препятствующее профессиональной (а значит, и общественно-полезной, социально значимой) деятельности, обеспечивая эрудицию, делает человека прекрасным собеседником. Описание спровоцированных дядей застольных разговоров занимает немалое пространство главы; «И начнет дядя передавать присутствующим содержание только что прочитанной им журнальной статьи, невольно, почти бессознательно украшая и пополняя ее и выводя из нее такие смелые заключения и последствия, которые, верно, не грезились и самому изобретателю» (46–47).

Как было показано выше, героини книги Ковалевской значительно более избирательны в своих читательских пристрастиях; они нацелены на формирование личности, естественны для взросления, которое связывается во всех культурах с социальной адаптацией. Богатые книжные знания, использующиеся как повод к общению, востребованы, как видим, в домашней сфере. Благое стечение исторических обстоятельств и личностного склада (о дяде говорится: «Выросши, он продолжал жить дома, в деревне, не обнаруживая ни малейшего самолюбия» (48)) позволяет ему реализоваться в ней, однако такая реализация не признается средой, представления которой разделяют и сестры Круковские, стремящиеся вырваться из дома. Их личностное развитие, во мно-

⁸ Русская художественная литература предлагает немало образов читателей-самоучек, которые выполняют роль рассказчиков и инициаторов разговоров в дворянских домах, существенно украшая и разнообразя небогатую развлечениями жизнь. Достаточно вспомнить Рогожина из лесковского «Захудалого рода».

гом обеспеченное активным чтением, пока они живут в усадьбе⁹, вступает в противоречие и с ожиданиями их родителей и воспитателей. Здесь уместно провести одну параллель. Совсем юная героиня Ковалевской решает задать своему дяде бестактный вопрос, когда они находятся в библиотеке; словно место действия оправдывает нарушение общепринятых правил. В современном романе – «Искуплении» И. Макьюэна – сцена «падения» молодых героев-англичан происходит также в библиотеке. Акцентированность места в обоих, очень далеких случаях, очевидно, имеет подоплекой жизненную практику. Сопоставление мотивов искушения и акта самостоятельности в теме чтения девочек в книге Ковалевской указывает на двойственность отношения поместной дворянской среды в ее массе к чтению как таковому.

Отраженная С. Ковалевской в «Воспоминаниях детства» проблема девического чтения вскрывает и проблемы семьи, имеющей две цели: развитие личности ребенка и подготовка его к социальной адаптации. Вспомним, что обе начитанные сестры осуществили жизненный сценарий женского писательства, который, как известно, распространился в России позапрошлого столетия потому, что сфера приемлемой для женщины социальной деятельности была довольно узкой.

Итак, чтение ребенка в усадьбе было одним из самых мощных средств личностного взросления и социализации ребенка.

---

⁹ Ср.: «И вот, можете себе представить, мне, большой двенадцатилетней девице, мне, которая за несколько минут перед тем переживала с героиней прочитанного украдкой романа самые сложные психологические драмы, мне приходится пойти и стать в угол» (11).

ПУШКИНСКИЕ УСАДЬБЫ ПСКОВСКОГО КРАЯ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Сельцо Михайловское в контексте усадебной культуры XIX века: проблемы литературно-музейной интерпретации

Сельцо Михайловское в Псковской области по праву считается одной из жемчужин дворянской усадебной культуры России XIX века. В первую очередь, интерес к нему связан не с яркими презентациями усадебной идеологии, а с именем и творчеством А. С. Пушкина. В таких популярных, «тиражных», изданиях как, например, «Русская усадьба», «Знаменитые музеи-усадьбы России», «Русская литературная усадьба»¹, в главах, посвященных псковскому имению поэта, усадебной тематике отведено второстепенное место. В специальных изданиях Михайловское предстает заурядным, типовым провинциальным имением². К тем же выводам приходят исследователи хозяйственно-экономической составляющей усадебной жизни Михайловского³. В академических изданиях, посвященных изучению типологии садово-паркового искусства, Михайловское вовсе отсутствует по причине своей малой значимости в процессе формирования феномена русской усадебной культуры⁴. Д. С. Лихачев в книге «Поэзия садов» и вовсе противопоставляет насыщенные символикой и садово-парковой атрибутикой «сады Лицея» миру «естественной»

---

¹ См.: Знаменитые музеи-усадьбы России. М., 2010. С.36—58; Русская усадьба. М., 2006. С. 26—29.; Новиков В. И. Русская литературная усадьба. М., 2012. С. 56 — 77.

² См.: Смирнова Т. Н. Парк и пейзаж пушкинского Михайловского // Русская усадьба. М., 2000. Вып. 6 [22]. С. 242—256.; Агальцова В. А. Сохранение мемориальных лесопарков. М., 1980. С. 50 — 71.

³ См.: Щеголев П. Е. Пушкин и мужики. М., 1928. С. 238 — 278.; А. С. Пушкин. Летописи Гос. Лит. музея. М., 1936. Кн. 1. С. 279—294.; Голубев В. З. Из истории Пушкинского заповедника // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.;Л., 1941. С. 382—397.; Новиков Н. С. Легенды и были Пушкиногорья: По архивным изысканиям. Сельцо Михайловское, 2007. (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 44). С. 9 — 82.; Телетова Н. К. О материалах к истории Михайловского // Пушкинский музей: Альманах. Вып. 3. СПб., 2002. С. 107—115.

⁴ См., например: Вергунов А. П., Горохов В. А. Русские сады и парки. М., 1988.

природы Михайловского: «Выход за пределы сада на лоно деревенской природы расширял кругозор Пушкина не только территориально, но и социально. Пример тому – стихотворение 1819 г. "Деревня"»⁵.

Таким образом, сформировавшийся к настоящему времени свод научной и популярной литературы о «садах» Михайловского, не дает оснований для того, чтобы назвать А. С. Пушкина певцом усадьбы под названием «Михайловское». В то же время, следствием исключительного интереса читателя к творчеству поэта стало особое отношение к материальным свидетельствам его жизни. С 1899 года в Михайловском сохранялись, поддерживались, восстанавливались детали усадебного мира. Параллельно шел процесс легендаризации сохранившейся и впоследствии восстановленной среды обитания поэта. Особенно интенсивно этот процесс осуществлялся в период создания Пушкинского заповедника. Жанр музейного конструирования не терпит пустоты: чем плотнее мемориальное пространство заселено «свидетельствами» и предметными подтверждениями присутствия здесь некогда поэта, тем привлекательнее музей для посетителей. Сложившийся к настоящему времени блок литературно-музейных усадебных мифов весьма разнообразен. Одни из наиболее устойчивых, апеллирующих к тексту элегии «...Вновь я посетил...» («Три сосны», «Дорога, изрытая дождями», «Холм лесистый»), находятся за пределами парка и усадьбы и, кажется, подтверждают процитированное выше высказывание Д. С. Лихачева. Другие музейные топонимы, например, «Аллея Керн», были созданы уже в XX веке и носят очевидный гипотетический характер⁶.

На территории усадьбы встречаются также парковые затеи, находящиеся за пределами «усадебного» текста и имеющие сугубо ассоциативный комментарий. Таковым является Верхний пруд с «Островом уединения»: «Это место в парке всегда очень поэтично, само по себе располагает к восприятию стихов, пейзажных описаний в романе "Евгений Онегин". Целесообразно,

⁵ Лихачев Д. С. Поэзия садов. Л., 1982. С. 326.

⁶ См.: Парчевская И. Ю. «Аллея Керн»: происхождение мифа // Материалы чтений памяти С. С. Гейченко 2004 и 2005 гг.: Сб. статей. Пушкинские Горы; М., 2005. (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 37). С. 180—92.

однако, здесь больший акцент сделать на 1830-х годах, событиях из жизни Пушкина после ссылки – намерении уехать в Михайловское с семьей на 3 – 4 года, записаться в помещики либо журналисты». Лейтмотив рассказа: «деревня – наш кабинет»⁷. Факты биографии излагаются здесь безотносительно к месту: одному из объектов михайловского парка. Даже несмотря на то, что еще в 1936 году здесь под руководством директора заповедника В. З. Голубева проводились исследования, в результате которых было установлено местоположение пруда с «Островом уединения». Голубев провел тщательную картографическую работу, зафиксировал воспоминания старожилов и восстановил пруд, плотину и остров. В результате: «С реставрацией этого пруда в Михайловском парке прибавился еще один живописнейший водный бассейн, окруженный вековыми березами, соснами и елями»⁸. Спустя год факт восстановления в парке нового «живописного» объекта был прокомментирован заведующей музеем О. Ломан с позиций садового-паркового искусства: «В центре одного из прудов (в правой части парка) был искусственно сделан островок, напоминающий такой же остров в Царскосельском парке ("Концертный зал на острове")»⁹. Понятно, что трактовки 1937 и 2002 годов принципиально разные¹⁰.

В результате разных методик подхода к идентификации «пушкинских» локусов на территории Михайловского к настоящему времени в сформировался свод не совсем ясных или даже противоречащих друг другу гипотез относительно мемориальности того или иного места. Сложившаяся ситуация приводит к информационной полифонии во время экскурсий и лекций, а

---

⁷ Лобанова Э. Ф. «Люблю сей темный сад...»: Методическая разработка экскурсии по парку Михайловского // Методические разработки экскурсий. М., 2002. (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 21). С. 22.

⁸ Голубев В. З. Из истории Пушкинского заповедника // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941. С. 389.

⁹ Ломан О. В. По пушкинским местам. Калинин, 1937. С. 8.

¹⁰ Примечательно, что в 1999 году «Остров уединения» временно вернулся в «усадебный» контекст, замеченный О. Ломан: здесь во время проведения Пушкинского праздника поэзии проводилась публичная запись стихотворений А. С. Пушкина в исполнении популярных российских поэтов. В это время «Остров уединения» превращался в полноценный «Концертный зал на острове».

современных исследователей данной темы к следующим формулировкам: «Таким образом, можно сделать вывод, что в литературе по Пушкинскому заповеднику существуют разногласия по поводу местоположения такого музейного объекта как "холм лесистый". В частности, в путеводителях XX века этот вопрос остается открытым»¹¹.

«Холм лесистый», упомянутый Пушкиным в элегии «...Вновь я посетил...», стал одним из наиболее популярных объектов для исследователей псковских корней пушкинского творчества. Один из последних – статья Н. К. Телетовой «О материалах истории Михайловского», опубликованная в 2002 году. В конце статьи автор резюмирует: «Сведения о жизни Осипа Ганнибала скудны, но деловые документы в какой-то мере открывают ее. Не более богата и история его поместья, пока не свяжется она с освятившим эти земли именем Пушкина»¹². «Связующее звено» исследователь находит не в Михайловском или его окрестностях, а на расстоянии 4-х верст как от усадьбы, так и от озера: «Видимо, в конце 80-х и в 90-х годах О. А. Ганнибал задумал кроме Михайловского устроить в трех верстах от него в деревне Косохново еще один дом со службами и садом. Это поместье он назвал Генварским... Обратим внимание на то, что странствуя по окрестностям Михайловского, Пушкин, конечно же, бывал и в Косохнове-Генварском с недостроенным домом деда. Именно отсюда, и ниоткуда более, видно все озеро Кучане, которое "синяя, стелется широко". Эта картина озера ни из Михайловского, ни из Петровского, ни с каких-либо иных точек не предстает взору такой объемной и обобщенной, во всем своем покойном и пустынном просторе:

Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни... (III, 399)»¹³.

¹¹ Федорова Е. М. Музейные объекты Михайловского в путеводителях XX века: «холм лесистый» // Материалы чтений памяти С. С. Гейченко 2004 и 2005 гг.: Сб. статей. Пушкинские Горы; М., С. 169—170.

¹² Телетова Н. К. О материалах истории Михайловского // Пушкинский музей: Альманах. Вып. 3. С. 115.

¹³ Там же: С. 109.

Цитируемое четверостишие не оставляет сомнений в том, что автор претендует на, по меньшей мере, сенсационное открытие: местом создания элегии является не Михайловское, а малоизвестное и удаленное Генварское. Однако черновики пушкинского произведения не подтверждают такой точки зрения. Текстологический анализ не оставляет сомнений в том, что точка обзора находится в Михайловском, расположенном вовсе не на господствующей над окрестностями высоте, откуда «все видно», а именно «на берегу» (III, 997). Кроме того, если следовать предложенной логике, помимо вида на озеро, в Генварском должны были бы находиться «Три сосны», «Дорога, изрытая дождями» и, наконец, «опальный домик». Но таковых не обнаруживается. И еще один абсолютно прагматический вопрос: зачем поэту осенью 1835 года понадобилось посещать удаленную «заброшенную» усадьбу с недостроенным домом и именно там вспоминать о двух годах незаметных, проведенных, все-таки, не в Генварском, а в Михайловском?

Нам представляется, что обоснованием публикации могло стать стремление автора, посредством «освятившего» этот край имени привлечь внимание общественности к малоизвестному месту, ставшему интересным автору в результате прочтения и анализа хозяйственных и иных сопутствующих документов, находящихся за пределами литературной деятельности А. С. Пушкина. Поскольку хозяйственная составляющая, какой бы обширной она ни была, малоценна в контексте интереса к литературной доминанте, автор осторожно «вбрасывает» в текст пушкинскую цитату, обеспечивающую повышенный интерес к историческому месту. Подобная методика восстановления дворянских гнезд ранее уже использовалась в целях воссоздания «Верхневолжского Пушкинского кольца» Тверской области и позже, с научной точки зрения, была признана несостоятельной¹⁴.

«Тверская история» – лишь один эпизод в «летописи» противостояния краеведов и филологов на почве «расцветченной»

---

¹⁴ Краснобородько Т. И. История одной мистификации (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго») // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 269—281.

литературным гением дворянской усадьбы. Разные методики порождают разные подходы к решению одних и тех же проблем. Программным произведением «михайловских» краеведов стала, на наш взгляд, публикация М. Столярова «Псковская губерния в поэзии Пушкина»: «Пребывание Пушкина в Псковской губернии неоднократно подвергалось рассмотрению и изучению на основании официальных документов, писем поэта и воспоминаний его современников. Мы знаем довольно хорошо, какие годы и месяцы провел Пушкин в пределах Псковской губернии, в каких местах он жил или бывал, с кем встречался, кто его посещал в селе Михайловском и какие произведения были им там написаны или писались. Правда, и в указанных отношениях наши сведения далеки от исчерпывающей полноты, и в отдельных случаях возможны дополнения, поправки и даже сенсационные открытия. Но несравненно более важный вопрос: как пребывание поэта в Псковской губернии отразилось в его творчестве, до сих пор, насколько мне известно, не был предметом подробного исследования. Напомним, ввиду столетней годовщины ссылки Пушкина в "обитель пустынных выюг и хлада", о необходимости и возможности такого исследования для местных пушкинистов — задача предлагаемой статьи»¹⁵.

Статья была написана в 1924 году в связи с образованием в 1922 году Пушкинского заповедника и приближением юбилейных дат: 125-летней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина и 100-летием михайловской ссылки. Следствием государственного внимания к Михайловскому стало оживление интереса местной интеллигенции к творчеству «земляка»-поэта. Именно в это время, на волне губернского патриотизма, появилось популярное в современной музейной практике определение «местные реалии в творчестве Пушкина». «Реалии» Столяров (Ашевский) обнаруживает в следующем: «Прежде всего, в лирических пьесах Пушкина и в лирических отступлениях "Евгения Онегина» мы находим художественное изображение природы "Пушкинского

---

¹⁵ Столяров М. (С. Ашевский) Псковская губерния в поэзии Пушкина // "Познай свой край": Сб. Псковского О-ва краеведения. Вып. 1. Псков, 1924. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pskovgrad.ru/1146926921.

уголка» с его рельефом, гидрографией, климатом, флорой и отчасти фауной. Перед нами «окружные горы», то есть холмы ледникового происхождения, давшие названия селу Тригорскому и Святогорскому монастырю. Перед нами «злачные скаты холмов», спускающиеся к воспетой Языковым Сороти, протекающей мимо Михайловского и Тригорского и принимающей светлые ручьи, шумящие в кустарниках. Перед нами «двух озер лазурные равнины», луга сначала с густой травой, а потом с душистыми скирдами и влажные пастбища с бродящими стадами. Одно озеро – с пустынными берегами; по отлогим берегам другого рассеяны деревни с полосатыми нивами, крылатыми мельницами и дымными овинами. Далее, перед нами глушь дедовских сосновых лесов, темный сад Михайловского с прохладой лип и шумным кровом кленов, «липовые своды» Тригорского парка и, наконец, «опальный домик» поэта. Все это списано с природы с точностью почти фотографической»¹⁶. Слово «фотографической»¹⁷ обнажает главный изъян подобной методики: Пушкин был не фотографом, а поэтом и в своих художественных произведениях зачастую использовал литературный опыт и манеру изображения собратьев по писательскому цеху.

Примером альтернативной, «антинатурной», трактовки могут служить комментарии В. В. Набокова к главе первой строфе LIV романа «Евгений Онегин»: «Обратите внимание на этот скромный ручеек, протекающий через онегинское имение. В куцах западноевропейской поэзии бежит, журчит, струится, стремится, плещет, блещет, лопочет и бормочет бесчисленное множество ручьев, ручейков, речек и речушек, берущих начало в (Вергилиевой) Аркадии, на Сицилии и в Риме и описывающих свои самые сентиментальные загогулины среди аккуратно подстриженной итальянской, французской и английской поэзии XVI, XVII и XVIII вв.; а рядом неизменно прохладная сень листвы. Вот этим-то литературным ландшафтом, завезенным в Россию

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ср. с воспоминаниями А. Е. Егоровой: «Говорили наши старики, что Пушкин снимал на книжку наши Зимари, и луга наши и рыболовов наших зимаревских» в кн.: «Наш был скор на язык!»: Рассказы о Пушкине крестьян Псковской области. // Нева, 1999, № 6. С. 40.

главным образом из Франции или через Францию, и подменяет Пушкин в ЕО северо-западное русское лето»¹⁸. Менее категоричен в своих суждениях Ю. М. Лотман, неоднократно бывавший в Пушкинском Заповеднике, проникшийся красотой Михайловского, но, тем не менее, не переступивший границу, отделяющую филолога от краеведа: «В строфе (строфа I, глава вторая. — прим. В.К.) отразились черты знакомого Пушкину пейзажа Михайловского, однако деревня Онегина является не копией какой-либо реальной, известной местности, а художественным образом»¹⁹.

В комментариях В. В. Набокова и Ю. М. Лотмана, как мы видим, не рассматриваются случаи проникновения в текст художественного произведения «местных реалий». Поэтому за рамками их исследований остается активно используемой в музейной практике «подстрочник»²⁰ (дом Пушкина идентифицируется с домом Онегина) к следующей, второй строфе:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою... (VI, 31)²¹.

К числу «местных реалий» можно отнести наличие господского дома и его местоположение на некой возвышенности над рекой. Все остальное — «реалии» иного рода. «Уединенным» дом поэта назвать нельзя, так как он находится в тесном архитектурном «сообществе» с четырьмя флигелями, населенными дворовыми, каретным сараем и погребом²². Возможно, «уединенность» дома имеет тот же источник, на который указал Ю. М. Лотман в комментарии к первой строфе: «Наименование помещицкого

¹⁸ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 205.

¹⁹ Лотман Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 176.

²⁰ См.: Лобанова Э. Ф. «Люблю сей темный сад...»: Методическая разработка экскурсии по парку с. Михайловского. С. 15.

²¹ Произведения и письма Пушкина цитируются (с указанием в тексте тома и страницы) по изд.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М., 1995—1997.

²² См.: «Опись Михайловского и других деревень, принадлежавших Н. О Пушкиной» // Летописи Гос. Лит. Музея: Архив опеки Пушкина. М., 1939. С. 271—272.

дома «замком», видимо, связано с осязаемой и для автора, и для читателей параллелью между приездом Мельмота, героя романа Метьюрина, в замок дяди и приездом в деревню Онегина»²³. В тексте романа английского писателя также присутствует примечательное описание и самого дома, и двора: «Господский дом резко выделялся даже на фоне вечернего сумрачного неба; по бокам не было ни флигелей, ни служб, ни кустарника, ни деревьев, которые давали бы тень и сколько-нибудь смягчали суровые очертания фасада»²⁴. Гора, а точнее горная гряда в Михайловском, действительно, есть. Но она возвышается с южной стороны от дома, поэтому от пронизывающих северо-восточных ветров, дующих со стороны озера Кучане, она не защищает. В этом нетрудно убедиться любому посетителю, приезжающему в Михайловское весной, осенью и зимой. В январе 1825 году свидетелем полной незащитности дома поэта перед студенными ветрами стал приехавший к Пушкину его друг И. И. Пущин: «Время не стояло. К несчастью, вдруг запахло угаром. У меня собачье чутье, и голова моя не выносит угара. Тотчас же я отправился узнавать, откуда эта беда, неожиданная в такую пору дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велела в других комнатах затопить печи, которые с самого начала зимы не топились. Когда закрыли трубы, – хоть беги из дому! Я тотчас распорядился за беззаботного сына в отцовском доме: велел открыть трубы, запер на замок дверь в нагретые комнаты, притворил и нашу дверь, а форточку открыл»²⁵. Дело в том, что практичный крестьянский ум подсказал Арине Родионовне, что нет смысла тратить на отопление северной, наветренной, половины дома. Поэтому зимой эта часть дома была превращена в своеобразные сени: буфер, препятствовавший проникновению в дом холодного воздуха.

В русской «усадебной» поэзии существует очень близкое пушкинскому описанию помещичьего дома:

Горой от севера закрытый,
На злачном холме он стоит

²³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 176.

²⁴ Метьюрин Ч. Р. Мельмот скиталец. Л., 1977. С.9.

²⁵ Пущин И. И. Записки о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. I. М., 1974. С. 106—107.

И в рощи, в дальний луг глядит;
А Псел, пред ним змеей извитый,
Стремясь на мельницы шумит...²⁶

Это отрывок из поэмы В. В. Капниста «Обуховка» (1818). В ней автор изображает свое имение в Полтавской губернии с почти «фотографической» точностью, о чем свидетельствуют мемуарные источники: «Всем известно, что Малороссия считается одним из лучших краев России по умеренному климату своему, по богатой растительности и по живописным местоположениям, в особенности там, где протекает Днепр или быстрая, прозрачная, извилистая река Псел, правая сторона которого возвышается везде крутыми берегами и горами, покрытыми разнородным лесом, ущельями разноцветных глин и часто столетними дубами; левый же берег, почти везде плоский, широко расстилается зелеными лугами и рощами. В одной из тех местностей, на правом берегу Псела, на уступе горы, покрытой многосенным лесом, стоит еще по сию пору тот небольшой дом, крытый соломою и защищенный от севера горою, который так хорошо описывал отец мой в стихотворении своем...»²⁷

Спустя несколько лет после публикации «малороссийской» поэмы вологодский дворянин и поэт П. А. Межаков написал стихотворение-ответ «В. В. Капнисту»:

В долине, скатом наклоненной
До самых озера валов,
Стоит мой дом уединенный
От бурных ветров защищенный
Столетних сению дубов²⁸.

Межаков, как и Капнист, точен в деталях. Поэтому он, в целом, поддерживая идею усадебного дома как некоего эллизиума, защищенного от ветров и невзгод, уточняет и местную специфику именно его, вологодских, «ветрозащитных сооружений». В его имении – это не только скат горы, но и мощные лесопосадки. В отличие от обоих авторов Пушкин не просто хороший поэт. Он

²⁶ Сельская усадьба в русской поэзии XVIII—XIX века. С. 391.

²⁷ Скалон С. В. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988. С. 466.

²⁸ Сельская усадьба в русской поэзии XVIII—XIX века. С. 154.

– гений. Ему, автору романа в стихах, важны не детали, а общая типологическая однородность расположения помещичьих домов в русской усадебной культуре. «Господский дом на горе» в Михайловском хорошо вписывается в этот ряд. Но на этом «местные реалии» заканчиваются, а тот факт, что на самом деле скат местной горы вовсе не являлся заслоном от ветров, для автора значения не имеет: читатель все равно не почувствует порывов студеного ветра от страниц раскрытой книги...

Следовательно, даже подразумевая, что и роман в стихах, и лирические стихотворения являются художественными произведениями, в тексте все-таки можно вычленить пресловутые «местные реалии» усадьбы Михайловское. Однако они, реалии, не уникальны. Специфика ландшафта этой части Псковской области такова, что местные особенности легко вписываются в традиционный усадебный текст. В 1828 году П. А. Вяземский, посетивший усадьбу Приютино под Петербургом, писал жене: «Ездил я с Мицкевичем к Олениным в деревню в Приютино, верст за 17... Деревня мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес»²⁹. Те же, характерные и, одновременно, типичные «особенности» усадьбы поэт отметил в стихотворении «На смерть няни А. С. Пушкина» Н. М. Языков, приезжавший в Михайловское летом 1826 года:

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извиистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветиных времен...³⁰

Горы, холмы и возвышенности; речка и два озера, леса, рощи и перелески Михайловского, в целом, создавали эффект сменяющих друг друга «подвижных картин», что обеспечивало много-

---

²⁹ Приютино: Антология русской усадьбы. Сост. и комм. Л. Г. Агамалян и И. С. Ефимовой. СПб., 2008. С. 34.

³⁰ Языков Н. М. Сочинения. Л., 1982. С. 132.

образе ассоциативных рядов, возникавших у посетителя парка и усадьбы. Уникальный ландшафт окрестностей Михайловского, требовавший от хозяина минимум затрат для его превращения в романтический «ирегулярный» парк, сформировался вследствие движения ледника. На это, мимоходом, обратил внимание краевед Столяров. В том же 1924 году В. П. Семенов-Тянь-Шанский в речи на праздновании 125-летия памяти А. С. Пушкина сформулировал принципы своей классификации литературных усадеб России на основе природных различий: «Самыми крупными и первыми певцами ледникового пейзажа нашей равнины можно считать Пушкина и Некрасова, а наиболее крупными и первыми певцами овражного пейзажа – Тютчева и Фета... Что же мы имеем в треугольнике Михайловского – Тригорского – Святых гор, недавно приобщившихся к железному пути? Северно-моренный пейзаж, столь дивно описанный Пушкиным в "Онегине", "Деревне", "Трех соснах" и других произведениях. Это дугообразные гряды моренных ледниковых холмов, с преобладанием песчаных почв, поросшие сосновым лесом. Их дугообразное расположение подметил еще Пушкин в "Онегине". В понижениях между холмами лежат озера – Кучане, Каменец, Белогул и другие, обычно прорезанные речками, как, например, Соротью. Почвы легкие, без грязи. Вся природа тоже легкая, мягкая, чистенькая, как она и отразилась в пушкинских стихах»³¹.

Заметим, что задолго до сделанных советским ученым географических открытий в сфере литературы А. С. Пушкин в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», написанном в «овражном» Болдино, обозначил главные отличия между двумя типами литературного пейзажа:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка?.. (III, 236).

---

³¹ Цит. по: Речь В. П. Семенова-Тянь-Шанского в селе Михайловском // Святые Горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX—XXI веков. Сост. и комментарии И. Т. Будылина. М.; СПб., 2010. С. 140 — 142.

Очевидно, что предпочтение поэт отдает разнообразным и изысканным ландшафтам Михайловского.

В данной статье нельзя не упомянуть и о том, что своим появлением ставшие классическими пушкинские литературные пейзажи Михайловского обязаны случаю. В результате проведенных в 1936–1937 годах научно-исследовательских мероприятий был выявлен любопытный факт наличия в собственности деда поэта О. А. Ганнибала сразу двух помещичьих усадеб: Генварского и Михайловского. В. З. Голубев объясняет это барское излишество следующим образом: «...затея создать с. Генварское была временной прихотью сумасбродного О. Ганнибала. Мы проследили границы всех владений Ганнибалов, а также и хозяйственные связи отдельных участков земли, и пришли к выводу, что никаких экономических причин для создания двух центров не было, да и управляющие имением, бывшие по существу полными его хозяевами в периоды продолжительных отъездов барина, видимо, не считали нужным поддерживать вторую резиденцию Осипа Ганнибала. Сельцо Генварское стояло на суходоле, на склоне к пересыхающему в жаркое лето ручью, далеко от реки и озер, и было открыто для всех ветров. Наконец, по своему местоположению сельцо Генварское было по сравнению с сельцом Михайловским в наименее выгоднейших условиях. Здесь Пушкин никак не мог бы сказать: "Везде передо мной подвижные картины" и т. д. Поле, болото и овраг, названный ручьем Генварским, – вот ландшафт, раскрывающийся от сельца Генварского. Следовательно, сельцо Генварское было прихотью, не мотивированной ни хозяйственными, ни эстетическими соображениями»³².

Логика автора весьма любопытна: тезис о «наименее выгоднейшем» местоположении Генварского аргументируется отсутствием соответствующих пушкинскому творческому потенциалу ландшафтов. Когда поэт в 1817 году впервые приехал в псковское имение матери, выбор в пользу Михайловского был уже давно сделан и никто о заброшенном Генварском не вспоминал. Голубев видит причины сложившей в конце XVIII века ситуации в «сумасбродстве» деда поэта. Но возможно и другое объяснение . О.

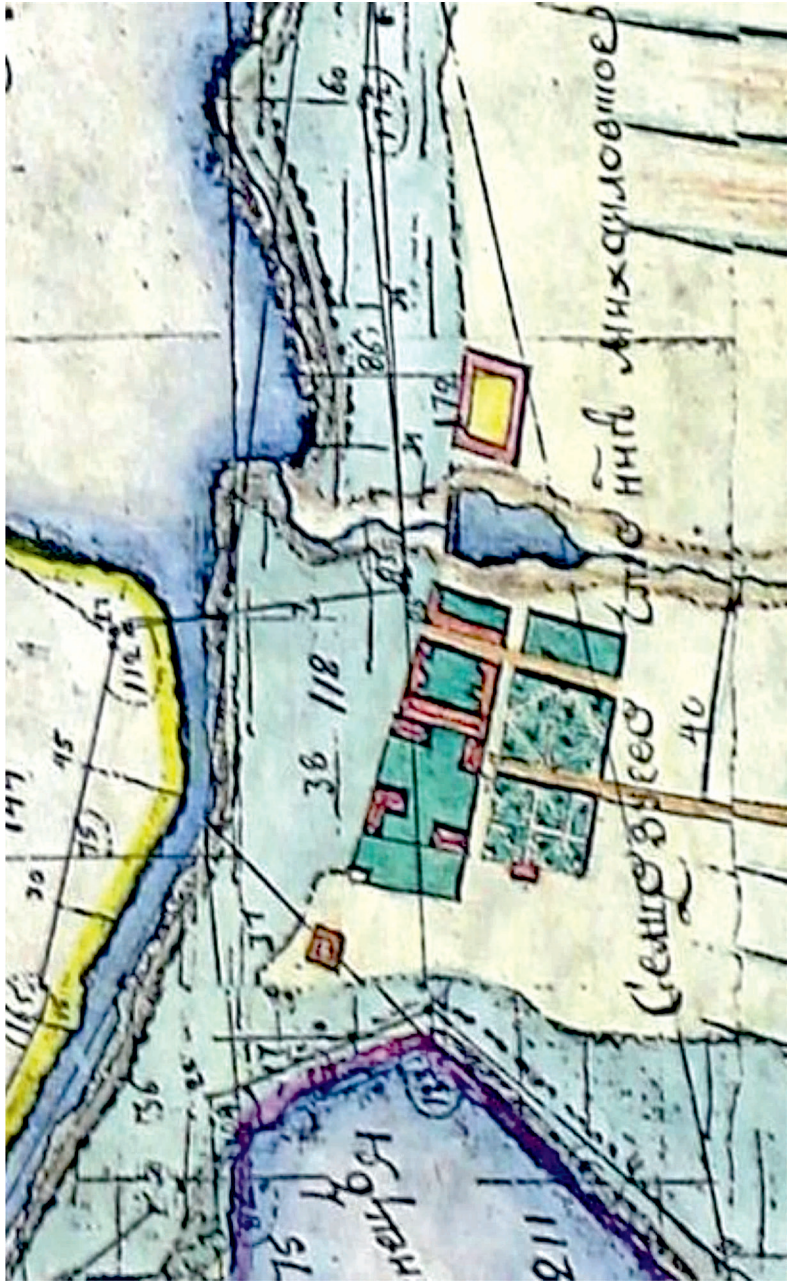
³² Голубев В. З. Из истории Пушкинского заповедника .С. 386.

А. Ганнибал, руководствуясь сугубо практическими соображениями, сначала обустроивает Генварское, а потом, под воздействием некоего, пока нам не известного влияния, отдает предпочтение усадьбе на юру: от ветров и непогоды не защищенной, но такой привлекательной с позиций эстетики садово-паркового искусства. Влияние могли оказать книги или же общение с людьми, в какой-то степени связанными с обустройством «ирегулярных» парков. Данная версия требует более глубокого изучения круга интересов деда поэта, который в современной литературе предстает исключительно в виде запутавшегося в долгах и непоследовательного в поступках помещика. Но, если последовательность и причины формирования усадебных комплексов, принадлежавших деду поэта, были именно такими, окажется, что «сумасброд» за короткое время совершил тот эстетический прорыв, который русское садово-парковое искусство одолевало в течение десятилетий. Примером тому служит богатый опыт в деле преобразования русской усадьбы, накопленный А. Т. Болотовым: «На сей-то натурально прекрасной горе и в самом почти средоточии помянутого, рекою образуемого полукружия, избрал я место для моего нового дома; и оно было так высоко и в таком прекрасном и выгодном положении, что из окон дома моего видима была великая обширность мест, украшенная полями, лесами, рощами и вдали многими селениями и несколькими церквами, и вид был столь прекрасный, что я и поныне еще не могу красотами оного довольно налюбоваться. Несмотря на все сие, место сие было до того у предков моих совсем в пренебрежении. Они, имея как-то привычку и любя домами своими прятаться и строить их в таких местах, откуда бы им в окна, кроме двора своего, никуда было не видно, избрали и в здешнем селении под дом наихудшее и скучнейшее место; а сие занято было тогда огородом, овощником и скотскими дворами и челяднями»³³.

В течение послевоенного времени в Пушкинском Заповеднике шел процесс активного музейного конструирования. Создание музейных и натуральных экспозиций привело к консервации

---

³³ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М., 1986. С. 524.

отдельных музейных открытий и перерастанию их в музейные мифы и легенды. Как следствие, научно-исследовательская работа, способная нарушить цельность созданной конструкции, была несколько ослаблена. В конце 1980-х годов в России было возрождено Общество изучения русской усадьбы. В середине 1990-х началась подготовка к 200-летию юбилею А. С. Пушкина. Следствием этих двух событий стал процесс переосмысления и переоценки прошлых наработок и появления новых версий и гипотез относительно «пушкинской» истории Михайловского.

В результате масштабной работы и систематизации историко-архивных материалов удалось по-новому оценить соотношение между документальной основой и художественной интерпретацией музея в Михайловском. Интересными представляются наблюдения, изложенные авторами «Исторической записки» к проекту реконструкции пушкинский усадьбы. В частности, авторы обратили внимание на специфику ранее малоизученной части парка: «Интересной деталью южной части парка является небольшое строение, поставленное на центральной оси «запад-восток», на западной границе парка. Учитывая, что с этого пологого склона открывается обзор на озеро Маленец и его лесистый противоположный берег, а весь ландшафт имеет своеобразное камерное звучание, можно предположить, что строение — парковый павильон или беседка, вписанная в систему искусственно созданного и естественного ландшафта, тонко объединяющая их своим малым объемом и точным местоположением.

Необходимо отметить, что от большой дороги по маршруту «Егорьевское (Тригорское) – Генварское», от которой пробита широкая дорога, переходящая в парковую аллею, вокруг находились распаханное поля и устройство регулярного парка привнесло в пейзаж те одухотворенные связи, которые стали в дальнейшем основой природной характеристики Михайловского парка»³⁴. «Распаханные поля» располагались не только вокруг парковой аллеи, но и на холмах, подковообразной дугой огибающих озеро

---

³⁴ Историческая записка «Государственный музей-заповедник «Михайловское». Усадьба «Михайловское». Архив «Спецпроектреставрация». Псков, 1997. Т. 1. Кн.1. С. 35—36.

Маленец. Об этом свидетельствуют не только картографические данные, но и сам поэт. В элегии «Вновь я посетил...» описывается «дорога, изрытая дождями», идущая от озера к «Трем соснам». В вариантах черновиков присутствует характеристика окрестностей: «меж полей» (III, 1001). «Лесистым» берег Маленца стал уже в 1930-х годах. В настоящее время однородная лесная полоса «выровняла» побережье и скрыла значимые и «читавшиеся» в XIX веке объекты окрестностей Михайловского. Одним из таких было сельцо Савкино, просматривавшееся из «паркового павильона или беседки». Возможно, по мысли создателя парка, каковым на наш взгляд, являлся О. А. Ганнибал, вид на Савкино, где находилось древнее городище IX–X веков, а впоследствии Михайловский пустынный монастырь³⁵, давший название Михайловской губе и самому сельцу Михайловскому, должен был активизировать воспоминания об историческом прошлом этого места.

Савкино занимает особое место в биографии А. С. Пушкина. В письме П. А. Осиповой от 29 июня 1831 года поэт высказывает желание приобрести земельный участок в окрестностях Михайловского: «...И к слову сказать, если бы я не боялся быть нескромным, то попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, уведомить меня, не мог ли бы я приобрести Савкино и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поместил бы в ней свои книги и приезжал бы проводить несколько месяцев в году вблизи моих добрых и старых друзей. Что вы скажете, сударыня, о моих воздушных замках или хижинке в Савкино. Меня восхищает эта мысль и я постоянно к ней возвращаюсь...» (XIV, 430) Лишь в этом и нескольких последующих письмах, связанных с желанием приобрести землю между Михайловским и Тригорским, упоминается название этого небольшого сельца.

В краеведческой литературе встречается ряд комментариев, почему именно это небольшое сельцо стало столь притягательным для поэта в начале 1830-х годов. С. С. Гейченко в путеводителе 1950 года мотивировку пушкинского желания купить Савкино объясняет сложностями «петербургского» периода жизни поэта в

---

³⁵ См.: Гейченко С. С. Пушкин в Михайловском. М., 2007. С. 278 — 286.

1830-х годах: «Жизнь в Петербурге становится для него все тяжелее, все невыносимее. И Пушкин мечтает в 1831 году приобрести маленькую деревушку Савкино, близ Михайловского, построить хижину там, перевезти туда свою библиотеку и проводить несколько месяцев в год»³⁶. В 1965 году тот же автор пишет еще об одном привлекательном компоненте Савкино, заключающемся в природной красоте места: «Савкина горка была одним из любимых мест Пушкина. Она привлекала его своей уединенностью, красотой открывающегося с нее пейзажа, обаянием древности. Заветным желанием поэта было приобретение этого уголка, принадлежащего трем мелким помещикам Затеплинским. Пушкин неоднократно возвращался к нему, особенно в те годы, когда все его помыслы были направлены к одной цели – вырваться, бежать из душной обстановки аристократического "свинского" Петербурга в свою простую "деревеньку на Парнасе"...»³⁷

На природную красоту, как доминирующий фактор привлекательности для поэта данного места, обращает внимание В. С. Бозырев: «Савкина горка была одним из любимых мест Пушкина. Отсюда открывается великолепный вид на Михайловское и Петровское, на старинные деревни Зимари и Дедовцы. Широко раскинулись зеленые луга, среди которых голубой лентой извивается Сороть, а за лугами виднеется озеро Кучане...»³⁸.

Впрочем, ранее А. М. Гордин почувствовал в «савкинском векторе» пушкинских желаний нечто большее: «О любви к Савкиной горке как к месту творческого вдохновения говорит и намерение Пушкина позже, в 1831 году, приобрести ее»³⁹. К сожалению, автор не указал на результат этого творческого вдохновения, каковым, по логике, должен был стать литературный текст. Спустя полвека в книге «Пушкин в Михайловском» А. М. Гордин, по-видимому, так и не обнаружив доказательств того, что виды Савкино стимулировали создание неких поэтических произведений, убирает первоначальный тезис и ограничивается простой

³⁶ Гейченко С. С. Пушкин в Михайловском. Псков, 1950. С. 54.

³⁷ Гейченко С.С. Михайловское: краткий путеводитель. Л., 1965. С. 26

³⁸ Бозырев В. С. Музей-заповедник А. С. Пушкина. Л., 1979. С. 73.

³⁹ Гордин А. М. Пушкин в Михайловском: Литературные экскурсии. Л., 1939. С. 138.

констатацией факта переписки⁴⁰. Тем не менее, высказанная еще в предвоенном 1939 году гипотеза о возможных творческих отражениях данного места в пушкинских текстах, представляется нам весьма продуктивной.

В 1827–1828 гг. Пушкин работает над седьмой главой романа «Евгений Онегин». В строфе XV присутствует описание путешествия Татьяны в покинутую героем усадьбу. По ходу путешествия перед героиней предстают ландшафты и детали местности, находящейся, согласно литературной топографии, где-то между домом Лариных и помещьем Евгения Онегина:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий. В поле чистом,
Луны при свете серебристом
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдруг перед собою
С холма господский видит дом,
Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою.
Она глядит - и сердце в ней
Забилось чаще и сильней (VI, 144–145).

С рядом оговорок в этом литературном описании можно обнаружить приметы того визуального ряда, который предстал перед взором Пушкина, когда он сам возвращался из Тригорского в Михайловское. В частности, это соответствующие или совпадающие с действительностью приметы: «роща под холмом» и «сад над рекой». Некая безымянная река «сопровождает» героиню пушкинского романа на протяжении всего пути. Вдоль реальной реки под названием «Сороть» лежал путь Пушкина из Тригорского в Михайловское. Если наложить литературный ландшафт на карту окрестностей Михайловского, то местом, откуда можно было увидеть господский дом, является именно Савкино. В рай-

---

⁴⁰ Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 374.

оне «верхней дороги» – это возвышенность, на которой растут знаменитые «Три сосны». В районе «нижней» – городище Савкина горка или же находящаяся рядом так называемая «Воронья гора».

С рекой связана еще одна устойчивая и повторяющаяся в «михайловских» произведениях Пушкина тема. Это – тема рыбака. В романе Татьяна на своем пути видит «огонь рыбацкий за рекой». Ранее в стихотворении «Деревня» (1819) перед автором предстает следующая картина:

Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда... (II, 82)

В том же году и в том же месте создается пятая песнь «Руслана и Людмилы». И здесь присутствует все та же топография и тот же персонаж:

...И вдруг он видит пред собою
Смиренный парус челнока
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.
Раскинув невод по волнам,
Рыбак, на весла наклоненный,
Плывет к лесистым берегам,
К порогу хижины смиренной.
И видит добрый князь Руслан:
Челнок ко берегу приплывает... (IV, 68–69)

И, наконец, в элегии «...Вновь я посетил...», обобщающей и подытоживающей опыт визуального «общения» поэта с окрестностями Михайловского, присутствует все тот же рыбак, плывущий все по тому же озеру:

Плывет рыбак и тянет за собою
Убогой невод... (III, 399)

Описание местности между Михайловским и Тригорским на пути Татьяны Лариной и повторяющиеся мотивы «реки» и «рыбацкого челна» имеют, вероятно, некую соотношенность с действительностью. Но с одинаковым успехом реку, рыбацкий костер или рыбацкую лодку поэт мог видеть и из окон собственного дома, и с «вершин» Тригорского, и из Савкино. Из вышеперечис-

ленных текстов трудно вычленишь описание реального Савкино. Другие – отсутствуют. Поэтому, казалось бы, у пушкинского письма с просьбой о покупке Савкино, нет литературной предыстории. Точно так же, как нет и предыстории биографической, так как название сельца не встречается ни в другой переписке поэта, ни в мемуарной литературе.

Тем не менее, само письмо демонстрирует факт особой значимости, избранности данного места для поэта. О том, что пушкинское желание не было случайным, свидетельствует внимательное прочтение письма и ряд сопутствующих его написанию факторов. Странно, но ни один из комментаторов не обратил внимание на то, что мысль о покупке Савкино возникает в пушкинском письме спонтанно («И к слову сказать...») и является ассоциативным «ответвлением» другой темы, спровоцировавшей появление данного текста. Пушкинское письмо – это, по сути, поздравление П. А. Осиповой в связи со свадьбой ее дочери Евпраксии Николаевны. Какая связь между замужеством соседки и желанием женатого поэта поселиться рядом со счастливым семейством? На уровне бытовой логики таковая отсутствует. На наш взгляд, причина в ином: в сложном переплетении реальности и литературного вымысла. Евпраксия Николаевна Вульф – дочь хозяйки Тригорского П. А. Осиповой. Но Евпраксия, «Зина», «Зизи» – не только псковская знакомая поэта. Она еще и адресат пушкинской лирики и прототип героини пушкинского романа «Евгений Онегин». Можно много спорить о степени сходства между реальной девушкой и литературным персонажем, но сам факт подобного отождествления обозначил сам поэт, подарив Евпраксии в 1828 году вышедшие в одной книжке IV и V главы романа с надписью «Твоя от твоих». Поэтому вполне вероятным представляется наличие в письме «онегинского» подтекста, актуализировавшегося в связи с поздравлением бывшему «оригиналу». Поэтому изложенные в письме планы на будущее содержат в себе изрядную долю воспоминаний о прошлом, в значительной мере связанном с литературой. Отсюда – стилистически ощутимая искусственность предполагаемого «бегства» из города и мотивы поэтического «монашества» на лоне при-

роды, столь характерные для художественной культуры XVIII – начала XIX веков. Отсюда и «хижинка», в которой поэт якобы предполагает жить. «Хижинки» стали одними из важнейших смысловых центров концепции английских романтических парков. «Хижинки» и «хижины» в значении «жилище поэта» прочно вошли в русскую литературу⁴¹, в том числе, в произведения самого Пушкина: «Блажен, кто в шуме городском...», «Монах», «Братья-разбойники» и др. Все тот же условный литературный оттенок присутствует в намерении «поместить» книги в савкинской «хижинке», что, по сути, задает еще одну из характерных в литературе тем «кабинета – библиотеки». Книги, как один из главных атрибутов сельского уединения, присутствуют в стихотворениях Пушкина: «Городок», «К Юдину». С «книжкой в руках» предстает перед читателем героиня пушкинского романа Татьяна Ларина.

Литературные оттенки пушкинского письма не улавливаются П. А. Осиповой, которая воспринимает просьбу дословно и переводит диалог в сугубо практическую плоскость: «Савкино может служить приютом лишь на два летних месяца, и если вы его приобретете, то потребуется целое лето, чтобы сделать его обитаемым» (XIV, 229, 440). По ходу переписки поэт волей-неволей втягивается в хозяйственные проблемы, связанные с покупкой. Дело доходит до того, что идея соседства с Тригорским начинает превалировать над идеей приобретения именно Савкино. В письме П.А. Осиповой 29 июля 1831 года Пушкин сообщает: «Отдаю в ваши руки свои интересы и планы. Не важно, будет ли это Савкино или какое-нибудь другое место; я только хочу быть вашим соседом и владельцем красивого уголка» (XIV, 201, 433). В результате «воздушные замки» так и не были построены. Наверное, потому, что изначально они были «воздушными», точнее «литературными».

В том, что живописное место между Михайловским и Тригорским находилось в поле зрения помещика Пушкина в годы пребывания в родовом поместье, сомнений нет. В поле зрения поэта Пушкина Савкино попало за год до письма Осиповой, в 1830

---

⁴¹ См.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 375.

году в Болдино. В строфах «Путешествия Онегина» поэт вспоминает Михайловское и Тригорское:

И берег Сороти отлогий
И полосатые холмы
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы –
Приют сияньем Муз одетый
Младым Языковым воспетый... (VI, 506)

Тогда же поэт создает первый вариант XLII строфы, впоследствии, после переработки, вошедший в восьмую главу романа под цифрой XLVI:

...Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, встретила я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей... (VI, 188)

В первом варианте строфы, написанной осенью 1830 года, с начала до строк, в которых перечисляются отдельные детали прошлой деревенской жизни Татьяны, нет ни одной правки. Далее следуют сплошные исправления. Сначала отрывок выглядел так:

За домик наш, за дикой сад,
За мельницу, за городище...
За мелк... (VI, 635)

Затем «домик наш» заменяется на «полку книг». Вместо «мельницу»⁴², «за городище» появляется «бедное жилище». Над зачеркнутым «мелк...» автор пишет «озеро», но далее тоже зачеркивает. Характер работы над строфой свидетельствует о том, что в процессе ее создания совместились два слоя воспоминаний.

---

⁴² В.В. Набоков прочитал зачеркнутое Пушкиным «мелк...» как «мельница». См.: Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 592.

Первый, авторский, связанный с воспоминаниями о жизни в Михайловском, посещениями Тригорского и, на наш взгляд, постоянно находившегося в поле зрения поэта Савкино. Второй слой – сугубо литературный, «принадлежащий» героине его романа Татьяне Лариной.

В первоначальном наброске строфы отсутствовала смысловая симметрия в деталях. По логике, героиня должна вспоминать то, что в предыдущих главах «предписал» ей автор.

«Озеро» и «дикий сад» имеют прямое отношения к литературному ландшафту окрестностей «Дома Лариных». В контексте воспоминаний, нахлынувших на Татьяну в связи с Онегиным, появление этих литературных реалий вполне логично, так как ранее в романе в парке у озера состоялось ее первое свидание с героем. «Книги» – это те самые романы, из которых героиня, «Себе присвоя / Чужой восторг, чужую грусть», черпала вдохновение, когда писала письмо Онегину. Но в первом варианте присутствовали также детали, не совсем точно отражающие черты «прошлой» жизни героини. В тексте появляется определение «домик», которое автор изменяет на более «ларинское» определение: «бедное жилище». Слово «домик» в большей степени характерно для лирической поэзии. Определение «счастливый домик» ранее, в 1819 году, появляется в стихотворении «Домовому» и явно соотносится с Михайловским. «Городище» автор меняет на «кладбище» Филипповны, что также соответствует общей логике пушкинских правок, если вспомнить, что именно она, няня, оказалась единственной поверенной в тайные помыслы ее влюбленной хозяйки. «Мельница» также исчезает из последней редакции. Набоков обратил внимание на странную «некорректность» воспоминаний Татьяны по отношению к раскаявшемуся Онегину: «Что же до мельницы, то неприлично было бы Татьяне напоминать Онегину о той мельнице»⁴³. То есть, о той самой водяной мельнице, у которой был убит Владимир Ленский. Замечание тонкое, ставящее проблему, но не раскрывающее причин появления этой, явно диссонирующей с образом героини, детали в первом варианте. Объяснением этого парадокса может служить особая форма пуш-

---

⁴³ Там же.

кинского романа, в котором сюжет сопровождается лирическими отступлениями автора, большую часть которых составляют воспоминания. В процессе работы над строфой автор сначала изображает некое географическое пространство, соединяющее в себе мельницу, озеро и городище. В Тригорском, действительно, есть городище — городище Воронич. Но здесь нет озера. Ближайшие озера Кучане и Маленец со ската тригорского холма даже не просматриваются. Поэтому можно подумать, что в первом варианте строфы изображен условный литературный ландшафт.

Но следует учесть следующее. Воспоминания Пушкина о Михайловском по времени совпали с работой над текстом воспоминаний Татьяны Лариной о деревне, чем-то напоминающей окрестности Михайловского. Как следствие, героиня романа невольно «заговорила» на языке воспоминаний самого Пушкина. Авторская память всегда более точно отражает не только переживания, но и объективную реальность: ландшафт, архитектурные и исторические особенности. Единственным местом вблизи Михайловского, соответствующим воспоминаниям автора, является Савкино, где есть городище и откуда открывается вид и на «мельницы крылаты», и на «домик» поэта в Михайловском, и где рядом находится озеро Маленец.

Поэтому, на наш взгляд, эмоциональный порыв Пушкина приобрести Савкино был подготовлен литературным текстом, в силу жизненных обстоятельств и ряда творческих сближений.

Жизненные обстоятельства Пушкина к лету 1831 сложились таким образом, что возможный переезд в деревню становился сродни литературному бегству из города на лоно природы. Но, в отличие от «поэтических побегов» в стихотворениях «Как счастлив я, когда могу покинуть...» и «Поэт», итогом «бегства» становилась мечта о Савкино как материальной оболочке ряда литературных иллюзий. В то же время, поэт прекрасно сознавал разницу между «воздушными» поэтическими замками и суровой реальностью. В этом и состоит причина быстротечности истории о том, как Пушкин хотел обрести покой и волю в Савкино, но так его и не обрел. Следствием «странных» творческих сближений стало уточнение поэтом деталей «романного» и «автор-

ского» ландшафтов и выделение в последнем «савкинского» локуса. Работа над формированием последнего была продолжена Пушкиным в 1835 году в связи с созданием элегии «...Вновь я посетил...». В элегии присутствуют характерные повторяющиеся приметы местности, обозначенные еще в болдинских воспоминаниях: «озеро», «дом опальный», ветряная мельница, «три сосны», уточняющие географическую принадлежность данного текста к Савкино.

Из беседки, выявленной авторами упомянутой выше «Исторической записки», открывался панорамный вид на Савкино, городище и озеро Маленец. В той же части парка, на плане 1786 года, обозначено еще одно загадочное место. Оно находится практически на границе с зоной усадебных построек, рядом и на одной линии с воротами на въездную Еловую аллею. В плане этот возвышенный участок «пограничной» территории обозначен прямоугольным контуром и может трактоваться как небольшая открытая площадка. Предназначение этой площадки неизвестно и устанавливается гипотетически. Так, например, в Тригорском, перед домом, на скате холма, было оборудовано место, где хозяева пили чай и наслаждались открывающимися перед ними просторами. В Петровском для подобных мероприятий использовалась грот-беседка. В Михайловском господский дом находится на самом краю крутой горы, поэтому устройство подобной «чайной» площадки было затруднительно. В то же время известно, что подобные оазисы непринужденного веселья и трапез оборудовались и в других частях парков. Как правило, подобные площадки устраивались на краю парков, так как летом романтические «густые сени» деревьев кишели комарами, не способствовавшими непринужденному общению.

Наличие специального сооружения под кровлей было необязательно. В Тригорском на площадку выносились скамьи и столик, а в Приютино общение продолжалось прямо на земле. Об этом пишет Петр Оленин: «Колокол дал знак к обеду, и мы пошли под ветвистые дерева, где был накрыт стол. Повесив шляпу мою на веточку, радовался я, что мы не живем в те времена, когда каждое дерево считали за дриаду. – Тогда б не знал я, что делать с

шляпой, не смея повесить ее на нос какой-нибудь дриады... Встав из-за стола, легли все на разостланные ковры»⁴⁴.

Документов, свидетельствующих о том, как именно в пушкинское время использовался этот холмик на краю парка, нет. Но особое положение этого места в структуре усадьбы было отмечено в ряде публикаций. Так, в 1837 году псковскому землемеру Иванову было поручено запечатлеть Михайловское. Давно замечено, что выполненный Ивановым рисунок более напоминает жанровую картину на тему «Пушкин в Михайловском»: «Михайловское зарисовал землемер, привыкший по профессии снимать точные планы участков. Но его рисунок оказался не сухой фиксацией увиденного, а достойным произведением искусства. Он лирично и тонко передает не только вид зданий и окружающую усадьбу природу. Художник постарался оживить картину воспоминаниями о Пушкине и его соседях, бытовыми деталями. У него на рисунке от барского дома на белом коне отъезжает всадник в сюртуке и широкополой шляпе с тростью в руке, за ним бежит собачка, а по тригорской дороге навстречу едет коляска, запряженная парой лошадей, с кучером и двумя барышнями. Нетрудно догадаться, что так художник изобразил Пушкина и обитателей Тригорского. Женщина на крыльце напоминает об Арине Родионовне. В пейзаж естественно вписываются фигурки крестьян, стадо у Сороти, бредущий старик...»⁴⁵. Быть может, это случайность, – но иллюстратор «жизни Пушкина в Михайловском» изображает эту самую «жизнь» именно с той точки, которая соответствует «прямоугольнику» на плане 1786 года.

С 1866 по 1899 годы Михайловское было подвергнуто перестройке, осуществленной сыном поэта Г. А. Пушкиным. В соответствии с наклонностями и вкусами нового хозяина усадьба приобрела облик экономической мызы: им были построены ледник, льнохранилище, бойня, а на месте упомянутой площадки появился курятник⁴⁶.

⁴⁴ Приютино. Антология русской усадьбы. С. 39.

⁴⁵ Левин Н. Ф. Псковичи – во славу Пушкина. Псков, 2008. (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 46). С. 52—53.

⁴⁶ См.: РГИА (Российский Государственный исторический архив) ф. 593, оп. 17, д. 208.

В послевоенное время директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, живший в Михайловском и изучивший все явные и потаенные уголки пушкинской усадьбы, обнаружил самую лучшую видовую точку, совпавшую и с планом 1786 года, и с местом, откуда землемер Иванов запечатлел усадьбу поэта: «На околице Михайловского, почти возле калитки, ведущей к усадьбе поэта, стоит старая-престарая сосна. Вероятно, это самое древнее дерево в здешних рощах. Она стояла здесь тогда, когда и Михайловского-то еще не было и ничего вообще не было. Не было ни Ганнибалов, ни Пушкиных... Ей, почитай, лет триста, а может, и больше. Стоит старая сосна, как маяк на берегу взморья. От нее все хорошо видно – окрестные поля, озера, холмы, нивы, деревни, и все идущие по дорожке обязательно останавливаются перед нею, и она своим «знакомым шумом» их приветствует»⁴⁷. В своем восторженном панегирике «старой сосне» автор использует цитату из пушкинской элегии «...Вновь я посетил...». Однако куда более существенную связь между возвышенностью «на околице» и пушкинской элегией уловил лесовод Пушкинского заповедника Кузьма Васильевич Афанасьев. В январе 1940 года в газете «Пушкинский колхозник» он опубликовал «Очерк посетившего Михайловское», в котором оспорил сложившееся к тому времени мнение о том, что пушкинский «холм лесистый» расположен неподалеку от Савкиной горки: «Пошел я в с. Вороницы, до которого было 2,5 километра. Дорога шла мимо лесистого холма, мимо знаменитых трех сосен. Лесистый холм находится рядом с усадьбой. На нем еще растут сосны в возрасте 200 лет. Называют лесистым холмом другой холм за оз. Маленец, но тот холм не принадлежал Пушкиным, среди местного населения он называется «Скудельня», на нем хоронили в старину людей, умерших неестественной смертью. Да и стихи у Пушкина указывают, что лесистый холм, на котором он часто сиживал, был рядом с усадьбой:

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей...
Вот холм лесистый...

---

⁴⁷ Гейченко С. С. Пушкин в Михайловском. М., 2007. С. 185.

И домик, и холм сближены частицей «вот». Да и гнездо аиста доказывает, что предки ныне живущего аиста гнездились при жизни Пушкина на этом холму»⁴⁸.

Весьма разумные наблюдения, высказанные Афанасьевым по поводу одной из «реалий» Михайловского, заслуживают отдельного рассмотрения с учетом всего корпуса рукописей пушкинской элегии «...Вновь я посетил...».

Пушкинская элегия была написана осенью 1835 года. После смерти поэта В. А. Жуковский обнаружил это стихотворение в черновиках автора. Василий Андреевич «домыслил» за Пушкина начало первой строки: «Опять на родине!...». Опять-таки за Пушкина свою, придуманную, строку «соавтор» вынес в название всего произведения. В таком виде оно впервые было опубликовано в 1837 году в пятом томе журнала «Современник»⁴⁹. Странно, но близкий друг погибшего поэта то ли не знал, то ли не хотел знать, что родился А. С. Пушкин не в Михайловском, а в Москве. Следовательно, под «родиной» подразумевается родовое имение матери поэта, в котором Пушкин отбывал ссылку в 1824–1826 годах.

Кроме того, закрепившееся и по сей день бытующее определение элегии как литературного путеводителя по Михайловскому страдает рядом изъянов. Наблюдения над текстом приводят к выводу о том, что реалии Михайловского на начальной стадии работы мало интересовали поэт. Тот текст белого варианта, который принято печатать в сборниках стихотворений поэта, сложился в какой-то степени случайно и стал результатом изменившейся по ходу работы концепции произведения.

В элегии наряду с первым, «программным», многоточием «...Вновь я посетил», присутствует еще два эпизода недосказанности. Первый: между воспоминаниями об «иных берегах, иных волнах» и описанием озера. Второй: между поэтическим изображением «состарившейся» к 1835 году ветряной мельницы и указанием на место, «Где в гору подымается дорога». Обратимся к первому отрывку:

---

⁴⁸ Афанасьев К. В. Очерк посетившего Михайловское // Пушкинский колхозник. 16 января 1940 г.

⁴⁹ Современник. Санкт-Петербург, 1837. Т. V. С. 320.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно синее стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогой невод <...> (III, 399)

Этот фрагмент перебеленного текста представлен в черновиках поэта в трех версиях. Во всех упоминается некое место в окрестностях Михайловского под названием «холм лесистый», где поэт «сиживал», «глядел», «вспоминал»... Возникающий у поэта комплекс ощущений связан с возвышенностью, откуда открывался поэтический вид на реальное озеро, провоцирующий череду воспоминаний и историко-культурных ассоциаций автора. О том, что некий холм в Михайловском стал для поэта удобной смотровой площадкой, понятно по содержанию перебеленного варианта элегии. О том, каким образом обыкновенная возвышенность превратилась в особое место – «тот холм» в значении «тот самый, особый, памятный», свидетельствуют черновики.

Пушкинская элегия давно признана эталоном в русской поэзии: «Это очень точное последовательное описание того, что открывалось взору поэта, когда пешком или верхом отправлялся он из Михайловского к своим тригорским друзьям любимой дорогой вдоль озера, по опушке Михайловских рощ. Пейзаж, такой знакомый нам по "Деревне". Но здесь поэт-реалист находит слова еще более точные и конкретные, совсем обыденные, прозаически простые, и в то же время не менее выразительные и эмоциональные...»⁵⁰. Однако, при безусловной выразительности и отточенности пушкинских фраз и образов, в тексте встречается несколько авторских определений, вызывающих недоумение. Первое относится к выбору эпитета, характеризующего цвет водной поверхности озера:

⁵⁰ Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 327.

Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно синее стелется широко... (III, 399)

Определение «синий» не совсем точно характеризует реальный цвет осенней поверхности озера, а также не вписывается в ряд соотносимых с ней традиционных эпитетов, принятых в поэзии пушкинского времени. Стихотворение было создано в период между 21 и 26 сентября 1835 года⁵¹. О том, какой в это время была погода в Михайловском, свидетельствует письмо поэта к жене от 21 сентября: «...Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду» (XVI, 49). Заметить синеву в обложенном серыми тучами осеннем псковском небе весьма затруднительно. Поскольку водная поверхность обладает отражательной способностью и является, по сути, зеркалом, передающим цвета и оттенки небесного свечения, можно предположить, что и озерная поверхность в это время имела вовсе не «синий», а «пасмурный», сероватый оттенок. Ранее, в 1824 году, в октябрьском письме В. Ф. Вяземской встречается более развернутый «авторский» пассаж, в том же цветовом ключе характеризующий небесную и, как следствие, отражающую ее водную поверхность: «Все, что напоминает мне море, наводит на меня грусть – журчание ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова – думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства; но, слава <богу>, небо у нас сивое, луна точно репка» (XIII, 114). В том же письме присутствует еще одна, на этот раз звуковая составляющая, отличающая юг от севера. «Журчание» ручья, становится для автора карикатурным напоминанием о морском прибое, совсем не характерном для северных озер, рек и ручьев.

В декабре 1824 года в письме Д. М. Шварцу поэт подводит неутешительный итог произошедших в его жизни перемен: «... Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне – скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы...» (XIII, 404) Иначе: итальянскую оперу заменили песни местных крестьян, голубое и ясное небо – «сивый» и пас-

---

⁵¹ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 4. Сост. М.А. Цявловский, Н. А. Тархова. М, 1999. С. 344—345.

мурный небосвод, величественную стихию моря – «домашний» ручей и озеро, серое и смиренное.

В произведениях Пушкина эпитеты, характеризующие цвет и состояние поверхности озера, встречаются редко. В юношеском стихотворении «Сон», передающем пейзаж Царского Села, водная стихия озера тиха и безмятежна: «Златых озер недвижно дремлют волны» (I, 145). Появление следующего «озерного» эпитета связано с поездкой в Михайловское летом 1819 года. В период с 15 по 31 июля здесь было написано стихотворение «Деревня». Наряду с целым рядом шаблонных образов и описаний, в тексте присутствует то, что с большой долей вероятности может быть отнесено к реальным отражениям действительности. Причем, что представляется важным, в определенный период времени. Июль в Пушкиногорье – пик лета. Поэтому экскурсионное цитирование фразы «Здесь вижу двух озер лазурные равнины» воспринимается как весьма точное изображение окрестностей Михайловского. Озер, действительно, два: Маленец и Кучане. А вода, особенно в Кучане, имеет мягкий лазоревый оттенок. Но только летом! В октябре цветовая палитра озера совсем иная: вполне соответствующая пушкинскому восприятию окружающей действительности в первые месяцы ссылки.

Лазоревый цвет близок к синему. Соответственно, уместной представляется гипотеза относительно авторских реминисценций в элегии, обращенных к впечатлениям и к тексту произведения, созданного в 1819 году. Действительно, поэт снова оказывается в «деревне» под названием сельцо Михайловское, перед ним расстилаются «равнины» все тех же двух озер. Но время создания элегии – не лето, а поздняя осень. Кроме того, автор точно определяет тот хронологический период жизни, к которому обращены его воспоминания: «два года», проведенных в ссылке. Точнее, первое время жизни в Михайловском в качестве ссылочного невольника. А это тот период его жизни, когда озеро, если верить запечатленным в письмах ощущениям поэта, было серым и «сивым». Напротив, эпитет «синий» устойчиво повторяется в произведениях Пушкина по отношению к морю. Например, в ученическом стихотворении «Наполеон на Эльбе», произведени-

ях, созданных в период южной ссылки: «Погасло дневное светило...», «Земля и море», «Узник», «Кто видел край, где роскошью природы...». В то же время известные строки из стихотворения «К морю» «Ты катишь волны голубые» (II, 295) были написаны уже далеко и от моря, и от шумного приморского города, в «глухом» Михайловском.

Кроме цветового эпитета к числу все тех же «странностей», встречающихся в пушкинском тексте элегии, можно отнести выражение «Через его неведомые воды». Очевидно, что определение «неведомые» появилось в пушкинском тексте вследствие воспоминаний о море. Цвет воды осеннего озера и «чуждое» для обыкновенного псковского водоема, состояние, нарушают цельную и узнаваемую читателем картину Михайловского, избраженную в элегии. Присутствие в известном читателю тексте отмеченных выше «странностей» связано с ходом формирования идеи и сюжета произведения, который поначалу был несколько иным. «Атавизмы» первоначального замысла, появляющиеся в перебеленной рукописи, и есть те шероховатости, которые при последующей обработке текста, возможно, были бы отредактированы и изъяты автором. Концепция начального замысла элегии принципиально отличалась от известной нам окончательной редакции. В перебеленном варианте воспоминания о том, о чем поэт вспоминал в 1824 году, носят абстрактный и общий характер: «Иные берега, иные волны...». Только биографические сведения о том, что поэт приехал в Михайловское из города Одессы, расположенном на берегу Черного моря, позволяют понять о каких берегах, и о каких волнах он вспоминал. В черновом варианте от отправной хронологической точки воспоминаний: «Вот десять лет ушло с тех пор» – автор переходит к описанию места, где им владели эти самые воспоминания:

...А кажется вчера еще бродил
Я в этих рощах, и сидел недвижим –
На том холме – на озеро взирая
(и поминал полуденное море)... (III, 997)

На первом этапе работы над текстом элегии и «озеро», и «море» являются всего лишь фоном авторских размышлений

и нравственных переживаний, связанных с вынужденным возвращением в Михайловское в августе 1824 года. В определенном «полуденном море» в этот момент автору важны не оттенки морской стихии, а географическая привязка к месту событий, происходивших в «полуденном крае». Слово «полуденный» в пушкинской лексике преимущественно соотносится с Крымом, Причерноморьем. В качестве такого «верстового» «полуденного» столба могли оказаться и другие объекты южной природы и южного ландшафта: «берег», «природа», «горы» (См.: XVII, 437–439). В следующем черновом отрывке поэт уточняет и детализирует экспозицию того места, где им овладевают воспоминания:

На том холме – над озером широким...

Вот ветхий домик –

Где жил я, с моею бедной няней ... (III, 997).

Теперь это не только «холм» и «озеро», но еще и «ветхий домик». Тот самый «домик», в котором в годы ссылки, вместе с поэтом, жила его няня Арина Родионовна, «единственная подруга» и единственный свидетель его переживаний. Воспоминания об ушедшей из жизни няне складывается из деталей, характерных именно для ее образа жизни. Например, сравнение манеры повествования со звуками окружающей природы:

...Как шум привычный и однообразный

Любимого ручья... (III, 998)

В вариантах второй строки присутствуют также такие определения как «домашней речки», «знакомого ручья». Таким образом, в стихотворение исподволь, через метафору, проникает то, что принято называть «местным колоритом». Именно на этом этапе работы в воспоминания 1835 года о воспоминаниях 1824 года, связанных с жизнью в «полуденном крае» входят, быть может, случайно, воспоминания о деталях жизни в этом году в Михайловском. В русле этой тенденции детализируется описание местного озера. Теперь оно, озеро, становится «широким». Определение «над озером широким» точно отражает местную, визуально осязаемую специфику озера Кучане. Оно, действительно кажется большим и широким на фоне многих других озер, а, в

особенности, находящегося рядом озерца с говорящим названием «Маленец». В стихотворении «Деревня» 1819 года оба эти озера еще безымянны: «Двух озер лазурные равнины». В элегии необходимость локализации места воспоминаний провоцирует необходимость их уточнения и дифференциации. Поскольку автор пишет об «озере под холмом», рядом с домом, очевидно, что здесь подразумевается озеро Кучане. Авторское определение «широкое» озеро, по сути, проводит смысловой разграничительный «водораздел» между широким, большим озером Кучане и малым – Маленцем. Таков же, кстати, принцип официального топонимического обозначения соседствующих друг с другом разновеликих озер «Большой Иван» и «Малый Иван», находящихся в Невельском районе Псковской области. Специфика топонимического разграничения объектов на основе их величины будет сохранена в перебеленном, слегка измененном, но принципиально отличающемся, окончательном варианте: «Оно синяя стелется широко».

Далее, в черновике, работа над текстом продолжается. Поэт вспоминает: о «мнимой дружбе», «грустных заблужденьях», «клевете язвительной» (III, 999). Эта тема будет развита в отдельном черновом отрывке, но в окончательный текст не войдет. Возможно, поэт, вполне по-христиански, вспомнил о необходимости прощения врагов и обидчиков или же вспомнил свои же строки из дружеского послания 1825 года: «Что пройдет, то будет мило» (II, 365). Вектор воспоминаний о житейских передрягах и обидах заходит в тупик, а воспоминания о юге переходят в иную плоскость. Исповедь о чувствах и страданиях, связанных с утратой южного «рая», заменяется попыткой сближения «южной» и «северной» ссылок, слава Богу, давно завершившихся. Эта мысль гения вполне понятна рядовому читателю: ссылка на север не многим лучше ссылки на юг, так как в обоих случаях осуществляется насилие власти над творцом. В русле этой новой концепции в тексте намечается сближение и поиск общности в единой, по сути, природе. Тем более, что путь сближения южной и северной водных стихий ранее был уже опробован автором в черновом варианте стихотворения «К морю»:

Ты тих как сельская река
И бедный парус рыбаля
Твоею прихотью хранимый
Скользит поверх твоих зыбей
Но ты выиграл – неодолимый
И тонет стая кораблей (II, 795).

Третий черновой отрывок выглядит следующим образом:

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал печально [и] глядел
На озеро вспоминая с грустью
Иные берега иные волны....
[Оно] меж нив и пажитей зеленых
Синея [стелется] (III, 999 – 1000).

Упоминание о «полуденном море» исчезает. Вместо него появляется почти универсальный для всех водных поверхностей образ – «Иные берега, иные волны...», слегка, через упоминание о характерных, в первую очередь, для моря волнах, напоминающий о первоначальном плане. Параллельно автор осуществляет поиск таких черт и свойств у изначально безликого и безымянного озера, которые сблизили бы его с морем. И, судя по количеству вариантов к пятой строке отрывка, это дается ему нелегко: «Оно синеет в»; «Синеет в и»; [Оно] меж нив смиренных и: «[Оно] синеет между нив смиренных»; «[Оно] меж нив и пажитей [смиренных] раздольных».

Местоимение «оно», учитывая особенности хода работы над текстом элегии, несет в себе элемент двусмысленности: «оно» – это и псковское озеро, и «полуденное море». То есть, «оно» – это авторский вариант видения псковского озера сквозь призму воспоминаний о полуденном море. Глагол «синеет» становится «морским» вкраплением в осенний цветовой колорит озера. При этом поэт, вспомнив, возможно, стихотворение «Деревня», фиксирует не реальный осенний цвет озера, а возможность его появления в другое, летнее время года. Затем Пушкин «вставляет» озеро, похожее на море, в контур берегов: «меж нив и пажитей». Но этот вариант явно противоречит поставленной задаче: найти нечто общее. Море – неведомое именно потому, что оно безбрежное.

Далее, в работе над шестой строкой автор осуществляет попытку найти нечто общее между морскими просторами и озером, ставшим «широким» в результате противопоставления находящемуся по соседству малому озеру. Сравнение оказывается неудачным и не оправдывает заявленной ранее «морской» широты озера. Тогда поэт подыскивает стилистическое «оправдание» озерной широте – «синяя стелется в разливе». Но и это компромиссное решение представляется не совсем точным, поскольку разливы, как правило, случаются в данной местности не осенью, а весной. По-видимому, по созвучию со словом «разлив» далее появляется строка «синяя стелется; залив смиренный».

Слово «залив», в значении вдавшейся в сушу морской воды, предопределяет появление следующего определения: «лиман смиренный». Далее появляются варианты, в которых автор снова пытается обнаружить связь между озерной и морской стихиями: «через смиренно не плывут», «синяя стелется волнь». И, наконец, появляется абсолютно неадекватный вариант описания озера, отражающий логику пушкинских сравнений, но приводящий автора к мысли о стилистической несопоставимости озера и моря: «смирненную пучину». На этом безуспешные попытки найти связующую нить завершаются. Убедившись, что найти «общее» невозможно, поэт стремительно и содержательно «разобщает» две природные стихии, обнаруживая те приметы, которые отличают озеро от моря:

Ни тяжкие суда торговли алчной
Ни корабли, носители громов –
<Его> кормой не рассекают вод
У берегов его не видит путник
Ни гавани кипящей, ни скалы –
Венчанной башнями – оно синее
[Меж нив золотых и пажитей см <иренных>]
Через его <неведомые> воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод – по берегам смиренным
Разбросаны лачуги... (III, 1000)

В результате вынужденного стилистического «отчуждения» складывается специфический «домашний портрет» псковского озера Кучане. В то же время, в результате поляризации двух объектов, данный отрывок по праву может считаться еще одним замечательным пушкинским поэтическим описанием моря. Более того, вариант, в котором появляется слово «лиман» позволяет сделать предположение о более узкой, нежели просто морской, географической соотнесенности данного описания. Слово «лиман» в пушкинское время означало «широкое устье реки, впадающей в море; морской залив, в который вышла река»⁵².

Лиманы были и есть в Причерноморье, но известные нам описания не позволяют соотнести реальную картину этой местности с пушкинским образом скалы, «венчанной башнями». Морской берег от Одессы до Крыма может быть высоким, но он и в позапрошлом веке, и в нынешнем был и есть песчаный. Кроме того, в черновиках элегии слово «лиман» автор впервые пишет с маленькой буквы. Поэтому представляется возможным рассмотреть еще один вероятный адрес пушкинского морского пейзажа в черновиках элегии («...Вновь я посетил...»). Он связан еще с одним, не упомянутым в словаре В. И. Даля значением слова лиман. Это значение фиксирует «Этимологический словарь» М. Фасмера: «Лиман – род. п. -а «широкое устье реки, морской залив», южн., донск.; укр. лиман – то же. Через тур., крым.-тат., кыпч. *liman* гавань»⁵³. В крымско-татарский язык слово *liman* проникло из греческого, в котором обозначало и обозначает «гавань», «бухту», «пристань». Во время греческой колонизации названия новых городов на побережье Черного моря зачастую складывались из двух слов. Первое – качественное определение места, второе – его местонахождение. Так, например, современный город Черноморск ранее носил название «Калос Лимени» («прекрасная гавань»), а местность неподалеку от Херсонеса в «Географии» Страбона⁵⁴ обо-

⁵² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1979. С. 252.

⁵³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1986. С. 497.

⁵⁴ Известно, что в период «южной» ссылки Пушкин читал произведения Страбона. См. в кн.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 303—304.

значена Символон Лимен («гавань предзнаменований»). Любую бухту, гавань или пристань греки называли «лиманом». Это слово вошло в речевой обиход «сухопутных» татар, переселившихся из Азии на Крымский полуостров. В этом, греческом, значении слово «лиман» Пушкин мог слышать из уст местного населения во время своего путешествия по Крыму. Позднее, в 1833 году, поэт приступил к переводу «Одиссеи» Гомера. По-видимому, источником для него послужила книга, изданная в Глазго Андреем и Яковом Дункан в 1819 году. «Книга находилась в библиотеке поэта. Пушкин сделал перевод первых шести стихов первой песни "Одиссеи"» (См.: XVII, 89–90). Данный факт не исключает возможности более детального знакомства поэта с произведением, в котором, в частности, присутствует описание местности, впоследствии получившей название Крым.

Если принять гипотезу о «крымском» происхождении «морских» эпитетов в черновиках элегии, все становится на свои места. В произведениях поэта, посвященных Крыму и крымскому побережью, легко найти близкие по стилистике и содержанию описания. Например, изображение Гурзуфа в стихотворении 1821 года «Кто видел край, где роскошью природы...»:

Когда луна сияет над заливом,
Пойду бродить на берегу морском
И созерцать в забвеньи горделивом
Развалины, поникшие челом.
Старик Сатурн в полете молчаливом
Снедает их...
И волны бьют вокруг валов обгорелых
Вкруг ветхих стен и башен опустелых (II, 615).

Пушкинская элегия «...Вновь я посетил...» является произведением, рождавшимся на основе сложного, а порой противоречивого переплетения смыслов, возникавших на основе разновременных авторских воспоминаний. Как следствие в публикуемом ныне варианте произведения присутствуют не отредактированные автором «следы» работы над текстом в виде не характерных для местного ландшафта эпитетов и определений. Это обстоя-

тельство необходимо учитывать в процессе филологического восприятия пушкинского произведения.

В произведении удивительным образом сближаются идеологические постулаты русской усадебной культуры с полетом творческой фантазии гения. «Холм лесистый» через литературный посыл обретает контуры некоего места, с высот которого возможно не только любоваться окрестностями, но и погружаться в иллюзорное бытие «иных берегов». В элегии этими «берегами» становится полуостров Крым, в прошлом – часть античного мира. Того далекого мира, в городах которого некогда строились храмы Аполлона и процветал культ муз, красоты и поэзии.

Но возникает еще один вопрос. С 1837 года широкому читателю известен вариант «над холмом лесистым». В то же время, в черновых вариантах и даже в начале перебеленного текста встречается определение «холм лесистый». В музейной практике возобладал именно этот, не канонический, вариант. Совсем не потому, что он оказался более точным по отношению к топографии Михайловского, а вследствие большего удобства в цитировании во время показа «пушкинской» реалии.

Текст рукописи дает все основания предполагать, что в элегии речь идет о двух возвышенностях, находящихся неподалеку от «опального домика», в котором жил А. С. Пушкин. Первым «холмом», находившемся «у озера», мог стать любой холмик или скат крутого обрыва, спускающегося к устью реки и озеру. Эта видовая точка напоминает ту, что находилась в Тригорском. Подобные отдельные «лесистые возвышенности» в районе дома зафиксированы на литографии П. А. Александрова по рисунку А. Иванова. «Над» этим холмом должен, по логике, находиться другой, «верхний», холм, с которого виден и «тот холм», и озеро, и «Три сосны». Таким местом и могла стать та самая площадка, которая обозначена в плане 1786 года, и которая, хотя и в иных интерпретациях, но на протяжении длительного времени привлекала особое внимание художников, писателей и сотрудников Пушкинского заповедника. Авторский выбор в пользу последнего варианта «над холмом» стал, на наш взгляд, следствием работы над текстом элегии. Воспоминания о юге происходили на «том

холме», воспоминания о воспоминаниях, трансформировавшиеся в итоговое произведение о Михайловском, снизили уникальность и статус «того холма» и перевели его в разряд деталей ссылочной жизни. В 1835 году поэт с высоты лет и своего опыта смотрит на прошедшее. Соответственно этой логике автор элегии выбирает предлог «над», сочетающий в себе два смысловых слоя. Первый – хронологический, отражающий протяженность и этапы работы над элегией, а также итоговую субъективную отстраненность поэта от минувших треволнений прожитой жизни. Второй слой появляется через «топографическое» соответствие на местности идее автора, в форме парковой видовой площадки, обеспечивающей максимально полный обзор окрестностей Михайловского.

Если оценивать внутреннюю литературную топографию произведения с позиций садово-паркового искусства, то оказывается, что «нижний» холм, на котором автор «вспоминал» и «грустил» и где некоторое сходство «очевидного» местного ландшафта с иным, далеким и утраченным «раем», порождало в нем гамму чувств, соответствует общей парковой семантике XVIII – XIX веков: «В размышлениях, к которым призывали романтические парки, как и предшествующие сады Барокко и Классицизма, главным оказывались не конечные выводы этих размышлений, а самый процесс размышлений, сопутствуемый меланхолией и унынием»⁵⁵. «Верхний», а в данном усадебном и литературном пространстве, «высший» холм, скорее, напоминает парковый «Парнас»⁵⁶, место, откуда уже не изгнанник, а Поэт, создавший в элегии художественную оболочку окружающей его действительности, созерцает плоды своего «божественного глагола».

В 1994 году в Пушкинском Заповеднике состоялась научная конференция «Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков». В своем докладе председатель Общества изучения русской усадьбы Л. В. Иванова отметила: «Первая усадебная конференция в Пушкиногорье – знаменательное событие. На ее опыте

⁵⁵ Лихачев Д. С. Поэзия садов. С.210.

⁵⁶ «Парнас» — насыпной холм в парке с видовой дорожкой и площадкой на вершине, открытой на окружающую местность, символическое обиталище Аполлона и муз». См.: Сокольская О. Б. История садово-паркового искусства. М., 2004. С. 324.

видно, какие плодотворные результаты дает объединение усилий специалистов различных регионов России, как выявляются при этом общие и особенные черты в жизни усадеб. На этом фоне особенно зримо была показана научная значимость изучения истории усадеб и культуры Псковского края, а также собственно пушкинской тематики. А. С. Пушкин был подлинным певцом и исследователем русской усадьбы. Достаточно обратиться только к роману "Евгений Онегин", чтобы почувствовать это, понять, как широко и образно освещал поэт жизнь и быт усадьбы. Секрет русской усадьбы, ее феномен еще до конца не познан»⁵⁷. Думается, что эти слова не потеряли своей актуальности по сей день.

---

⁵⁷ Иванова Л. В. О воссоздании Общества изучения русской усадьбы и проблемах исследования усадьбы // Усадьба в русской культуре XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 10.

Дом-музей А.С. Пушкина в с. Михайловском: эволюция усадебного образа

...деревня же наш кабинет.

А. С. Пушкин

В альманахе «Северные цветы» на 1828 год (вышел в свет 22 декабря 1827 года) были напечатаны пушкинские «Отрывки из писем, мысли и замечания». Среди них и такое: «М<осква девичья>, а П<етербург> прихожая» (XI, 57)¹. Позже, в неоконченном «Романе в письмах» (название принадлежит издателю, время написания – осень 1829 года), Пушкин разовьет эту формулу, вложив, несомненно, собственные заветные мысли в уста своего героя Владимира: «Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру. Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете» (VIII, 1, 52). Весьма выразителен промежуточный черновой вариант стр. 33: «наш кабинет. Порядочный человек должен его любить» (VIII, 2, 571. Курсив наш. – И. П.).

В отличие от героя «Романа в письмах», твердо постановившего для себя выйти в отставку, жениться и уехать в свою саратовскую деревню, чтобы вести жизнь помещика, заботясь о благосостоянии крестьян, Пушкин в 1930-е годы стремился к подобному положению, прежде всего, ради обретения человеческой и творческой независимости от власть предержащих. Пушкинская мечта об отставке и жизни в деревне, как мы знаем, не осуществилась. Но совершенно очевидно, что формула «деревня же наш кабинет» и стоящая за ней убежденность в благотворности уединения для человека мыслящего сформировались у него

---

¹ Здесь и далее ссылки даются на изд.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т I–XVII. М.; Л., 1937–1959., с указанием тома – римскими цифрами, а страницы – арабскими.

вследствие глубоко осознанного и прочно усвоенного опыта Михайловского изгнания.

Музейная история сельца Михайловского, ставшего знаменитым благодаря роли этого пушкинского «уголка земли» в судьбе и творческой биографии российского гения, насчитывает более столетия. Первый музей, связанный с памятью о поэте, открылся как главный дом Колонии им. А. С. Пушкина (благотворительного учреждения, организованного силами псковского дворянства) 26 мая 1911 года. Впрочем, собственно музеем была лишь одна из 7-ми комнат постройки, возобновленной архитектором В. А. Щуко на месте господского дома, где жил последний владелец Михайловского, младший сын поэта Г. А. Пушкин. И неслучайно этой комнатой стал «Кабинет поэта». Вот как описывает ситуацию того времени опочецкий краевед Л. И. Софийский:

«В комнате главного дома, идущей из балконной направо, устроена библиотека-читальня, а налево от балконной – кабинет-музей; при самом входе налево комната-бильярд; за библиотекой на сторону фасада находятся еще две комнаты. Мягкая мебель, поставленная в балконной комнате, совершенно новая, она сделана по образцам мебели, сохранившейся от времен Пушкина в селе Тригорском; в кабинете-музее поставлена мебель красного дерева эпохи Пушкина, собранная из разных мест и от разных лиц, заново лишь отремонтированная. В этом музее на стене висят два портрета: А. С. Пушкина и гр. Л. Н. Толстого; портрет Толстого с автографом пожертвован в колонию графом еще при жизни: на письменном столе лежит книга, в которую посетители Михайловского могут заносить свои имена»².

Эта беспристрастная характеристика первого музея разительно отличается от возмущенного и даже саркастического отзыва, принадлежащего современнице Л. И. Софийского, журналистке М. Новиковой (Гаррис), посетившей пушкинские места дважды – в 1911 и в 1914 гг. В своем очерке она писала об одиночестве Пушкинского уголка³, заброшенности усадьбы, полнейшей оторванно-

² Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.): Репринтное издание. Вст. ст. Н. Ф. Левина. Псков, 2004. С. 215.

³ Гаррис. Уголок Пушкина. М.; Пгр., 1923. С. 53.

сти здешней жизни от мира⁴. Неодобрительно высказалась она и о чрезмерном «благоустройстве» уголка, разрушающем привычный образ усадьбы «с калиткой ветхою, с обрушенным забором»⁵. Дом, по ее словам, выглядел «казенной постройкой»⁶, не имеющей ничего общего с Домом Поэта. Иллюзию подлинности создавали только белые колонны да выгодное положение усадьбы на высоком берегу Сороти в окружении зелени. При входе в музей мгновенно возникал диссонанс с привычным для читателя Пушкина образом скромного и печального жилища опального поэта:

«Большие светлые комнаты, ослепительно выбеленные стены и симметрично расставленная мебель точно сейчас из магазина или от столяра. <...> вся обстановка дома-музея представляла собой поддельную старину и вся она была сделана по образцам мебели Тригорского. Получилось нечто ужасное – м а л и н о в о г о ц е т а (здесь и далее разрядка Гаррис. – И. П.) красное дерево, яркие обивки и пр. Весь этот нелепый инвентарь нелепо был расставлен по нескольким комнатам. Сноснее других выглядела гостиная, хотя блеск стен, полов и самой мебели и в ней резал глаза, но другие комнаты были уже совсем плохи»⁷.

Так же критически отзываясь она о новоделном биллиарде, о венских стульях и дубовых стенных часах стиля «модерн», попавших в музей, «потому что их кто-то сюда п о ж е р т в о в а л»⁸... Апогея ее возмущение достигает при входе в кабинет поэта:

«Самой ужасной пародией была комната, которая изображала кабинет Пушкина. Представьте: большой дубовый письменный стол с красным сукном самого новейшего образца, диван и кресла «под старину» и несколько стульев. Комната большая, мебель в ней теряется, и она кажется почти пустой – типичный кабинет конторы средней руки. На стене несколько фотографий Пушкинского уголка, а над самым письменным столом, рядом с портретом Пушкина, портрет... ни более, ни менее Льва Толстого. В «кабинете Пушкина» никого из его современников и друзей,

---

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Там же.

никого из родных – только один Толстой, не признававший и не понимавший Пушкина. У меня невольно мелькнула мысль: глупость это или насмешка? Но мне объяснили, что он одного происхождения с часами – он был тоже п о ж е р т в о в а н в музей Пушкина»⁹.

Сокрушенный взгляд московской журналистки вполне разделял местный краевед Ф. А. Васильев-Ушкуйник:

«Пушкинского осталось очень немного: бильярд с 2 шарами и 2 киями, карета, несколько картин, маска поэта с сомнительной копии и гипсовый бюст поэта. Просвещенные дворяне меблировали дом мебелью с базара и работы местных кустарей и сделали из «Музея Пушкина» место приятных прогулок, веселого препровождения времени с дамами сердца, сытых обедов и чаепитий под звуки граммофона. Издевательство над памятью поэта дошло до того, что в музее был поставлен бильярд, выпиленный из Пскова, чтобы святогорские купчики с коммерческими дворянами могли позабавиться на том месте, где жил и творил бессмертные произведения великий поэт. Бильярд же поэта в разобранном виде валялся в сарае, куда и направляли удивленных экскурсантов»¹⁰.

Если вернуться к первой так называемой «экспозиции», то она, безусловно, не выдерживала никакой критики как поспешная, непрофессиональная и во многом формальная акция. Но главной бедою тогдашнего «музея» было его вопиющее несоответствие мемориальной природе, то есть прямое нарушение основного принципа устройства усадебной жизни, противопоставление искусственного, придуманного – подлинному. «Из «музея» спешишь скорее уйти к природе, которая осталась неискаженной. Стоит только отойти в сторону от разукрашенной усадьбы, как «минувшее объемлет живо»»¹¹.

Маленькая книжечка Гаррис, давно ставшая библиографической редкостью, сослужила, вместе с другими документальными, мемуарными, художественными источниками, важную

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Васильев-Ушкуйник Ф. А. Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 47–48.

¹¹ Гаррис. Уголок Пушкина. С. 108.

службу тогда, когда настало время организации мемориального пушкинского кабинета и, позже, создания локальной литературно-мемориальной экспозиции в Доме-музее А. С. Пушкина в Михайловском, когда музейная экспозиция не мыслилась вне связи с окружающей природой.

В феврале 1918 года музей в Михайловском подвергся разграблению и уничтожению наряду с живыми окрестными именами Тригорское, Петровское, Дериглазово, Голубово и другими, принадлежавшими потомкам родственников, друзей и знакомых А. С. Пушкина.

С 17 марта 1922 года начинается история Государственного Пушкинского Заповедника. Первым значительным юбилейным событием, повлиявшем на дальнейшую судьбу «Пушкинского уголка» (такое название Заповедник носил вплоть до Великой Отечественной войны), стало 100-летие михайловской ссылки, отмеченное в Михайловском осенью 1924 года. Там же и тогда же зародилась идея создания Общества друзей Пушкинского Заповедника. Окончательное его оформление произошло в 1926 году. В отчете Правления о положении дел в Заповеднике (30 октября 1926), в частности, говорилось:

«Отсутствие на месте, в Михайловском, Пушкинского музея или хотя бы временной Пушкинской выставки являлось значительным пробелом в культурно-экскурсионной работе Заповедника, а поэтому еще в июне месяце Правление вошло с предложением в Пушкинский Дом об организации в Михайловском силами Общества Пушкинской выставки в плане выставки 1924 г. на тему «Пушкин в Михайловском». Поддержанное Пушкинским Домом, Правление не могло немедленно приступить к развертыванию выставки из-за задержки с ремонтом помещений в Михайловском, но как только в сентябре месяце получило извещение об окончании ремонта, немедленно командировало туда двух своих членов, В. М. Федорова и Т. Н. Черепнину, для организации выставки <...>».

Выставка остается развернутой и на зиму в двух комнатах дома, предназначенного под музей»¹².

¹² Отчет правления Общества друзей Пушкинского Заповедника о деятельности Общества за 1926–1927 гг. Л.: Издание Общества друзей Пушкинского Заповедника. 1928. С.4.

Дом этот – один из двух флигелей, построенных в 1911 году для Колонии престарелых литераторов.

Позже экспозиция расширилась и занимала уже 5 комнат, о чем писал в путеводителе А. Гладкий:

«Михайловское является сейчас благоустроенным культурным уголком, где все говорит о Пушкине и насыщено воспоминаниями о нем. Производит прекрасное впечатление Пушкинский музей, <...> в котором имеются обстановка пушкинской эпохи, некоторые реликвии, а также портреты родных, друзей-декабристов и знакомых поэта, картины и иллюстрации, рисующие жизнь и творчество Пушкина михайловского периода, и, наконец, рисунки, относящиеся к кончине поэта. <...> Кроме изобразительного материала, в музее имеются папки текстов писем и других документов, подобранных по темам: «история Михайловского»; «Пушкин о с. Михайловском и о своей ссылке»; «причины ссылки Пушкина»; «Пушкин и декабристы»; «Пушкин под тайным надзором»; «переписка Пушкина за время ссылки» и др. При музее достаточно хорошая библиотека-читальня «Пушкиниана» (она содержит до 1100 томов)»¹³.

Очевидна подчеркнута просветительская функция тогдашнего монографического литературного музея, которая поддерживалась и развивалась на протяжении последующих десятилетий. В первой комнате шел рассказ о родословной Пушкина, лицейских годах и ссылке на юг. Вторая комната была целиком посвящена михайловской ссылке. Третья – отношениям Пушкина и декабристов и творчеству 30-х годов. В четвертой речь шла о женитьбе, дуэли и смерти Пушкина, его похоронах в Святогорском монастыре. Наконец, в пятой был воссоздан бытовой интерьер с обстановкой из Малинников и вещами из Тригорского¹⁴. Этот раздел, видимо, и следует считать предтечей будущего литературно-мемориального усадебного музея.

С 1933 по 1953 гг. Заповедник находился в ведении Академии Наук СССР. По мере накопления материала, чему в немалой степени способствовал Музей ИРЛИ (Пушкинский Дом), экспо-

¹³ Гладкий А. По пушкинским местам. М.; Л., 1930. С.26.

¹⁴ Ломан О. По Пушкинским местам. Калинин, 1937. С. 24– 26.

зиция менялась и одновременно уплотнялась. 18 января 1933 года в Пушкинский Дом поступил «Тематический план организации комнат Пушкинского музея в Госзаповеднике». Предполагалось следующее:

«1 комната. Вводная (здесь и далее подчеркнуто в документе. – И. П.). Характеристика эпохи. Исторический обзор с 1799 по 1840 г.

2 комната. Бытовая обстановка помещика начала XIX века.

3 комната. Михайловское, Пушкинские Горы (так! – И. П.) и Тригорское, его владельцы, семья и родословная Пушкина. Детство, Лицей, литературная среда.

4 комната. Пушкин в ссылке. Переписка с друзьями. Декабристы. Рукописи и работы, написанные во время ссылки. Писатели-современники Пушкина. Дуэль и смерть.

5 комната. Пушкин и современность, методологическая оценка произведений Пушкина. Пушкинская библиотека, читальный зал.

6 комната. Домик няни. Пушкин и няня»¹⁵.

Тематический план был передан «на консультацию» Ученому секретарю Пушкинской комиссии Д. П. Якубовичу, который высказал свои соображения:

«<...> представляется несомненным, что неправильной (выделено Д. Я. – И. П.) была бы установка на показ жизни и творчества Пушкина вообще, в целом - этому место в других музеях. Установка должна быть взята специфическая, на музей, в первую очередь демонстрирующий Пушкина в селе Михайловском (выделено Д. Я. – И. П.) и в прилежащих к нему местах...

Музей должен быть показан массовому посетителю как мемориальное место (выделено нами. – И. П.), хранимое и поддерживаемое советской властью, место, в котором жил помещик, владетель крестьян, ссыльный, величайший писатель дворянского периода русской литературы <...>.

<...> Центральным местом должен быть показ изолированно, ссыльного Пушкина, переживаемая им в глуши трагедия разгрома декабристов <...>»¹⁶.

¹⁵ Архив РАН (СПб). Ф.150, оп.1 (1933), № 24, л.225.

¹⁶ Там же, лл. 232, 234.

Судя по отчету о работах, проведенных в Пушкинском Заповеднике, при реорганизации музея замечания Д. П. Якубовича были учтены:

«<...> Музей построен на локальном материале, тесно связанном ссылкой Пушкина в Михайловское и его посещением Михайловского в 1835 году и похоронами». При этом в угоду идеологии предполагалось «разработать тему (в качестве вводной) Маркс, Энгельс, Ленин и рабочие читатели о Пушкине <...>»¹⁷.

Год спустя в Академии наук обсуждался план подготовительных мероприятий в связи с приближением 100-летней годовщины со дня гибели Пушкина. В Протоколе совещания от 26 февраля 1934 года, в частности, зафиксировано:

«1. Построить новое здание Музея Пушкинского Заповедника, более отвечающего требованиям культурно-просветительной работы, специально организованной библиотекой и читальней, на фундаменте бывш.<его> скотного двора <...>».

2. Поручить ИРЛИ в течение 1934 г. произвести музейно-исследовательскую работу по собиранию и проработке необходимых архивных материалов по восстановлению - реставрации Дома Александра Сергеевича Пушкина (выделено в документе. – И. П.) в Михайловском <...>»¹⁸.

В Докладной записке от 16.IX. 1935 г. Ученый секретарь Пушкинской комиссии Д. П. Якубович предлагает:

«<...> 4. Признать необходимым постройку дома Пушкиных по возможности в том виде, как он засвидетельствован документами, с выделением кабинета Пушкина как мемориальной (выделено Д. Я. – И. П.) комнаты и превращением остальных комнат в научно-бытовой (выделено Д. Я. – И. П.) музей пушкинской эпохи <...>»¹⁹.

Профессор К. К. Романов, в недалеком будущем автор проекта и консультант по строительству Дома-музея А. С. Пушкина, ознакомившись с музейной экспозицией 1935 года, писал:

«<...> Музей в Михайловском значительно улучшен и более систематизирован, но, тем не менее, хотелось бы в нем ввести не-

¹⁷ Там же, лл.110, 111.

¹⁸ Там же, л.175.

¹⁹ Архив РАН. Ф.150, оп.1 (1935), № 47, л.105 об.

которые улучшения <...> Так, желательно было бы в центре внимания Музея поставить село Михайловское и связанную с ним деятельность Пушкина. Лучше осветить историческое значение окрестностей заповедника - пригород Воронич, Святогорский монастырь и ближайшие окрестности. Воронич особенно важен, даже в связи с первоначальным заглавием «Бориса Годунова» и тем влиянием, которое он мог бы оказать на это капитальное произведение, целиком выполненное в Михайловском.

По своим размерам и по месту написания «Борис» должен был бы явиться едва ли не главным местом экспозиции среди других произведений. Между тем, экспозиция его не вполне удовлетворяет <...>

<...> Можно было бы полнее показать Пушкина в имении в разные годы жизни (используя научную работу Щеголева) и ввести ряд иных коррективов, указать которые могут, конечно, лишь специалисты-пушкинисты»²⁰.

Но в это время судьбу не только экспозиции, но и музейной постройки решали «специалисты» совсем иного рода. Архитектурный проект Дома-музея А. С. Пушкина 1937 года оказался под небывалым идеологическим прессом. По документам, разработанным в Академии наук, значилось: «Восстановить (построить) дом Пушкина в Михайловском: Дом – бревенчатый в один этаж, с соломенной крышей <...> немедленно отпустить средства для архивной работы по установлению плана дома в том виде, котором он был при Пушкине <...>»²¹. Документ подписан директором Пушкинского заповедника С. Семеновым и зав. Музеем ИРЛИ Г. Гуковским. При этом учитывалось важное замечание Д. П. Якубовича, касающееся в перспективе всех усадебных построек: «... здания должны быть восстановлены, прежде всего (выделено Д. Якубовичем. – И.П.), как часть пейзажа, современного Пушкину, как необходимое зрительное дополнение общей картины заповедника <...>»²².

22 августа 1936 года был одобрен и принят к исполнению проект арх. К. К. Романова. Строительство Дома-музея началось

²⁰ Там же, лл.179, 180.

²¹ Там же, л.172.

²² Там же, л.196.

в конце августа. Был отреставрирован фундамент, положен 21 венец сруба, подведены потолочные балки, то есть определена высота здания. Далее в акте приемки от 22.II.1937 г. говорится:

«<...> 13 октября 1936 г., во время выезда в Михайловское представителей Пушкинского Комитета, постройка дома была задержана Секретарем Комитета т. РОЗМИРОВИЧ, устные распоряжения которой требовали прекращения работ и изменения проекта. Новый проект должен был быть сделан в современных формах, специально для музея, иметь большую высоту помещений и непременно отличаться от бывшего дома А. С. Пушкина (выделено нами. – И. П.).

Распоряжение тов. Розмирович было подтверждено Академией Наук»²³.

Пользуемся случаем исправить ошибку, допущенную в наших публикациях, связанных с историей музея 1937 года, где, воспользовавшись непроверенной устной информацией о судьбе Е. Ф. Розмирович, сказано, что она исполняла чужую волю и «как и десятки, сотни, тысячи таких «исполнителей», попала под молот сталинского режима и была расстреляна»²⁴. На самом деле Е. Ф. Розмирович скончалась в Москве 30 августа 1953 года и похоронена на Новодевичьем кладбище.

Торжественное открытие музея в Михайловском произошло 18 февраля 1937 года после митинга у могилы Пушкина в Святогорском монастыре и церемонии закладки памятника поэту при въезде в «Михайловские рощи». Вот что записано в дневнике бывшего в составе делегации писателей и пушкинистов М. А. Цявловского: «Поехали дальше – в Михайловское. Остановились

²³ Архив РАН. Ф.150, оп.1 (1938), № 82, л.11. Подробнее о драматических перипетиях строительства Дома-музея А. С. Пушкина 1936–1937 гг. см.: Тимошенко Д. «... От судеб защиты нет»: Михайловское в 1934–1941 гг. Псков, 2013. С. 90–127.

²⁴ Парчевская И. Ю. Концепция реэкспозиции Дома-музея А. С. Пушкина в с. Михайловском // Михайловская пушкиниана: Сб. статей научных сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 10–11. М., 2000. С. 23.; Парчевская И. Ю. Из истории музейных экспозиций Пушкинского заповедника 1920-х–1930-х гг. // Михайловская пушкиниана: Сб. статей научных сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 33. Пушкинские Горы – Москва, 2004. С. 43.

у въезда в парк и еловой аллеей в сопровождении экскурсовода пошли к «домику няни». Рядом с ним на месте дома Пушкина выстроен новый сосновый музей, снаружи напоминающий павильон для купанья или хорошего типа киоск. Спешно большой толпой прошли четыре комнаты музея; среди экспонатов много интересного, и расположены они довольно умно (курсив наш. – И. П.). <...>²⁵. Последняя фраза свидетельствует о вкладе науки в организацию довоенного музея, о стремлении музейных специалистов, вопреки идеологическому давлению эпохи, максимально честно выполнить свой профессиональный долг.

Через год после пушкинского юбилея был составлен «акт на предмет сдачи работ по осадочному ремонту Дома-музея и внутренней отделки». В нем содержатся сведения о расколеровке стен в каждом помещении без упоминания назначения комнат и, стало быть, без привязки к типологии²⁶. В документах отмечалось, что после ремонта экспозиция «произведена в вестибюле и 4-х залах. Один зал в музее пока не имеет экспозиции»²⁷. Сам язык документа свидетельствует о том, что экспозиционное пространство Дома-музея А. С. Пушкина делилось и обозначалось соответственно характеру содержащейся в нем монографической литературной экспозиции, а музей служил преимущественно информационным приложением к усадебному и природному мемориальному пространству.

«Музей – необходимый историко-культурный справочник-комментарий к Заповеднику. В нем сосредоточено значительное количество документального, изобразительного, книжного, рукописного материала, необходимого при серьезном ознакомлении с пушкинскими местами, – писал автор путеводителя 1939 года «Пушкин в Михайловском» А. М. Гордин²⁸. И он же оставил под-

---

²⁵ Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина: Дневники, статьи 1028 – 1965. М., С. 283. Другие отзывы о музее 1937 года см. в нашей работе: Парчевская И. Ю. Концепция реконструкции Дома-музея А. С. Пушкина в с. Михайловском. С. 24–25.

²⁶ Архив РАН. Ф.150, оп.1 (1938), № 82, л.12.

²⁷ Там же, л. 157.

²⁸ Гордин А. М. Пушкин в Михайловском: Литературные экскурсии. Л., 1939. С. 190.

робное описание довоенной экспозиции, во многом построенной на утраченных во время фашистской оккупации бесценных, в том числе мемориальных, экспонатах:

«Одна из комнат музея в Михайловском обставлена как гостиная помещичьего дома (курсив А. Г. – И. П.). Просторная светлая комната. Дощатый, покрытый ковром пол. Белый оштукатуренный потолок. Большие окна с шелковыми занавесками. Между ними резные двери, ведущие на балкон. Большая белая кафельная печь в углу. На стенах потемневшие от времени картины художников фламандской школы, портреты в золоченых рамах. Вещи, составляющие обстановку комнаты, главным образом, из Тригорского и Малинников, также поместья Осиповых-Вульф в б. Тверской губ., где Пушкин неоднократно бывал <...> Все вещи приобретены в начале 1936 года у наследников Вульфов Мягкие, обтянутые зеленым сукном дубовые диваны, кресла, стулья. Овальный стол. Овальное зеркало над ним. Изящный красного дерева столик для рукоделия – рабочий столик Прасковьи Александровны. <...>»²⁹. Остановимся на этом перечне, чтобы заметить: так в довоенной монографической экспозиции впервые отчетливо проступил «усадебный текст» – пока в виде одного раздела и в пределах одной комнаты, но это была уже комната в воссозданном (пусть и с искажениями) усадебном господском доме, в Доме-музее, а не во флигеле, оборудованном под музей, как это было в 1920-е – 1930-е гг. Кроме того – хотя в путеводителе об этом напрямую не сказано – в этот экспозиционный «усадебный текст» уже включен важнейший элемент, «вид в окно», то есть фрагмент мемориального природного пространства, открывающийся из окон и застекленной двери балкона³⁰. Прямую об этом сказано в письме сотрудницы Пушкинского Дома В. К. Зажурило (позже работавшей во Всесоюзном музее А. С. Пушкина и в течение ряда лет – внештатным методистом Пушкинского

²⁹ Там же. С. 91–92.

³⁰ Подробнее об этом см. нашу работу: Парчевская И. Ю. «И вид в окно...» О некоторых особенностях экспозиции усадебного музея, или Опыт прикладного пушкиноведения // Михайловская пушкиниана: Сб. статей научных сотрудников Музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 36. – Пушкинские Горы – Москва, 2005. С. 249–258.

заповедника) своей коллеге Л. Н. Назаровой Обе они оказались участницами последнего предвоенного Пушкинского праздника поэзии в Михайловском (8 июня 1941 года), и позже В. К. Зажурило так вспоминала свои впечатления от посещения музея поэта накануне праздника:

«В музее было очень тихо, пахло особенным музейным запахом. Чудесная старинная мебель, фортепьяно, на стенах гравюры и дагерротипы. Даже картины современных художников не нарушали общего стиля экспозиции. И скульптура, только что приобретенная, «Пушкин и няня», хорошо подходила к обстановке третьей комнаты. Но лучше всего были громадные окна, из которых открывался вид на знакомые пушкинские пейзажи, которые, кажется, мы помним с детских лет»³¹.

Музей 1937 года был разграблен и сожжен в годы фашистской оккупации (1941–1944 гг.). От варварских вырубок пострадали заповедные парки. Тогда же был уничтожен единственная сохранявшаяся на усадьбе постройка пушкинской поры, в 1920-е годы принявшая на себя всю «мемориальную нагрузку», – легендарный «Домик няни».

31 мая 1945 года Правительственная комиссия приняла решение о восстановлении пушкинских мест³². В конце 1946 года в заповеднике был создан особый строительный участок Ленакадемстроя АН СССР. Объем работ определяла специальная комиссия под председательством академика А. В. Щусева. Она же определила и методику восстановления. Суть ее сводилась к следующему: «Восстановить в Заповеднике все пушкинское на прочной документальной основе, убрав все позднейшие наслоения <...>. Воссоздание всех памятников Заповедника максимально близко к их виду пушкинской поры»³³.

«Позднейшие наслоения» на усадьбе, тем не менее, сохранились. Это касается двух валунных амбаров, построенных при Г. А. Пушкине во II пол. XIX в., а также одного из двух уцелевших

---

³¹ Цит. по: Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С.30.

³² Архив РАН. Ф.150, оп.1 (1944), № 25, л.11.

³³ Рожнов Л. И.. Восстановление Государственного Пушкинского Заповедника Академией Наук СССР. 1946 - 1949 гг. СПб., 1995. С.14– 15.

флигелей б. Колонии для престарелых литераторов. Их использовали для музейно-административных нужд заповедника.

В 1947 году был отстроен «Домик няни». В нем разместилась первая послевоенная музейная экспозиция. В обращении к директору ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР акад. П. И. Лебедеву-Полянскому, подписанном зав. Литературным музеем ИРЛИ М. М. Калаушиным и директором Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, говорилось:

«Просим Вас утвердить следующие установки, по которым будет разрабатываться экспозиция. <...>

1) «Пушкин в Михайловском» (подбор строго локального материала, характеризующего основные моменты жизни и творчества Пушкина, непосредственно связанные с Михайловским и пребыванием в нем).

2) «Пушкин и няня Арина Родионовна» (Стихотворения, песни, сказки, письма, характеризующие отношения Пушкина к няне, к русскому народному творчеству и пр.) . <...>

Разработанная экспозиция будет временной, впредь до организации экспозиции в доме-музее на усадьбе Михайловское»³⁴.

В Тематическом задании к проекту Дома-музея говорилось:

«1. Дом-музей А. С. Пушкина в с. Михайловском должен быть построен на месте старого Пушкинского дома <...>.

2. По своему местоположению, размерам, внешнему виду и внутреннему расположению Дом-музей должен максимально совпадать со старым домом А. С. Пушкина.

3. Исходными данными для проектирования Дома являются следующие:

а) Сохранившийся до настоящего времени старый фундамент Пушкинского дома <...>.

б) Литография псковского художника-землемера Иванова 1837 года, дающая изображение фасада дома в сторону въезда в усадьбу, характер наружной обработки стен, высоту их, высоту и характер кровли <...>.

в) Опись Опочечкой Дворянской опеки с. Михайловского, составленная на другой год после смерти А. С. Пушкина – 19 мая

---

34 ПЗ н/а. № 40, л. 170.

1838 года, дающая точные размеры дома, данные общей планировки, наружной отделки, отопления и внутренней отделки (двери, окна) <...>.

Недостающие в перечисленных документах элементы дома (боковые фасады, фасад на реку Сороть, внутренняя отделка и убранство) должны быть спроектированы, исходя из общих принципов скромной дворянской усадебной постройки второй половины XVIII века, а также некоторых дополнительных материалов, содержащихся в произведениях А. С. Пушкина, воспоминаниях Пущина, Языкова и пр.

г) Указания и характеристики, содержащиеся в произведениях А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, записок И. И. Пущина и др. <...>

4. Дом А. С. Пушкина восстанавливается не только как основная архитектурная часть ансамбля усадьбы Михайловского. Дом должен быть музеем – хранилищем музейных материалов, связанных с жизнью и творчеством Пушкина, быть объектом массовой экскурсионной и туристической работы Заповедника.

Поэтому при проектировании убранства необходимо учитывать дополнительное устройство: помещения для приема и регистрации посетителей, вешалки-раздевалки, из расчета на 100 человек одновременного пребывания экскурсантов в Музее.

Однако это не должно видоизменять исторического плана расположения комнат в Доме (курсив наш. – И. П.) <...>³⁵.

Как мы видим, основная цель строительства Дома – добиться максимальной исторической достоверности, чему не должны мешать хранительские и просветительные задачи музея как соответствующего учреждения.

Принцип исторической достоверности, легший в основу послевоенной реконструкции, касался даже кровли Дома-музея, которую предполагалось крыть тесом, но при этом допускалось: «В случае требования пожарной инспекции, возможно покрытие кровли черепицей или железом, с сохранением вида и цвета тесовой крыши»³⁶.

³⁵ Там же, лл. 61, 62.

³⁶ Там же, л. 63.

Важно отметить, что в этот период впервые, на основании документальных источников и типологических данных, определено наименование комнат, хотя в документах они по-прежнему значатся и под номерами и напрямую не связаны с тематическими разделами экспозиции. Поэтому и печь в «Комнате няни» предполагалось сделать не простой, белёной, соответствующей «простой» половине Дома и рассказу об отношениях Пушкина и его крепостной няни Арины Родионовны, а кафельной, по образцам расписных кафелей, хранящимся в Псковском Историческом музее. И стены покрыть набойкой, а в остальных комнатах штофом, однотонным с обивкой мебели. Это означало следование историческим данным об устройстве типичного усадебного дома. Типологией же объяснялось наличие всюду (кроме прихожих при западном и восточном крыльцах) паркетного пола «наборного рисунка, по материалам паркетных полов помещичьих усадеб XVIII века»³⁷. Детали внутренней отделки разрабатывались автором проекта реконструкции Дома-музея А. С. Пушкина архитектором Л. И. Рожновым на основании тематического задания, составленного А. М. Гординым, который с 1945 по 1949 гг. заведовал научной частью Пушкинского заповедника.

В Тематико-экспозиционном плане 1949 года (который сегодня бы назвали тематической структурой), составленном директором Заповедника С. С. Гейченко и его заместителем А. М. Гординым, первая комната, «Передняя», предназначалась для приема посетителей музея. Здесь должны были находиться ответственный дежурный, касса, вешалка на 100 человек. Дальше должна была начинаться экспозиция.

В «Комнате няни» предполагались следующие разделы: «История с. Михайловского. Ганнибалы»; «Приезды Пушкина в Михайловское в 1817–1819 гг.»; «Жизнь и творчество Пушкина до 1824 года».

В «Гостиной» (ставшей позже «Комнатой родителей») и «Столовой» предполагалась тема «История жизни и творчества Пушкина в Михайловском», развернутая «на фоне художественно-бытового интерьера к. 18 – нач. 19 вв.».

---

³⁷ Рожнов Л. И. Указ. соч. С. 45.

В «Гостиной-зале» – заключительная часть экспозиции: «Жизнь и творчество Пушкина в 1826–1836 гг.»; «Дуэль и смерть Пушкина»; «Пушкинский заповедник в период Великой Отечественной войны».

О «Комнате № 6» («Кабинет Пушкина») сказано:

«Экспонируется как мемориальная комната, с сосредоточением в ней подлинных, принадлежавших Пушкину вещей и репродукций с них. Дополнительным материалом для восстановления кабинета Пушкина служит картина художника Н. Н. Ге «Пушкин и Пущин в селе Михайловском» (1875 г.). Картина эта не является точным воспроизведением обстановки кабинета Пушкина, но основана на достоверных данных и материалах, собранных художником <...>».

Прихожие (при восточном и западном крыльцах) «предназначаются для надобностей охраны и бытовых нужд музея»³⁸.

12 июня 1949 года произошло торжественное открытие Дома-музея А. С. Пушкина. Его литературная экспозиция охватывала по-прежнему всю биографию Пушкина, хотя локальной теме «Пушкин в Михайловском» отводилось значительное место. Чуть позже, в том же 1949 году, впервые в мемориальном (мемориально-бытовом) плане был воссоздан кабинет поэта³⁹. Это стало важным этапом на пути становления локальной усадебной экспозиции.

Согласно Топографической описи, экспозиция послевоенного музея существенно отличалась от первоначального плана и строилась следующим образом:

Коридор (он же – передняя-прихожая). Здесь размещались: план Пушкинского Заповедника и Декрет Совнаркома от 17 марта 1922 год, тексты пушкинских стихотворений «Деревня», «Домовому», «Вновь я посетил...» и виды пушкинских мест работы худ. Б. Щербакова и П. Ванеева.

³⁸ ПЗ н/а. № 40, лл. 64 - 66.

³⁹ Подробнее об этом см. нашу работу: Парчевская И. Ю. «Вот кабинет...». К истории литературно-мемориальной экспозиции Дома-музея А. С. Пушкина в с. Михайловском // Вестник Псковского государственного университета. Вып. 5. Псков, 2014. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». С. 262–270.

Непременным и неизбежным элементом всякой литературной экспозиции того времени являлись высказывания классиков марксизма-ленинизма о писателе. В нашем случае это были высказывания о Пушкине В. И. Ленина, И. В. Сталина и М. Горького. Затем снова шли виды пушкинских мест, которые сопровождались текстами А. И. Тургенева, А. В. Луначарского, передовицы газеты «Правда» от 30 августа 1944 года, где речь шла о начале восстановительных работ в Заповеднике и соответствующего Постановления Президиума АН СССР от 21 апреля 1945 года. В качестве иллюстраций выступали художественные фотографии М. А. Величко. Центр передней занимала уменьшенная копия скульптуры Пушкина работы А. Опекушина. Экспозицию дополняла «стильная мебель»: 4 стула и 2 кресла.

2. Комната няни. Тема «Далекое прошлое пушкинских мест» решалась с помощью демонстрации портрета Ивана Грозного, видов Пскова, Изборска, Святогорского монастыря, городища Воронич и Савкиной горки (гравюры, фотографии, акв. Л. Хижинского). В витрине размещались архивные документы и результаты археологических раскопок.

Та же тема продолжалась уже применительно к роду Ганнибалов и их появлению на Псковской земле. Портрет А. П. Ганнибала, герб и родословная Ганнибалов, Жалованная грамота Елизаветы Петровны, план владений О. А. Ганнибала, план Опочецкого уезда сопровождались автографом Пушкина «Моя родословная» и текстом его стихотворения «К Языкову».

Следующая тема – «Детские годы Пушкина». Вид Москвы, герб и родословная Пушкиных, портреты самого поэта и его родных сопровождались текстами Пушкина и Н. Г. Чернышевского.

Тема «Пушкин в Лицее» строилась на текстах из «Евгения Онегина», «19 октября» 1825 года, «Воспоминаний в Царском Селе», «Была пора: наш праздник молодой...», воспоминаний И. И. Пущина и высказываний В. Г. Белинского.

Далее шли разделы: «Пушкин в Михайловском в 1817–1819 гг.», «Пушкин в Петербурге в 1817–1820 гг.», «Южная ссылка Пушкина», которая делилась на доодесский и одесский период, и, наконец, «История ссылки Пушкина в Михайловское». Судя по

количеству тем, перечню экспонатов, а также фотографиям той поры, экспозиция (в основном, вертикальная развеска) была необычайно плотная, информационно и иллюстративно насыщенная. Напомним, что в это время уже начало обозначаться и уточняться назначение комнат, хотя оно еще практически не соответствовало содержанию экспозиции. Экспозиция строилась строго по тематико-хронологическому принципу.

3. Гостиная. Темы: «Пушкин под надзором», «Пушкин и Арина Родионовна», «Пушкин и крестьяне», «Пушкин и народное творчество». В качестве иллюстрации выступала картина худ. Н. Н. Ге «Пушкин в гостях у Пушкина в Михайловском» (1875), служившая переходом к теме «Приезды друзей». Портреты лицейских друзей сопровождались текстами из «19 октября» 1825 года, поэмы «Граф Нулин», «Записок о Пушкине» И. И. Пущина.

Отдельный простенок занимал портрет Пушкина с работы В. А. Тропинина 1827 года. Затем шла переписка михайловского периода. Тема «Круг чтения Пушкина» была представлена журналами, альманахами и списком комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Завершала экспозицию «Гостиной» тема «Пушкин в Тригорском». Центральное место занимал макет усадьбы Тригорского, экспозицию дополняли мебель «по образцу Пушкинской и вещи из Тригорского».

4. Зал. Его экспозиция была посвящена творчеству Пушкина михайловского периода и дополнялась мебелью карельской березы и вещами из Тригорского.

5. Столовая содержала следующие темы: «Пушкин и 14 декабря 1825 года. Возвращение Пушкина из ссылки»; «Пушкин в Москве»; «Портрет Пушкина работы О. А. Кипренского» (в документе выделен как тема); «Творчество Пушкина конца 20-х гг.» («Послание в Сибирь», «Арап Петра Великого»); «Творчество Пушкина 1830-х гг.» («Повести Белкина», «Домик в Коломне»); «Пушкин в Михайловском в 1835 году»; «Жизнь Пушкина 1830-х гг.» (Петербург, Гончаровы, Хитрово, Николай I, Дубельт и др.); «Дуэль и смерть Пушкина».

В центре комнаты – «скульптура Пушкина в рост» (так! – И. П.). Мебель – гарнитур николаевской эпохи⁴⁰.

В 1950-е–1970-е гг. музей в Михайловском шел по пути дальнейшего усиления локального мемориально-бытового плана и пересмотра количественного и качественного состава литературной экспозиции. Происходило постепенное тематическое перераспределение материала по другим музеям. В 1953 году открылась экспозиция в Успенском соборе, куда «ушли» многие материалы по темам «Далекое прошлое пушкинских мест», «История Святогорского монастыря», «Работа Пушкина над "Борисом Годуновым"» и «Дуэль, смерть и похороны Пушкина». С открытием Тригорского (1962) и Петровского (1977) михайловская экспозиция также освободилась от соответствующих материалов. К началу 1960-х годов в мемориально-бытовом плане, кроме «Кабинета Пушкина», была воссоздана «Гостиная» («Зальце»). Предполагалось произвести соответствующие изменения в «Комнате няни», перенести весь литературный материал в «Домик няни», а в «Дом управляющего» – материал, связанный с характеристикой Псковского края в пушкинскую эпоху, основными вехами жизни поэта на Псковщине, а также по истории Заповедника.

В самом Доме-музее, согласно Протоколу № 5 от 6 мая 1963 г., С. С. Гейченко предлагал «создать бытовой пушкинский интерьер. В двух комнатах - спальне и столовой, об убранстве которых мы ничего не знаем, – устроить литературную экспозицию по теме «Творчество Пушкина», приблизительно по той схеме, которая лежит в основе и сегодняшней экспозиции (Лирика, Цыганы, Борис Годунов, Нулин, Онегин и т.д., кончая последним приездом Пушкина в Михайловское в 1835 г.)»⁴¹.

С. С. Гейченко отмечал, что на совещании работников литературных музеев в Михайловском в 1959 году и на конференции Пушкинских музеев в Ленинграде в 1960 г. «работникам заповедника указывалось на следующие задачи:

1) реэкспозиции музея Михайловского по линии усиления мемориализации дома Поэта.

⁴⁰ ПЗ н/а. № 94, лл. 2, 4, 6, 7, 13, 26.

⁴¹ Архив РАН. Ф.150, оп. 1, т. II (1949), № 48.

2) На освобождение литературной экспозиции от излишних иллюстраций к произведениям Пушкина <...>, видов Пушкинских мест.

3) На необходимость замены обыкновенных фотографий с рукописей Пушкина – фотографиями, изготовленными на подлинной архивной бумаге.

4) На перенесение из заключительной комнаты, находящейся рядом с кабинетом Пушкина, фотографий и других современных материалов, рассказывающих о любви народа к Пушкинским местам, народных праздниках в Михайловском. По общему мнению, эта экспозиция разрушает сильное впечатление, сложившееся у людей, только что оставивших «святая святых» музея – Кабинет поэта.

5) На более широкое внедрение в пушкинскую экспозицию книг»⁴².

В эту эпоху хрестоматийно-иллюстративная экспозиция, что на определенном этапе было характерно для всех литературных музеев, менялась в сторону обретения ею черт неповторимой индивидуальности. Информационный музей уступал место музею, где главной задачей было создание выразительного образа, вызывающего у посетителя определенное впечатление. Уже по этому принципу создавались усадебные музеи Тригорского, Петровского, музей «Мельница в д. Бугрово». Система музейных экспозиций Пушкинского заповедника складывалась как разветвленный сюжет произведения «Пушкин в Михайловском», где собственно Михайловскому исторически отводилась роль завязки этого сюжета и главного места действия, лирического центра, пушкинского деревенского «кабинета».

По классификации мемориальных литературных музеев-заповедников Михайловское относится к VI (последней) категории (дом не сохранился, обстановка не сохранилась)⁴³. Созданию эмоционального впечатления здесь в решающей степени способ-

---

⁴² Там же.

⁴³ Ломунова А. К. Экспозиции в литературных музеях-заповедниках // Вопросы деятельности литературных музеев-заповедников (по материалам социологического исследования). М. 1981. С. 47 (Труды 105 НИИ Культуры Министерства Культуры РСФСР).

ствует пушкинская мемориальная природа, сбережению которой в музее всегда уделялись особенное внимание и основные моральные, физические, экономические затраты. Всякий усадебный музей существует в нерасторжимой связи с пейзажем, вписан в окружающую природу, органически слит с нею. Литературно-мемориальный музей, каковым является михайловский Дом поэта, стилистически связан с природой еще и как с важнейшим источником творческого вдохновения и главной мемориальной ценностью Заповедника.

Важно отметить, что природа идеологически нейтральна и независима. Музейная же экспозиция всегда отражает дух времени и в определенные эпохи в той или иной мере подчиняется официальному (на уровне государственной политики) отношению к ее главному герою. История пушкинского музея – яркое тому подтверждение. Живое, личное отношение к памятнику, основанное на глубинном сочетании знания, опыта (в том числе опыта постоянной жизни вблизи усадьбы поэта), интуиции и творческой воли, позволяет выработать авторский метод и практически нейтрализовать вмешательство официальной политики. Мы имеем в виду жизнь послевоенного Заповедника и творческую деятельность С. С. Гейченко, прославленного Хранителя Пушкиногорья на протяжении почти полувека (1945–1993). Ему мы обязаны не только героическим возрождением Заповедника, но и созданием системы пушкинских музеев, вписанных в мемориальную природную среду и объединенных темой «Пушкин в Михайловском», – не просто комплекса музеев, но музейного ансамбля. Не ставя перед собой задачи исследования авторского метода С. С. Гейченко, выделим важнейшие моменты, которые, на наш взгляд, и обеспечивали музеям Пушкинского заповедника «лица необщее выраженье» (Баратынский).

С. С. Гейченко строил экспозицию литературно-мемориального музея по модели научно-художественного произведения, когда тема и движение сюжета диктуют правила игры и ради создания убедительного целостного образа позволяют идти на допустимое нарушение общепринятых правил. Например: в Доме-музее А. С. Пушкина появляется «Комната родителей», которой,

если следовать типологии дворянского дома соответствующего времени, быть не может. Но она необходима как тематический раздел, чтобы обеспечить завязку драматического сюжета ссылки поэта. Это тем более допустимо, если помнить, что внутренняя планировка дома, ввиду отсутствия документальных данных, воссоздана достаточно условно, «обобщенно». Т.е. по фундаменту выведены только капитальные стены, а известно, что в доме были еще и перегородки.

Другой пример. Когда обивались холстом с набойкой стены «Комнаты родителей» (тогда еще обозначенной как «Гостиная») и «Столовой», а шелковым штофом стены «Гостиной-зальца», мебель, как подлинная, так и новодельная, была обита соответственно тем же материалом. Даже если учесть, что это делалось из экономии, а также по причине отсутствия материала, которого требует типология, в результате эффект получился своеобразный. Мебель как будто деликатно отступила, «прижавшись» к стенам и напоминая, что она музейная, играющая пусть важную, но вспомогательную роль, что мы не в музее усадебного быта, а в Доме поэта.

При этом С. С. Гейченко постоянно стремился к достижению атмосферы подлинности, ключом к чему стал «знак подлинности, достигаемый созданием среды» (курсив авторов. – И. П.)⁴⁴. Очень точно замечено, что в эпоху созидания и возрождения, в эпоху музейного строительства задачи фондового комплектования были напрямую связаны с экспозиционными, и «это был нераздельный процесс: собирательство и устройство экспозиций». Для этого важно обладать не только знанием эпохи, не только умением отыскивать нужные для усадебного (именно усадебного!) музея вещи, но быть наделенным «равно и чувством экспозиционера и чутьем вещеведа», как это было в случае с легендарным Хранителем. Им в послевоенном музее была заложена «славная вещеведческая традиция», когда «были, в основном, на-

---

⁴⁴ Шпинаева Е., Гейченко Т. «Вещи имеют свою судьбу, иногда совершенно невероятную» // Пушкинский заповедник и его Хранитель. К 100-летию со дня рождения Семена Степановича Гейченко: Буклет-каталог выставки. Гос. музей-заповедник «Михайловское», 2003. С. 30.

сыщены экспонатами музея Заповедника»⁴⁵, а сотрудники на поколения вперед получили урок бережного, любовного отношения к музейному предмету как к наделенному исторической памятью и душой. И это касалось не только меморий, но вещей эпохи в целом.

С. С. Гейченко, обладавший опытом жизни, в чем-то сходной с жизнью михайловского изгнанника, понимал, что деревенский Дом поэта немыслим без окружающей его природы и, более того, зависим от нее в полной мере. Она – законодательница усадебной жизни во все времена года. Вот почему он (Дом) «хоть и музей, а живой <...>». В цветущую пору года его комнаты напоены ароматами, проникающими через окна, и украшены цветами. Осенью царит аромат яблок, который «перемешивается с запахами цветов и меда». К нему добавляется «прохладный и крепкий» аромат изделий из псковского льна. «От льна, цветов, яблок в пушкинских комнатах всегда пахнет солнцем, чистотой, хотя в иной день через музей проходят тысячи людей»⁴⁶. Важно было понять и проникнуться мыслью, что не музей служит информационным дополнением и приложением к природе, а природа определяет стилистику усадебного музея. И что окно – прозрачная граница между домом и окружающим его пространством, – соединяя то и другое, играет, быть может, первостепенную роль в создании уникального музейного образа, который, в свою очередь, рождает неповторимое впечатление и переживание.

Гейченко писал: «Передо мной в Михайловском прошли сотни тысяч людей разных возрастов, знаний и стремлений. И все они хотели увидеть то, что окружало поэта. И вот я говорю им: «У этого окна любил сидеть Пушкин». Тут все они начинают смотреть на обыкновенное окошко и вдруг видят, что оно не обыкновенное, что никто из них такого окна раньше не видел, не видел около окна этого зеленого куста, что другого такого куста нет на всем свете, что над кустом небо, какое было при Пушкине, и об-

---

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Гейченко С. С. Хранительница Михайловского // Гейченко С. С. У Лукоморья. Пушкин. Михайловское: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. СПб. 2013. С.209– 210.

лако, и отраженный стеклом силуэт пролетающей птицы, которую, может быть, видел и он»⁴⁷.

Важно было почувствовать, что стоит за словами Пушкина «деревня же - наш кабинет» и что явилось главным открытием для Пушкина в годы михайловского заточения:

«Деревня - это природа. Деревья, травы, кусты, птицы и звери. Пушкин любил эту землю <...>. Он видел, что в природе всё безгранично и почти ничто в ней не меняется, она - вечность. Это только мы меняемся, люди. <...>⁴⁸.

Пожалуй, впервые музей стал не просто источником информации, но источником вдохновения, и это означало, что С. С. Гейченко удалось создать не только убедительный образ Дома поэта, но и, следуя пушкинскому слову, распространить понятие «деревенского кабинета» на все мемориальное пространство Михайловского, добиться слияния усадебного Дома-музея с окружающей его природой. И это не осталось незамеченным поэтами, писателями, художниками, мастерами художественной фотографии – всеми, для кого этот образ сделался притягательным.

... Дом поэта чист и ясен,
много света, птичьих перьев,
книга каждая гордится
пышной титульной страницей.

Эти женские портреты:
что за краски! что за взоры!
Локон каждый так изваян,
что сиять ему навеки.

И такие косогоры
за окном, такие дали...
Снег румяный серебрится
и пылит вишневым цветом...⁴⁹

---

⁴⁷ Гейченко С. С. Таинственные письма // Гейченко С. С. У Лукоморья. С. 11.

⁴⁸ Там же. С. 12.

⁴⁹ Глушкова Т. Дом поэта // Глушкова Т. Стихотворения. М., 1992. С. 80.

Татьяна Глушкова в 1960-е годы работала экскурсоводом в Пушкинском заповеднике – и образ Дома поэта, наполненного особым светом и органично соединенного с окружающим пейзажем, возникает у нее из глубины еще и собственного экскурсионного опыта, когда после показа экспозиции хорошо и правильно было обратить внимание посетителя на «вид в окно». В конце 1970-х – начале 1980-х гг. приходилось слышать, как первая из приведенных строф служила своеобразной заставкой к экскурсии по Дому-музею А. С. Пушкина в Михайловском.

Поэт Евгений Рейн в конце 1960-х всматривается в те же снежные дали с музейного крыльца Дома поэта, расширяя свою художественную задачу от простого созерцания неповторимого пушкинского пейзажа до стремления проследить траекторию столь же неповторимого пушкинского взгляда, чтобы передать его пронзающую силу и ничем не ограниченную свободу воображения:

...Там за рекой поля – края снега,
Лес первый, лес второй, лес третий –
Такая тихость, глубина, нега,
Какую никогда, нигде не встретить.

А дальше что? Пойдет тайга, чащи,
Алтыйский берег или чухонский омут.
Но даже конь и аппарат летящий
Преодолеть пространство это могут.

А дальше что? Стоит сырой Лондон,
Зеленый лавр венчает путь к Риму.
Среди холмов латинских торф болотный,
Столь не похожий на родную глину...

И – разворот в сторону Дома, где заперт ошеломляющим, завораживающим, усмиряющим, космического масштаба снегопадом ссыльный, сменивший тоску одиночества на творческую волю уединения:

А тут снега идут – сугроб до неба,
А наметет еще – дойдет до Бога.

И жизнь тиха – от кабинета
Вся умещается – и до порога.

Когда метель стучит, как дождь с громом,
А жар от печек, что тоска, угарен,
Сидит и цедит кипяток с ромом
В селе Михайловском его барин⁵⁰.

Татьяна Галушко, ленинградский поэт и многолетний сотрудник Всесоюзного (ныне Всероссийского) музея А. С. Пушкина, впервые побывала в Заповеднике в начале 1960-х. Написанное тогда стихотворение свидетельствует о том, какой вдохновляющей центробежной силой может быть наделен поистине путеводный мемориальный предмет, пушкинский бильярд («Четыре тусклых / Шарика в углу светелки»), помещенный в пространство усадебного музея и закономерно увлекающий воображение все дальше и дальше за пределы Дома. А там, на просторе, наделяющий статусом заповедности все, чего ни коснутся зрение и слух, и бросающий отсвет на все, отмеченное когда-то пушкинским взглядом и так гениально преображенное его словом, что приобрело почти портретное сходство с ним самим:

...Вдоль сукна полей бильярдных
Долог путь мой к звонким веткам,
От шаров до вечных яблок
В палисаде заповедном.
И под вечными снегами,
Под метелью и под ветром
Деревень ночных миганье
Заповедно, заповедно...

То не озеро Кучане,
То чернил разбег и росчерк,
И висок его курчавый – та коричневая роща...

---

⁵⁰ Рейн Е. Взгляд с крыльца Дома поэта в селе Михайловском // Рейн Е. Избранное. М. – Париж – Нью-Йорк, 1992. С.45.

Будучи профессиональным музейным работником, Т. Галушко знала цену и собственно мемориальному предмету, сохранившему ощутимую связь со своим хозяином, тем четырем бильярдным шарам, которые, подобно волшебным лунам, освещают дорогу простому смертному к вечным ценностям:

Не забыть, не отоспаться,
Не уняться жадной тяге:
Вот шары – их брали пальцы,
Голубые под ногтями.

Вот шары – они как луны
На пути моем бесследном
К дому, к имени, к полудню,
К строчкам пушкинским –
Бессмертным⁵¹.

Существует вариант заключительных строк, когда исчезает притяжательное прилагательное и существенно меняется окончательный смысл высказывания:

К дому, к имени, к полудню,
К подвигу его –
Бессмертным⁵².

В конце жизни Т. Галушко довелось снова побывать в Заповеднике – и видно, как за четверть века изменилось ее отношение к понятию «вечности» – еще и в связи с пронесшимся над этой землей ураганом 1987 года, о котором она опубликовала очерк⁵³. А потом появились стихи:

Словно тропе, повинуюсь лучу,
Ширью равнины неправдоподобной,
Едем в усадьбу к себе. (Не шучу:
Мы ведь владеем теперь всенародно
Необитаемым этим жильем.)
После хозяина выстроен дом

⁵¹ Галушко Т. Бильярд Пушкина в Михайловском // Галушко Т. Равноденствие: Первая книга стихов. Л., 1971. С. 15–16.

⁵² Галушко Т. Жизнь. Поэзия, Пушкин / Сост. Р. Зеленова. СПб., 2003. С. 179.

53 Галушко Т. Стихия // Аврора, 1988, № 1. С. 76–79.

Вместо сгоревшего. Наше именье
(Правильней вымолвить: место-именье)
Мы почитаем наследным гнездом.
.....

Зря я себя за безродность казню:
Вотчина памяти взята в казну
Купной, всеобщей истории века.
Что нерушимое? Роща и склон?
Все повторимо. Единствен лишь он,
Голос любившего их человека...

Но «вотчина памяти», защищенная статусом заповедности, остается все так же притягательна и неподвластна времени для тех, кто умеет сохранять ей верность:

Мчаться за тридевять – ветку пожать...
Вовсе не вспомнить – забыться. Дрожать...
Настежь въездные распахнуты ели.
За обручальною этой чертой
Необлетающий век золотой,
Вечность для смертного на две недели⁵⁴.

Когда-то легендарный директор Пушкинского заповедника, встававший с рассветом, проводивший дни в неустанных трудах и, в том числе, в течение десятилетий зорко наблюдавший, как меняются «подвижные картины» просторного пушкинского пейзажа, писал: «Каждый день деревья, кусты и поляны Михайловского проявляют свой характер по-новому. Каждое утро хранитель этой великолепной галереи заменяет одну из старых картин какой-нибудь новой и как бы говорит нам: «Все это видел Пушкин. Посмотрите и вы. Станете лучше»»⁵⁵. Такой вот нехитрый урок всем, стремящимся постичь секрет притягательной силы этих мест, возрожденных и убедительно, с любовью обустроенных С. С. Гейченко и его соратниками. Его слова удивительным

⁵⁴ Галушко Т. В отпуск в заповедник // Татьяна Галушко. Жизнь. Поэзия. Пушкин. С. 177–178.

⁵⁵ Гейченко С. С. Таинственные письма. С. 12.

образом перекликаются с записью в Книге почетных посетителей, оставленной выдающимся историком, пушкинистом, писателем Н. Я. Эйдельманом и словно подводящей итог музейной эпохе второй половины XX века, когда образ милой и скромной псковской усадьбы окончательно слился с образом ее подлинного хозяина – А. С. Пушкина.

«В Михайловском – девятый раз, и, бог даст, сколько еще судьба пошлет?

Думаю, что это место и люди, здесь работающие, сами того не подозревая (или подозревая!), защищают Пушкина от всяческого шаблона, стандарта, халтуры, мещанской нивелировки.

Михайловское делает людей получше – а это им (людям) необходимо.

Я бы ввел Михайловское в полное собрание пушкинских сочинений.

С любовью,

Натан Эйдельман. 7 марта 80 г.»⁵⁶.

---

⁵⁶ ПЗ н/а. № 2700, л. 4.

«Пушкинский уголок» России: мифологизация усадьбы в постусадебную эпоху

Осмыслению усадьбы как феномена русской культуры посвящено значительное число современных научных работ¹. Образ усадьбы в творчестве А. С. Пушкина также рассматривался неоднократно². Существуют исследования об истории усадьбы после смерти А. С. Пушкина³, о литературном образе Михайловского, созданном писателями середины и второй половины XIX века⁴. Не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, обратимся к интерпретациям усадеб Михайловское, Тригорское, Петровское в XX столетии, когда в них пришел музей.

Михайловское: «Здесь можно вдохновляться и писать!»

В мае 1911 года в Михайловском под попечительством барона А. Е. Розена открылась колония для престарелых литераторов и учителей, которая выполняла благотворительную и просветительскую функции одновременно, представляя собой первый опыт организации музея поэта в усадьбе⁵. Хранителем и проповедником «пушкинского уголка», первым экскурсоводом стала

---

¹ См., например: Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С.157–458; Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003 и др.

² Например: Козмин В. Ю. Локус Михайловского в поэтическом творчестве Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., 1999; Густова Л. И. Трансформация образа усадьбы в русской поэзии XVIII – первой трети XIX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Псков, 2006.

³ Будылин И. Т. Золотая точка России. Пушкинский край. Основные события и даты. Изд. 2-е, доп. М., 1996.

⁴ Вершинина Н. Л. «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов. Монография. Псков, 2011. С.63–98.

⁵ Будылин И. Т. Золотая точка России. Пушкинский край. Основные события и даты. С. 51.

поселившаяся здесь писательница Варвара Васильевна Тимофеева-Починковская. Ее воспоминаниями «Шесть лет в Михайловском» положено начало мифологизации Пушкиногорья как музейного комплекса.

По свидетельству мемуаристки, в 1910-е годы пушкинские места посещали не только члены царской фамилии и высшего света (например, вел. кн. Мария Павловна младшая – президент Академии Художеств, граф П. С. Шереметьев, князь Я. М. Шаховской – член Пушкинского комитета в Петербурге), представители интеллектуальной и культурной элиты (русский философ Н. О. Лосский, артисты МХАТа), но и простые люди. Приезжающих поклониться памяти первого поэта в его пенатах было немало: «Мне невольно вспоминались бесконечные экскурсии “паломников”, и взрослых и детей, которых я, бывало, водила по всем этим местам, воскрешая в их памяти былую жизнь русской действительности и русской поэзии»⁶. В первую очередь, Михайловское притягивало посетителей неброской, но волнующей красотой своих пейзажей: «От подлинного пушкинского пребывания здесь сохранились только виды на Сороть и Маленец, леса и нивы, луга, “измятые” его “бродящей ленью”, – и все это прелесть как хорошо. И не особенно все это живописно – мало ли мест в России красивее! – но здесь на всем точно носится дух первобытной народной поэзии. Тоскливой, жалостно-убогой, но милой сердцу, как все нам близкое, знакомое, родное»⁷. Для приезжающих этот край олицетворял собой именно русскую землю в ее первозданности, скромности, простоте.

Особым магнетизмом обладало (и до сих пор обладает) Михайловское для творческой интеллигенции. Писатели, художники, артисты устремлялись в пушкинские места, желая насладиться «в туманном уединении этих мест» «дуновением поэзии»⁸. Так, о гостившей в мае 1914 года О. Л. Книппер-Чеховой в воспомин-

---

⁶ Цит. по: Давыдов А. И. Воспоминания В. В. Тимофеевой (Починковской) «Шесть лет в Михайловском» // Михайловская пушкиниана. Сборник статей научных сотрудников Музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 1. М., 1996. С. 19.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Там же. С. 16.

наниях написано: «Ольга Леонардовна мечтательно бродит одна под душистою сенью, вспоминая «Вишневы сад» и свою художественную игру»⁹. Видимо, атмосфера безмятежной радости и покоя, витающая здесь, была особенно дорога актрисе, которая писала Тимофеевой спустя год: «Вспоминаю, как мы с вами сидели на лежачей цветущей яблоне, как кругом было сочно, радостно, полно поэзии»¹⁰. В другой раз Тимофеева благодарно вспоминала «чарующий вечер задушевной беседы за самоваром в зале у Пушкина», «обо всем позабыв в созвучных ощущениях мысли и жизни»¹¹. Дух гармонии обнимал здесь всякую творческую натуру.

«В милом Михайловском» писательницу не покидало ощущение родного приюта, домашнего тепла, спокойствия: «Два окошка – на юг и на восток – с деревьями, запущенными снегом, с лужайкой, покрытой белоснежным ковром. И эта гирлянда вокруг нее из елок, осин и берез, и этот мостик через прудок, и эта калитка в «михайловские рощи» – как я люблю все это и как я счастлива, что они тут предо мною всегда – и днем, и ночью, и летом, и зимою – до конца моих дней... Хорошо в деревне зимой! Хочется жить! Работать и жить за работой в Михайловском»¹². Сама атмосфера усадьбы располагала к литературным занятиям, не удивительно, что и посетителей здесь охватывало желание творить: «так называемый “кабинет А. С. Пушкина” хорош был особенно в то ярко-морозное и солнечное утро, когда я привела туда моих дорогих гостей. Вся комната “янтарная”, как отзывался о ней сам Пушкин в одном из своих писем. “Да! Здесь можно было вдохновляться и писать!” – признался Н. О. Лосский, глядя на эти янтарею расцвеченные стены и красногрудых снегирей за окном, на опущенные снегом деревья, бывшие тут и при Пушкине, – на те же самые лесные пригорки, ту же речку, на то же озеро и на те же луга и поля за рекой»¹³.

---

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 7–8.

¹³ Там же. С.10 – 11.

Мысль о поэте постоянно присутствует в мемуарах Тимофеевой, даже если она вспоминает о собственном детстве: «И когда я присела потом одна на ступеньках “заднего” крыльца, поросшего лопухом и бурьяном, мне вспомнились мои детские годы в такой же запущенной, небогатой усадьбе, и сказки Пушкина, заученные там, и “Зимний вечер” – “Буря мглою небо кроет”... И тут я мысленно решила, что буду убегать сюда от людей и от всей здешней жизни»¹⁴. В подтексте «ухода» мемуаристики от реальности в мир собственных размышлений, грез о прошедшем слышится пушкинский «побег / В обитель давнюю трудов и чистых нег».

Тимофеева неизменно ощущает сопричастие А. С. Пушкина в этом «уголке», и события собственной жизни зачастую соотносит с пушкинской биографией. Так, приезд знаменитого философа Н. О. Лосского с супругой ассоциируется у нее с приездом лицейского друга к опальному поэту: «Поэзия и философия, жизнь сердца и ума – в снегами занесенном, глухом захолустье. Не так ли чувствовал сам Пушкин, когда подкатила тройка почтовых и в санях сидел Пушин!..»¹⁵. Или чтение мхатовцами пушкинской «Элегии» описывается ею как тайнодействие с «участием» первого поэта: «Зажгли стоявший на столе огарок, и все стали вокруг, как над дорогой всем могилой. Массалитинов держал книгу <...> и читал, не повышая голоса, без малейшего напряжения, с интонацией умиления, как читают молитвы простосердечные люди:

Безумных лет угасшее веселье...

Благоговейное молчание застыло в воздухе. Глаза всех не отрываясь смотрели на одну и ту же страницу. Одно и то же “дивное волнение” кипело у всех в груди. И, точно “дар Святого Духа”, бессмертный гений русского поэта носился над нами в его кабинете. «Изумительное зрелище! – невольно вырвалось у меня, – жалею, что не могу ни фотографией, ни кистью запечатлеть вас всех навеки. Но записать эту минуту я могу. И запишу. Нас всех сейчас как будто бы сковало тут в одно духовное кольцо ощущений великой поэзии»¹⁶. Или, читая стихи солдатам латышской

---

¹⁴ Там же. С.8.

¹⁵ Там же. С.10.

¹⁶ Там же. С.13.

дивизии, Тимофеева внушает им благоговение перед гением поэта: «Они стояли тесной кучкой, внимательно слушаая, и глаза их блестели чем-то похожим на умиление и слезы. А я стояла перед ними в полном самозабвении, не сознавая настоящего, не думая о будущем, вся в этом прошлом «великого барда», чей дух еще парил как будто в этих стенах, и если не в самих стенах, то за ними, на этой вот земле, под этим самым небом»¹⁷. Позднее переживание сопричастности судьбе поэта, констатация «следов его неумирающего духа»¹⁸ станет общим местом в художественной литературе о Михайловском.

Характерным примером зарождающейся мифологии является эпизод, воссоздающий один из летних вечеров 1916 года: «Художник (В. В. Мешков – А. Р.) дописывал этюд реки на террасе. А я, как всегда, бродила одна на лугу по единственной тропке между двух “мавританских газонов”, то спускаясь к самой реке, то поднимаясь вверх на самое взгорье, к сосне с гнездом аиста. Сильно парило, и сухой горячий туман заволакивал и небо, и землю. От цветов на лугу несло чем-то тоже знойным и возбуждающим, дразнившим воображение. Садовник говорил мне, что это запах морского левкоя, и я искала глазами этот невзрачный бледно-лиловый цветок, чтобы нарвать себе в комнату. Но в тумане исчезали все краски и формы, а газон весь покрыт был цветами. И незаметно для глаз весь луг сливался в сплошное бесцветное море»¹⁹. Описание передает остроту визуальных и обонятельных впечатлений рассказчицы, наблюдающей знакомый пейзаж. Примечательно, что важную роль в этом процессе играют ароматы «мавританского газона» (цветущей лужайки, засеянной смесью злаковых трав и одно-двухлетних цветов²⁰). Как отмечает М. В. Нащокина, выращивание душистых растений было характерной особенностью усадебной культуры начала XX века²¹. «Источное благоухание» цветов у Тимофеевой усиливает воображение, по-

¹⁷ Там же. С.19.

¹⁸ Там же. С.24.

¹⁹ Там же. С.17.

²⁰ См.: Лепкович И. П. Газоны. СПб., 2003. С.15–16.

²¹ Нащокина М. В. Русские усадьбы эпохи символизма // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып.4 (20). 1998. С.342.

гружает в состояние мечтательности, особенно с наступлением ночи: «Месяц всплывает над лесом и озером. Серп его чуть брезжит на воде, а вокруг все тонет в таинственных озарениях... “Какая красота!” – вырывается у нас у обоих. «Я бы снял долой этот дом, все постройки долой! – мечтает художник. – Только парк да цветник бы оставил. И построил бы тут на берегу высокую-высокую башню, откуда вид на все четыре стороны. И статую Пушкина посередине. И статуи всех друзей его, современников – целую галерею – в парке, и чтобы никто тут не жил. Приходили бы только сюда». – “Для вдохновения, для звуков сладких и молитв”, – заканчиваю я наши общие грезы»²². Как видим, уже на первом этапе создания музея в усадьбе зародилось стремление переосмыслить реальное пространство, в котором жил поэт, превратив его в «творимую легенду», в остров утопии. Михайловское с самого начала ассоциировалась не только с милыми русскому сердцу картинами природы, не только с деревенской тишиной и беззаботностью, но и с «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья». Оно инициировало полет творческого воображения, недаром посетители музея, как правило, ощущали «дуновение поэзии в туманном уединении этих мест»²³.

Среди тех, кто провел часы «в духовном созерцании поэтовой близости»²⁴, был и К. Г. Паустовский. В своем очерке «Михайловские рощи» (1937) он тоже отмечал сильное воздействие самой нерукотворной природы пушкинских мест: «Я изездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское. Там было пустынно и тихо. В вышине шли облака. Под ними, по зеленым холмам, по озерам, по дорожкам столетнего парка, проходили тени. Только гудение пчел нарушало безмолвие»²⁵. Писателя поразили скромность и покой «земли Александра Сергеевича», где «всюду звучали из травы, из вереска,

²² Цит. по: Давыдов А. И. Воспоминания В. В. Тимофеевой (Починковской) «Шесть лет в Михайловском». С.18.

²³ Там же. С.16.

²⁴ Там же. С.27.

²⁵ Паустовский К. Г. Михайловские рощи // Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1983. С.161–162.

из сухой земляники простые пушкинские строфы»²⁶. Взгляд Паустовского зафиксировал своеобразие усадебного парка, названного «приютом отшельника»: «Это парк, где трудно веселиться. Он создан для одиночества и размышлений. Он немного угрюм со своими вековыми елями, высок, молчалив и незаметно переходит в такие же величественные, как и он сам, столетние и пустынные леса»²⁷. Автор воспринимает его как рабочий кабинет поэта, предающегося философским раздумьям, творящего в уединении. Но главное внимание писателя приковали «обрыв над Соротью» и «ветхая лачужка» няни: «Домик так мал и трогателен, что даже страшно подняться на его ветхое крыльцо. А с обрыва над Соротью видны два синих озера, лесистый холм и наше вековечное скромное небо с уснувшими на нем облаками»²⁸. Характерно, что Паустовский выделяет именно леса, озера, небо, поскольку они «почти единственное, что уцелело здесь от пушкинских времен»²⁹. В глазах Паустовского рукотворный музей затмевается спокойным величием первозданной природы Михайловского.

Спустя годы в путевых записках «Ветер скорости» (1954) писатель вновь зафиксировал свои впечатления от усадьбы, возрожденной после Великой Отечественной войны. По-прежнему трогательные чувства вызвал у него домик няни, «его низенькие потолки и деревянные колонки на крылечке»³⁰. Его взор отметил и «вековые ели главного въезда», и «черные пруды», и липовую аллею Анны Керн, и окрестные пейзажи: песчаные холмы, «свинцовую воду двух озер – Маленца и Петровского»³¹. Но и в том, и в другом очерках Паустовским владеет мысль, «что Пушкин был первым у нас народным поэтом»³². Им гордятся местные жители и «берегут заповедник не хуже, чем свои огороды и поля»³³.

---

²⁶ Там же. С.161.

²⁷ Там же. С.164.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 165.

³⁰ Паустовский К. Г. Ветер скорости (Из путевого дневника) // Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 тт. Т. 7. М., 1983. С.128.

³¹ Там же. С.128–129.

³² Паустовский К. Г. Михайловские рощи. С.168.

³³ Там же. С.163.

К Пушкину съезжаются на день рождения, приходят по велению души, как, например, цыганский табор: «Цыгане подошли к домику няни, о чем-то тихо поговорили между собой, потом ударили в ладоши, и цыганки вдруг начали плясать. Разноцветные шали и юбки разлетелись, будто ветер закружил охапки красных, желтых, лиловых, белых и синих цветов.

Эта безмолвная пляска цыганок в совершенно безлюдном парке около дома Пушкина, да еще поздней осенью, когда кочевая жизнь должна давно окончиться, была неожиданна и удивительна. Казалось, что цыганки плясали перед самим Пушкиным и только для него одного»³⁴. Так утверждалась писателем органичная связь поэта с родной землей и ее народом.

Одна из самых поэтических интерпретаций Михайловского (и Пушкиногорья в целом) принадлежит Ю. Н. Куранову. Его небольшие рассказы 1970-х годов полны благоговейного чувства по отношению к этой земле, целой заповедной стране, где «все приобретает значение и смысл. Все оживает, и все становится важным, все становится осязательным. Где-то витязь наклонился с седла над камнем и вопрошает себя, какой пойти дорогой; где-то в корчме пируют монахи и кричат зычными простуженными голосами; кто-то бессонствует над книгой под светом лампы; и кто-то скачет в Литву за чужой, иноплеменной ратью, чтоб с ней вернуться и жечь свои края...»³⁵. Проникновенному посетителю откроется, как няня ночью бродит по усадьбе со своей лучиной, он расслышит, как чьи-то «быстрые шаги спустились по крыльцу, словно кто-то торопится пройтись <...>, прежде чем усестись надолго у камина»³⁶, он может даже встретиться с Музой. Сотканная из образов, литературных и исторических, атмосфера в усадьбе поэта приковывает, завораживает автора, и потому камертоном звучит мысль: «Что за горькая несуразность – уезжать из этой страны, где <...> думается, дышится и чувствуется так легко. И где обыкновенные холмы превращаются в горы»³⁷. Здесь на каждом шагу происходят открытия.

³⁴ Паустовский К. Г. Ветер скорости. С.129.

³⁵ Куранов Ю. Н. Сердце ключей. М., 1977. С.119–120.

³⁶ Там же. С.120.

³⁷ Там же. С. 122.

В лирическом ключе описывается и михайловский парк: «Это парк насажен для шагов. И для шагов проложены аллеи. Парк стоит в небе. Так что можно сказать – шаги раздаются высоко над землей.

Земля сухая. Среди деревьев просторно. Листья молчат. Она лишь накаляется яростным светом октября. И липы, и клены. Земля аллей звучна и ждет шагов. Большая липовая аллея похожа на корабль. Корабль с трепещущими парусами, плывущий в облаках. И здесь среди шагов вдруг слышишь, как будто ветер проносит мужским голосом:

В их сенях ветра шум и свежее дыхание...»³⁸

В этом парке автор замечает не разнообразие ландшафтных затей (которых на самом деле немало), а движение и звучность. Ему слышатся слагаемые в воздухе пушкинские строки. «Вошли в аллею, как в глубину пруда. Водянистый воздух шелестел, разводил перед глазами круги, полукружия, струи. Шли аллеей, словно плыли. Вышли к деревянному дому с высоким крыльцом. Перед домом на мощном пне стояла крошечная пушка и смотрела заколоченным дулом»³⁹. Все здесь необычно, все завораживает. Метафора плавания восходит к пушкинскому пониманию творчества как стихии: «Громада двинулась и рассекает волны. / Плывет. Куда ж нам плыть?..»⁴⁰ и перекликается с представлением Д. Самойлова о состоянии вдохновения, переживаемом поэтом здесь:

Деревья пели, кипели,
Переливались, текли,
Качались, как колыбели,
И плыли, как корабли.
Всю ночь, до самого света,
Пока не стало светло,
Качалось сердце поэта –
Кипело, пело, текло⁴¹.

³⁸ Там же. С.117.

³⁹ Там же. С.157.

⁴⁰ Пушкин А. С. Осень (отрывок) // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т.2. М., 1982. С. 218.

⁴¹ Самойлов Д. С. Михайловское // Самойлов Д. С. Избранное. Стихотворения и поэмы. М., 1980. С.189.

И Куранов, и Самойлов определяли Михайловское как идеальный, внебытовой локус. Здесь происходит гармоничное слияние души поэта с миром. Это место, где дышишь «очищающим воздухом озер, лесов и поэзии»⁴².

Совсем иной поворот мифологии Михайловского представлен в повести С. Д. Довлатова «Заповедник» (1983), хотя и в ней также отмечался почти неизменный со времен поэта пейзаж: «Здесь все подлинное. Река, холмы, деревья – сверстники Пушкина. Его собеседники и друзья. Вся удивительная природа здешних мест...»⁴³. Однако у Довлатова лирическая интонация, столь характерная для предшественников писателя, сменяется иронической: изображая музеефицированную усадьбу, автор рисует своего рода «мавзолей» поэта, где «все служители пушкинского культа были на удивление ревнивы. Пушкин был их коллективной собственностью, их обожаемым возлюбленным, их нежно лелеемым детищем. Всякое посягательство на эту личную святыню их раздражало»⁴⁴. Заповедник у Довлатова предстал уже «грандиозным парком культуры и отдыха»⁴⁵, этаким комбинатом, осознанно творящим миф о поэте. Этот миф проступает в лишенных живого чувства и мысли фразах «служительниц пушкинского культа»: « – Тут все живет и дышит Пушкиным, – сказала Галя, – буквально каждая веточка, каждая травинка. Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота... Цилиндр, крылатка, знакомый профиль...» Преувеличенный восторг героини автор прерывает иронической репликой: «Между тем из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач»⁴⁶.

Довлатов отмечает повсеместную театрализацию в этой «обители пропаганды»⁴⁷: «Виктории Альбертовне можно было дать лет сорок. Длинная юбка с воланами, обесцвеченные локоны, инталио, зонтик – претенциозная картинка Бенуа. Этот стиль выми-

⁴² Куранов Ю. Н. Сердце ключей. С. 129.

⁴³ Довлатов С. Д. Заповедник // Довлатов С. Д. Собр. соч.: В 3-х т. Т.1. СПб., 1993. С. 347.

⁴⁴ Там же. С. 347.

⁴⁵ Там же. С. 378.

⁴⁶ Там же. С. 333.

⁴⁷ Тудоровская Е. А. Путеводитель по «Заповеднику» // Звезда. 1994. № 3. С.195.

рающего провинциального дворянства здесь явно и умышленно культивировался. В каждом из местных научных работников заявляла о себе его характерная черточка. Кто-то стягивал на груди фантастических размеров цыганскую шаль, у кого-то болталась за плечами изысканная соломенная шляпа. Кому-то достался нелепый веер из перьев»⁴⁸. Автор подвергает сомнению культивируемые здесь легенды, говоря, например, об «аллее Керн», название которой появилось в музейном обиходе еще до эпохи С.С. Гейченко, в середине 1930-х годов⁴⁹: «...это выдумка Гейченко. То есть, аллея, конечно, имеется. Обыкновенная липовая аллея. А Керн тут ни при чем. Может, она и близко к этой аллее не подходила»⁵⁰. Миру подмены на музейной территории писатель противопоставляет неидеализированные окрестности: «Дорога тянулась к вершине холма, огибая унылое поле. По краям его бесформенными горами темнели валуны. Слева зиял поросший кустами овраг. Спускаясь под гору, я увидел несколько изб, окруженных березами. В стороне бродили одноцветные коровы, плоские, как театральные декорации. Грязные овцы с декадентскими физиономиями вяло щипали траву. Над крышами летали галки»⁵¹. Таким образом, заповедник предстает у Довлатова уже не просто оазисом, живущим по своим законам, но некой фабрикой грез.

Подобный взгляд позднее будет оспаривать В. Я. Курбатов, называя Михайловское «пространством игры»: он расценивает атмосферу импровизации в Заповеднике, полет фантазии как «все тот же счастливый театр никуда не девшейся пушкинской музыки»⁵².

Возвышенную ноту пушкинских пенатов берегут и другие, в результате чего лиризм продолжает перевешивать талантливую довлатовскую пародийность. Для паломников Михайловское – не музейный объект для воспитания масс, а оазис уединения и самопостижения. Так, Вс. Рождественский, приветствуя «В густой

⁴⁸ Довлатов С. Д. Заповедник. С.346.

⁴⁹ Пушкинская михайловская энциклопедия (материалы). Михайловское. Тригорское. // Михайловская пушкиниана: Вып. 13. М., 2001. С. 58.

⁵⁰ Довлатов С. Д. Заповедник. С. 384.

⁵¹ Там же. С. 342.

⁵² Курбатов В. Я. Пушкин на каждый день. Псков, 2014. С. 196.

тени Михайловских аллей / Весенних листьев молодость и трепет», сочувствовал все же одиночеству «трех сосен», что некогда «разделяли радость и печаль / Под ними отдыхавшего собрата». Для поэта они стали примером жизнестойкости:

Он слушал их неторопливый шум
И под скупой расплесканною тенью
Во власти невеселых долгих дум
Учился горделивому терпенью⁵³.

Е. Н. Морозкиной михайловский парк, уводя в прошлое, внушал высокий строй чувств и дум: «Опять полосатые тени / Легли на аллее еловой. / Они повели, как ступени, / В заветные сени былого».⁵⁴ Этот уход благотворен для таланта, поскольку дает возможность испытать вдохновение, тем более что на этой земле естественна взаимосвязь природы и культуры: «Здесь русской поэзией дышит / В морозном просторе природы».⁵⁵

Т. М. Глушкова, жившая и работавшая в музее несколько лет, также запечатлела биение своего сердца в унисон природе, обостренность переживаний михайловских пейзажей, отливающих в поэтические образы:

Михайловское!.. Плакать, плакать
под соснами, под звездами, в тиши,
и в Сороти вечерней долго плавать,
и темные тревожить камыши.
И на исходе северного лета
с самой судьбой смешать черновики...⁵⁶

Причем в обители пушкинского творчества толчком к рождению стиха являются звуки, неважно, где услышанные – в природе или в усадебном доме:

Звон церквушки деревянной,
круглый голос отдаленный,
мех и сани, вырезные
дуги, лошади седые...

⁵³ Рождественский Вс. А. Три сосны // Рождественский Вс. А. Избр. произведения: В 2-х т. Т.1. Стихотворения. М., 1988. С. 223.

⁵⁴ Морозкина Е. Н. Святогорье (памяти С. С. Гейченко). М., 1999. С. 11.

⁵⁵ Там же. С. 24.

⁵⁶ Глушкова Т. М. Не говорю тебе прощай... М., 2002. С. 198.

Дом поэта чист и ясен,
много света, птичьих перьев,
книга каждая гордится
пышной титульной страницей.

<...>

И такие косогоры
за окном, такие дали...
Снег румяный серебрится
и пылит вишневым цветом.

Глушкова передает творческий процесс через взаимоотношения поэта с Музой – явлением творческой благодати, воплощенной в своенравную красавицу:

Полунощница босая,
чернозубая цыганка,
то приносит волчьих ягод,
то грошовой скрипкой воет.

Только раз она стояла,
уложив, как дева, косы,
как вдова и как невеста, –
ночь и день у изголовья.

А потом трещала свечка,
мышь шуршала, половицы
рассыхались, хлопал ставень
и долбили лед лопаты... (1969)⁵⁷

Связь с Музой иррациональна, но благодаря ей переживание случайных впечатлений переплавляется в поэзию и, значит, приобретает вневременной статус.

Потому литераторы, оказавшись в михайловском заповедном краю, ощущают не только гармонию поэзии и пейзажа, но даже превосходство пушкинских строк над природой:

Неужто двести лет аллеям этим?

А те дубравы... Сколько же им лет?

---

⁵⁷ Глушкова Т. М. Дом поэта // Глушкова Т. М. Стихотворения. М., 1992. С. 80–81.

Засохнут липы, пробегут столетья...

Останется бессмертным лишь Поэт.⁵⁸

Новый этап в мифологизации Михайловского представляет повесть Б. Н. Сергуненкова «Прогулки к Пушкину пешком и на велосипеде» (2011). В ней известная мысль о слиянии поэта с природой этих мест предстает уже с четким метафизическим разворотом. Лишь на первый взгляд парадоксально автор соотносит Михайловское с райской обителью: «Входим в усадьбу поэта. Куда мы входим? В усадьбу поэта? Нет, мы в райские кущи вторгаемся, нам сам апостол Петр ключи от калитки подает. Идем по дорожкам, по аллеям парка, глядим направо, налево. Что мы там видим, глядя направо? Цветущие пионы? Нет, мы райские цветы созерцаем, услаждающие нас своими ароматами. Глядим налево. А там что видим? Яблоневый сад? Нет, мы видим райское дерево познания добра и зла, мы видим вечное дерево жизни. Проходим мимо них, яблоки еще зеленые, не сорвать, не съесть. Идем дальше. А там что? Опальный домик поэта, где он прожил, по его собственным словам, ровно два года? Или драную крышу дома? Или облупившиеся стены его? Нет, мы видим сверкающие чертоги, дивную обитель. И дальше мы идем, и дальше, видится нам дуб, Птица Сирин, райский соловей сидит на ветке дуба. Подходим поближе, чтобы получше ее разглядеть, да заодно и получше услышать ее песнь»⁵⁹. На глазах читателя усадьба преобразается в Эдемский сад со всеми его атрибутами: оградой, благоуханными цветами и деревьями, сладкоголосыми птицами. Авторское повествование балансирует между фантазией и явью, наваждением и реальностью. Иногда оно возвращает читателя в реальность, переводя рассказ в слегка иронический регистр: «Птица взлетает. Оказывается, это ворона. Как она сюда попала?», но от этого высота восприятия пушкинской обители не снижается.

Повесть Сергуненкова сближается с курановской. Лирический герой в «Звучности леса» порою ощущал «кого-то» за спи-

---

⁵⁸ Фокин В. И. Свидание // Золотцев С. А., Фокин В. И. Соло на два голоса: Избранные стихи. Псков, 2003. С.57.

⁵⁹ Сергуненков Б. Н. Прогулки к Пушкину пешком и на велосипеде // Сергуненков Б. Н. Три ключа. СПб., 2011. С. 13.

ной, кто «ходит вокруг него, но никак не может подойти»⁶⁰. Так поэт подавал автору едва уловимые знаки своего присутствия. Для Сергуненкова хозяин усадьбы здесь «живет, как жил столько-то лет назад и будет жить вечно, как живут вечно сосны, чайки, река Сороть, сияющее солнце, тишина»⁶¹. Он целиком растворен в окружающем пространстве: «Встречаюсь ли с одуванчиком, с озером, с речкой, с утренним солнцем, с облаками, с уткой, с людьми, с соседями по деревне, со знакомыми из иных мест, как будто встречи не с ними, а с самим поэтом»⁶². Пушкин стал духом этого места, его *genio loci*, с которым автор ведет беседы, переживает дружбу как великое чудо: «Выйдем на озеро, закинем удочку. Озеро синее и небо синее, не различишь, где одно, а где другое. Бросишь удочку в озеро, попадешь в небо, вытаскиваешь оттуда серебряные облака. Бросишь в небо, попадешь в озеро. Вытаскиваешь – золотые»⁶³. Сон и явь, непреходящее и кратковременное здесь смыкаются, подобно небу и озеру. Потому автор ощущает себя и в земном, и в вечном измерении, встречая на своем пути то лорда Байрона, то академиков из Пушкинского дома.

Вслед за своими предшественниками наш современник ищет ответ на вопрос: в чем исключительная притягательность этого места для русской души? И отвечает: в михайловском Раю, среди «этих немеркнущих небес, этих сияющих полей и лесов, этих блистающих дол и вод»⁶⁴, паломник прикасается к тайне гения Пушкина как отражении тайны самого бытия: «И чем чаще я с ним встречаюсь, чем больше в него вглядываюсь, тем больше в этой тайне нахожусь. Вроде бы все о нем знаешь, а на самом деле он для тебя тайна, как бог, как лист травы»⁶⁵. Так утверждается в литературе сакрализация Михайловского.

Усадьба Михайловское в культурном сознании XX века выступает не как объект описания, а как образ той обетованной

---

⁶⁰ Куранов Ю. Н. Сердце ключей. С. 163.

⁶¹ Сергуненков Б. Н. Прогулки к Пушкину пешком и на велосипеде. С. 6.

⁶² Там же. С. 14.

⁶³ Там же. С. 20 – 21.

⁶⁴ Там же. С. 64.

⁶⁵ Там же. С. 47.

земли, где человек приобщается к метафизическим основам жизни.

Тригорское: «Погружаешься в парк, как в роман...»

Если Михайловское устойчиво ассоциируется с кельей творчества, то шумное, веселое Тригорское – с поместьем Лариных. Это проявилось еще в мемуарах В. В. Тимофеевой-Починковской: «Особенно хорош был этот вечер в Тригорском, когда мы ужинали и пили чай в “доме Лариных” при открытом окне. Старинный дом со старинной обстановкой. Старинные окна с солнцем выжженными стеклами выходят на лужайку, и пруд с качающимися на нем белыми кувшинками. Старинный парк мечтательно дремлет за ним в отдалении. Луна в серебряных лучах бросает фантастические тени. “Тут ходил ведь сам Пушкин!” – неожиданно вслух замечает художник. А я мысленно продолжаю: “И сидел, и смотрел вот в это окно на тот же луг и тот же пруд. И то же небо с вечерней зарей и луной светило ему. И так же угощали его, может быть, клубничным вареньем или малиной со сливками”...»⁶⁶. Причем, мифологизации подвергался как усадебный дом, так и старинный парк, в аллеях которого даже мерещился пушкинский облик.

К. Г. Паустовский воспринял и нарисовал здешний парк солнечным и радостным, в отличие от михайловского: «Тригорский парк пропитан солнцем. Такое впечатление остается от него почему-то даже в пасмурные дни. Свет лежит золотыми полянами на веселой траве, зелени лип, обрывах над Соротью и на скамье Евгения Онегина. От этих солнечных пятен глубина парка, погруженная в летний дым, кажется таинственной и нереальной. Этот парк как будто создан для семейных праздников, дружеских бесед, для танцев при свечах под черными шатрами листьев, девичьего смеха и шуточных признаний. Он полон Пушкиным и Языковым»⁶⁷.

Я. А. Гордину, жившему в Заповеднике в 1960-е годы, тригорская усадьба, напротив, представлялась мрачной, обреченной:

---

⁶⁶ Цит. по: Давыдов А. И. Воспоминания В. В. Тимофеевой (Починковской) «Шесть лет в Михайловском». С. 16–17.

⁶⁷ Паустовский К. Г. Михайловские рощи. С.164.

«Ты погибаешь, зимний дом!// Уже не вылупиться к лету / Той бабочке, что над прудом / Садилась в легкую карету, // Той барышне, что берегла / в своих альбомах почерк легкий, – / Подводным холодом стекла / Покрыт сей дом, такой далекий». Дом, «сей деревянный долгий кокон», связан у поэта с ощущением невозвратности прошлого, холодной пустоты, всевластия смерти. Однако в финале стихотворения драматические ноты сменяются обнадеживающей интонацией: «И только помнится едва / Ее поэт, гусар, любовник, / И только ласточки-слова / Еще летят в ее альбомах»⁶⁸. Поэт убежден: слова, звучавшие здесь и записанные когда-то, бессмертны.

В интерпретациях Тригорского важен мотив воспоминаний, вот почему Е. Н. Морозкина акцентирует внимание на прудах – темных, но прекрасных: «Белые лилии / В черном пруду./ Мост словно вылили./ Я ли иду?» Черные пруды связаны с глубиной, бездонностью памяти. Одновременно они же и зеркала, в которых отражается прошлое: «Липы отцветшие / Сладко дохнут – / Смотрит прошедшее / Ласково в пруд.// Эти опушки ли / В светлой тени/ Видели Пушкина/ В давние дни?»⁶⁹

Воспоминаниями пронизан Тригорский парк у Ю. Н. Куранова: «– Там, в «Зеленом зале»<...> шелестят просторные платья на сверкающем ветре. Танцуют, подняв над головами широкие хрустальные чаши. Танцуют, кружась и глядя друг на друга. Листва полна лунного света. Со дна каждой чаши бьет невысокий родник. Танцую, подносят чашу к губам и пьют из родника. И платья развеваются от танца и бега, как листва этих лип. Под крышей дома ласточки. В гостиной фортепьяно. И две свечи на нем в подсвечниках. На фортепьяно медленно играют. Фортепьяно производит не звуки, а слова:

⁶⁸ Гордин Я. А. Памяти птицы. Книга стихов. СПб, 1999. С. 13.

⁶⁹ Морозкина Е. Н. Святогорье (памяти С. С. Гейченко). М., 1999. С. 31. См. также: Ганнибал Б. К. Тригорские «зеркала» в их растительной оправе. О прудах усадебного парка // Михайловская пушкиниана. Пушкин и 1812 год: Материалы научно-практической конференции «Золотой век французской книги в России (4-8 апреля 2012 года) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15-19 августа 2012 года). Вып. 58. Сельцо Михайловское, 2013. С. 352–363.

...Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал,
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив...

Свечи колеблются. Бьют высокие английские часы, звон уходит высоко. Сквозь тихий сон внимают звону ласточки. Луна колеблет чаши. Танец среди лип.

...И ныне

Я новым для меня желанием томим:

Желаю славы я, чтоб именем моим

Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною

Окружена была, чтоб громкою молвою

Все, все вокруг тебя звучало обо мне,

Чтоб, гласу верному внимая в тишине,

Ты помнила мои последние моленья

В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

А ниже ручей. Вода стекает по колоде и бормочет. Словно кто-то торопливо старушечьим голосом отчитывает какое-то беспечное существо. А в «Зеленом зале» танцует девочка. Теперь здесь пусто. Девочка одна, <...> девочка в короткой юбке и в матросской куртке. Она танцует с матросской шапочкой в руке. И прислушивается к фортепьяно...»⁷⁰. Внимая звукам природы (пению кленов, елей, лип), Куранов тклет в своем воображении картины прошлого, сплетает воедино разные исторические времена. Источником для творческих фантазий являются мгновения, пережитые когда-то обитателями имения, неслучайно в прозаический текст включаются пушкинские строки. Автор словно внушает, что мотивы и сюжеты литературных произведений зарождаются и живут в самом усадебном пространстве.

Встречаются, однако, попытки, подобно Г. М. Кружкову, взглянуть на знаковый локус парка, восходящий к «Евгению Онегину», под другим углом зрения: «...на другой горе, над обрывом, скамейка. / Там какой-то маленький Онегин / что-то говорит Татьяне – / или Ольге? – неважно, для коровы / это далеко

⁷⁰ Куранов Ю. Н. Сердце ключей. С.164 – 165.

и мелко»⁷¹. Авторская ирония (поскольку романная история увиденна глазами коровы) подчеркивает ничтожность человеческих переживаний по сравнению с вечностью: «Такое огромное небо. / Такой маленький Онегин». Но даже при таком парадоксальном восприятии связь Тригорского с «деревенскими» главами пушкинского произведения неразрывна.

В стихотворении М. Б. Мейлаха «Тригорское» природное пространство, будучи заряженным поэзией («И серое небо двенадцатистопным / Давило на плечи на круглом лугу»), как встарь, пробуждает творческое состояние у обитателей усадьбы:

В подсвечниках Вульфа пылали огарки.
Глаза застлал синеватый туман.
И время казалось случайным подарком,
Который нам Божию милостью дан.
А ночью призывно, то громче, то глуше
Шумели деревья то вместе, то врозь.
И были пропитаны сырые души
Всей сыростью мокрого снега насквозь.
Под шумом дерев, вопреки вольнодумству
Из камня и глины не смевших создать
Подобие Бога, – иное безумство
Рождалось – невидимым звездам под стать⁷².

Камертоном вдохновения выступают деревья, как и в парке Михайловского.

Пожалуй, точнее других мысль о связи тригорского парка с литературой удалось выразить поэту, актеру, режиссеру В. Э. Речептеру. Он пишет об их созвучии, взаимоотражении:

Погружаешься в парк, как в роман,
где ветвятся живые сюжеты.

Созданный по английскому образцу, тригорский парк располагает к романтическим мечтаниям, уединению, любовным свиданиям. Пушкинский «магический кристалл» преобразил его

⁷¹ Кружков Г. М. Скамья в Тригорском . [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/kruzhkov2-3.html>

⁷² Антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны»: В 5 т. Сост. К. К. Кузьминский, Г. Л. Ковалев. Т. 2Б. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [KKK-bluelagoon.ru / index.htm](http://kkk-bluelagoon.ru/index.htm)

в поэтический мир дворянской усадьбы. Однако свое размышление Рецептер переводит в другую плоскость, противопоставив замкнутую камерность парка безбрежному пространству за рекой:

Но английский расчисленный план
обрывается около Леты
или Сороти... Там, за рекой,
что тебя и звала, и пугала?
не разрублен на главы покой,
а пространство не ищет финала.

Образ Леты-Сороти в роли реки «забвения» заявляет важную для автора проблему жизни и смерти. При этом онтологические размышления не отрываются от конкретных пейзажных реалий, опыт частной жизни переводится в пространство вечности. Образ Тригорского парка подчеркивает двуединство бытия – физической и метафизической сфер, сиюминутного и вневременного, природного ландшафта и мира творческого воображения:

Две реальности вновь наравне,
и тебе непосильна разгадка,
чья возьмет и какой стороне
ты отдашь эту ночь без остатка... (14 июля 2007)⁷³

В. Рецептер вовлекает в круг раздумий и Савкину горку – один из локусов между тригорской и михайловской усадьбами. Для него именно она является местом поэтического вдохновенья, творческого уединения, однако автор констатирует: «Савкина горка народу полна./ Модной становится, что ли?...». В. Рецептер использует пушкинский образ толпы, из любопытства обращенной к поэту, не ведающей подлинного духа этих мест. Осознавая близящееся предстояние перед Творцом, он обеспокоен, тем не менее, не собственной судьбой, а этим местом паломничества: «Господи!.. Если я слышен, внемли! / Горку бы не затоптали...»⁷⁴.

Таким образом, пейзаж Тригорского и его окрестностей ассоциируется у литераторов с полетом вдохновения, дает им импульс

⁷³ Рецептер В. Э. Погружаешься в парк, как в роман... // Рецептер В. Э. Ворон в Таврическом. Книга стихов. СПб., 2009. С. 53.

⁷⁴ Рецептер В. Э. Господи, Господи, что я хочу... // Рецептер В. Э. Ворон в Таврическом. С. 69.

к рождению второй реальности, а контрапунктом интерпретации усадьбы выступает пушкинский роман.

Петровское: «...вот он, прошлого портрет...»

Значительно позднее мифологизация коснулась усадьбы Петровское, поскольку музей пришел в эту усадьбу лишь в 1980-е годы⁷⁵. Закономерно, что побывавший здесь в 1930-е годы К. Паустовский отмечал запущенность и мрачность старинного парка: «Петровский парк хорошо виден из Михайловского за озером Кучане (оно же Петровское). Он черен, сыр, зарос лопухами, в него входишь, как в погреб»⁷⁶. Но и в заброшенном состоянии он привлекал посетителей, выступая как парк памяти.

«Дубов и лип высокий строй,/ Высокий строй души минувшей» отмечал в нем Я. А. Гордин, проводя параллель между природой и человеком. Именно этот парк притягателен для поэта, стремящегося постичь метафизические законы жизни:

Чтоб, глядя времени вослед,
Понять, немея от догадки,
Что вот он, прошлого портрет,
В смертельном ледяном порядке...⁷⁷

«Парку в Петровском – гнезду Ганнибалову» посвятила элегическое стихотворение Е. Н. Морозкина. Образ старых лип (основной древесной породы парка) освящает воспоминания, волнующие автора: «Старые липы, травам кадя, / Сладостный ладан возносят клубами». Отдаваясь им, поэтесса погружается в прошлое:

В парке заброшенном нет никого,
Только струятся воспоминания...
Словно на землю вернулись преданья,
Словно в судьбе моей – все ничего.
Длинные всхлипы... Шорох дождя...

⁷⁵ О судьбе усадьбы и о парке см.: Козмина Л. В. Петровское. Пушкин и Ганнибалы. М., 2003. С. 149–158.

⁷⁶ Паустовский К. Г. Михайловские рощи // Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. С. 164–165.

⁷⁷ Гордин Я. А. Памяти птицы. Книга стихов. СПб, 1999. С.24–25.

Крупные капли... Зовущие звуки...
Липы простерли ко мне свои руки,
Вслед за собою меня уведя⁷⁸.

Парк, где «время вдруг остановило бег», выступает топосом раздумий, воспоминаний, даже грез. Здесь воображение поэта явно рисует облик давнего хозяина усадьбы:

И мнится: вышел старый Ганнибал,
В собольей шубе и бобровой шапке,
И с палкой по аллеям зашагал,
В сугробах помышляя об арапке (1991)⁷⁹.

Встречи с прошлым переживает и Т. М. Глушкова, хотя ей не свойственны ни пейзажные зарисовки, ни исторические видения. Для нее важнее – передача эмоционального состояния. Так, в стихотворении «Петровское (У Ганнибалов)» определяющим является чувство свободы, обретенное здесь: «Если, выкрав храпящую тройку, / гикну, свистну, хлестну лошадей: / ну-ка, милые, трогай – в сторонку /беспечальной любви моей».⁸⁰ Соприсутствие поэта у Глушковой очевидно: то в мелькнувшей «белозубой тени», то в звучащей строке «Друзья мои, прекрасен наш союз», то в жесте:

Он будет лыс, иль рус, иль темнокож,
Стгрызя перо и выжав, точно губку,
Он мне швырнет кирку, лопату, нож,
Чтоб я свою оставила зарубку⁸¹.

Имя Пушкина, священное для поэтессы, не произносится, но именно ей он передает поэтическую эстафету.

Петровское устойчиво ассоциируется с прошлым, памятью, чувством преемственности.

Итоги

Подобно «царскосельскому коду» русской литературы можно говорить о существовании в отечественной словесности «пушки-

⁷⁸ Морозкина Е. Н. Святогорье (памяти С. С. Гейченко). С. 29.

⁷⁹ Там же. С. 27.

⁸⁰ Глушкова Т. М. Разлуки нет. М., 1981. С. 78.

⁸¹ Там же. С. 79.

ногорского кода», который включает в себя топосы усадеб Михайловское, Тригорское и Петровское⁸². Сложившаяся в литературе мифология состоит из ряда устойчивых признаков: парки, аллея Керн, три сосны, скамья Онегина, река Сороть и ее берега, озёра, Савкина горка. Несмотря на ботаническое разнообразие усадеб⁸³, литераторы чаще всего апеллируют к обобщенным образам деревьев, соотносят свое состояние с ними, лишь в отдельных случаях выделяя липу, ель, сосну, дуб.

Три псковские усадьбы в культурной памяти превратились в сказочную страну, осененную присутствием Пушкина:

Там Лукоморье двери отворит...
Там вся земля стихами говорит!
Там золотой листвою душа Поэта
Над Соротью осеннею парит⁸⁴.

Они стали пространством поэтических откровений, литературных и исторических воспоминаний. Местом постижения родины и самих себя: «Здесь плывет взволнованная песня красоте нашей земли, родству этих рощ и берегов со всеми, даже самыми неприметными, ключами красоты и силы нашей от океана до океана. А сами вы не замечаете, как становитесь чище, проще, возвышенней»⁸⁵. Тем «наследным гнездом», которое приобщает человека к тайнам бытия:

Настежь въездные распахнуты ели.
За обручальною этой чертой
Необлетающий век золотой,
Вечность для смертного на две недели⁸⁶.

---

⁸² Рассмотрение образа Святогорского монастыря и могилы поэта не входило в задачи данного исследования.

⁸³ См.: Лысюк Е. А. Пушкинский вертоград. Цветы и травы Михайловского. Великие Луки, 2000.

⁸⁴ Золотцев С. А. Меня рябина медом угостила... // Золотцев С. А., Фокин В. И. Соло на два голоса: Избранные стихи. Псков, 2003. С. 56.

⁸⁵ Куранов Ю. Н. Сердце ключей. С.136.

⁸⁶ Галушко Т. К. В отпуск в Заповедник // Галушко Т. Древо времени. Л., 1988. С. 107.

**УСАДЬБА: ПРИРОДНО-
ЛАНДШАФТНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ**

«Люблю ваш сумрак неизвестный...»

*Уважение к минувшему – вот черта,
отличающая образованность от дикости.*

А. С. Пушкин

Умение построить усадебный дом, разбить парк среди природной русской красоты – великий дар ландшафтных архитекторов XVIII – XIX веков.

Дворянские усадьбы Псковской губернии – яркий тому пример. И усадьбы пушкинского края стоят в череде их, напоминая о своих владельцах, давая возможность ближе познакомиться с русской парковой культурой.

«Природа Псковская удивительно просветленна. В ней нет хмурой неподвижности северных русских лесов, тоски бесконечных болот, сияния знойной степи. В ней тихая ясность и мера – человеку здесь вольно, легко. Картины постепенно меняются, и среди белесой спокойной равнины предчувствуешь, что где-то в дымке уже потянулись длинные прозрачные озера в сосняках, перелесках»¹.

Как правило, сама усадьба ориентировалась на какой-то водоем: реку, озеро; главный усадебный дом зачастую строился на крутом берегу озера или речной круче. Вода, как чистый лист бумаги, манил к себе и очаровывал.

Через ясные дни и непогоду, через годы и столетия, через революцию, войны и пожары дошли до нас парковые ансамбли Пушкинского уголка.

Частью музейной парковой коллекции под открытым небом являются старовозрастные и мемориальные деревья. Наличие старовозрастных деревьев придает особое очарование мемориальным паркам. Потому в каждодневном уходе и содержании парковых ансамблей столь необходимой и первостепенной является забота о деревьях-ветеранах. Они, как живые современники Пушкина, как живые свидетели истории уводят нас в года ми-

---

¹ Памятники древнерусского зодчества. Земля Псковская: Альбом. Сост. и автор фотографий Б. Скобельцын. Л., 1972. С. 3.

нувшие, когда здесь все было по-другому. Из числа этих старых деревьев можно выделить посадки аллеиные, групповые, в том числе, куртины и одиночные – солитеры.

Таким образом, аллеи и памятные места мемориального парка и окружающих Михайловское мемориальных ландшафтов прочно закрепили за собой статус «пушкинских». Чувство это идет от восприятия Пушкиным окружающей действительности:

... люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.

(II, 1, 82)².

«Наследственная сень», как называл А. С. Пушкин сельцо Михайловское, – это не только его «опальный домик», «скромная семья моей обитель», но и сад (парк), фруктовый сад, окрестности»³.

Нежную любовь к родовому гнезду поэт отобразил в своем творчестве. Проходя по парку, гуляя по окрестностям Михайловского, понимаешь, как красота местных пейзажей вошла в душу опального поэта. Ему не надо было к ним привыкать, с Михайловским он был знаком давно. Необходимость состояла в другом: свыкнуться с мыслью об изгнании, о вынужденном одиночестве, о друзьях, находившихся так далеко, о светской столичной жизни, от которой его отлучили. «Очарование русской деревни... возможность работы – все это понемногу затягивало душевные раны. После рассеянной кипучей жизни прошлых лет Михайловское оказалось неожиданной тихой заводью, торжественным уединением, предоставившим поэту досуг для усиленного чтения, поэтического сосредоточения и большой творческой работы»⁴.

² Здесь и далее ссылки даются на изд.: Пушкин А. С., Полн. собр. соч.: В 17 (19) т. М., 1994–1998, с указанием в скобках тома – римскими и страницы – арабскими цифрами.

³ Лобанова Э. Ф. «Люблю сей темный сад...» Методическая разработка экскурсии по парку с. Михайловского // Михайловская пушкиниана. Вып 21. Методические разработки экскурсий. М. 2002. С.13.

⁴ Пушкинские места / Вступ. ст. Д. П. Якубовича. Л., 1936. С. 9.

«Поэзия как ангел утешитель, спасла меня, и я воскрес душой» – писал Пушкин в черновом варианте стихотворения «Вновь я посетил...». Поэзия, несомненно, была навеяна картинами окружающих пейзажей, которые, как и парки, стали частицей жизни поэта на протяжении двух долгих лет ссылки.

От главного усадебного дома открывается прекрасный вид на озеро Кучане, от «Домика няни» – «на мельницу крылату» вблизи Сороти, Савкину горку, на озеро Маленец:

Везде передо мной подвижные картины:
здесь вижу двух озер лазурные равнины...

(II, 82)

Сама природа, такая просветленная и сокровенная, такая русская, что поэт растворился в ней и перенес ее на свои произведения. В творчестве Пушкина прослеживается гармоничное слияние поэзии с природой.

«В парке Михайловского от пушкинских времен сохранились еловая аллея и липовая аллея, связанная с именем А. П. Керн, следы планировки более старых аллей, курганы и пруды»⁵.

Среди всего многообразия в парке, естественно, первое место занимает липовая аллея («Аллея Керн»), вблизи которой лирическое стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» звучит особенно выразительно. Сейчас «Аллея Керн» представляет собой рядовую посадку старых лип, где сохранилось 26 мемориальных деревьев в возрасте 210 – 220 лет. Деревья такого возраста, пережившие катаклизмы и потрясения революции, послереволюционного полубезвластного бесчинства, страшный февраль 1918 года, когда пылали все окрестные усадьбы, и последующие за этим годы становления законной власти в лице руководства заповедника, чувствуют себя не очень хорошо. Потому сейчас аллея закрыта для прохода посетителей. Задача сотрудников Пушкинского Заповедника состоит в том, чтобы как можно дольше сохранить аллею для нынешнего и будущих поколений.

Въездная «Еловая аллея» – дорога, являющаяся одним из двух основных входов на усадьбу. Из 95-ти существующих аллеиных деревьев сохранилось 6 мемориальных в возрасте 190 – 230

---

⁵ Там же. С. 19.

лет. Аллея протяженностью 400 метров, начинается восстановленной в 1977 году часовней Михаила Архангела. Зеленые пышные лапы-ветви молодых елей южной части аллеи приветствуют каждого, входящего под своды парка. Эти молодые деревья напоминают о смене поколений, о прочной связи старого с новым, о непреходящей радости бытия. После пересечения старой ганнибаловой дороги, ведущей из Петровского к Савкиной горке, молодые ели сменяются старыми, которые строго шумят своими темными кронами. Несомненно, чувство встречи с любимыми зе-

леными друзьями невозможно было выразить иначе, чем сказал поэт:

В разны годы
Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я...

(III, 996)

Еловая аллея заканчивается у самого входа на непосредственно усадьбу. И здесь, еще не успев охватить взором её всю, посреди подъездного дернового круга видишь огромный, величавый вяз, а по периметру круга – ряд стриженных лип. Их двадцать шесть. Число это не случайно, 26 мая – день рождения А. С. Пушкина. Липы стриженные, поэтому не каждый может сразу определить возраст деревьев; они всегда создают впечатление молодых и только корявость стволов да дупла на некоторых из них выдают возраст. Вяз возвышается над живым венком, созданным кронами лип. В разное время года крона вяза «играет» всевозможными красками. Нежная зелень, немного с желтизной, когда почки дерева пробуждаются от зимней спячки и крона его походит на курчавую голову того, в память о ком растет здесь дерево, – это весна. Летом вяз шелестит ярко-зеленой листвой, с высоты своего роста оглядывая окрестности Михайловского: Савкину горку, заречные дали, озеро Кучане, усадьбу Петровское, заглядывает он и в парк, на ветру переговариваясь с парковыми деревьями. Осень вяз встречает зелено-бордовыми красками листьев, которые подчеркивают желто-зеленые кроны лип:

Унылая пора, очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса,
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса...

(III, 320)

И вот уже опали последние листья, и всю долгую осенне-зимнюю пору ветви вяза предстают перед наблюдательным посетителем своей мощной красотой. До будущей весны...

Рядом с «Домиком няни» – банькой – старый клен. Он не так стар, как вяз, но также значим в облике усадьбы, также красив своим присутствием и своей кроной в любое время года.

На склоне, при входе на усадьбу со стороны Большой поляны, растут 23 мемориальных липы; мемориальный фонд непосредственно вблизи усадебных построек составляют 22 дерева.

Прохладу лип и кленов шумный кров –
Они знакомы вдохновению.

(II, 85)

На углу северного плодового сада 260-летний дуб – свидетель разных периодов жизни усадьбы, предстает во всей красе своих огромных, раскинутых ветвей:

У Лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом...

(IV, 5)

Непременным атрибутом парковых ансамблей являются пруды. В Михайловском их семь. Пять из них, с самым ранним, Черным, или Ганнибаловским, представляют собой цепочку прудов и тянутся от глухого уголка парка до начала «Аллеи Керн»

– зеленой беседки из старых лип. В зеркале этих прудов поочередно отражаются то старые могучие сосны и ели лесопарковой части усадьбы, то ажурный белый мостик, перекинутый через один из них – средний пруд, то растущие по берегам ирисы – касатики, то высокие кроны деревьев липовой аллеи. Два других пруда в противоположной части усадьбы – своеобразный каскад; верхний выполнен с островком – «Островом уединения», который предполагал уединенный отдых, место для размышлений; нижний –

... пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых...

(VI, 20)

Окружающие парк пейзажи дополняют трепетные чувства пребывания в Михайловском.

«Холм лесистый», озеро Маленец, о которых Пушкин пишет в своем стихотворении «Вновь я посетил...», 1835 г., навевал на поэта грусть в воспоминаниях о времени, проведенном на юге, «когда он приехал из Одессы в августе 1824 г. как ссыльный, настолько оторванный от кипучей и яркой жизни южного города...»⁶:

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал, недвижим – и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

(II, 399)

Дорога мимо «Холма лесистого», вдоль озера Маленец, по «дороге, изрытой дождями», была для Пушкина-изгнанника дорогой в «приют, сияньем муз одетый» – усадьбу помещиков-соседей Осиповых и Вульфов – Тригорское.

Недалеко от опушки леса, на краю поля, растут три сосны. Место это так и называется – «Три сосны».

Каждый раз путь А. С. Пушкина из Михайловского в Тригорское пролегал мимо них:

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,

⁶ Пушкинские места. С. 8.

Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, – здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох –
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их, как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ...

(Ш, 400)

И вот, вдалеке, на одной из трех гор – высоких холмов – виднеется дом, выделяющийся из кupy деревьев портиком с белыми колоннами. Чуть дальше, среди стволов деревьев, на самом краю крутого склона – белеет скамья. Это – усадьба Тригорское и усадебный парк – замечательный образец русского садово-паркового искусства второй половины XVIII в.

Тригорское – усадьба М. Д. Вындомского, перешедшая от него по наследству сыну – А. М. Вындомскому, после которого владелицей имения становится дочь Александра Максимовича, Прасковья Александровна Осипова-Вульф. Именно на период владения ею усадьбой приходятся годы ссылки А. С. Пушкина 1824–1826 гг.

Следуя тогдашней моде, М. Д. Вындомский в своем имении начал закладку парка в романтическом стиле. «Тригорское, Тригорск, Тригорье – все на холмах, не столь глухо, как Михайловское. Парк его и до сих пор хранит следы... старой планировки, липовых аллей, искусственных прудов, куртин, фруктовых деревьев. Здесь больше старых лиственных деревьев, многим из которых ныне больше двухсот лет, «старейшин сада вековых», как назвал их Языков... Отдельно на насыпном холме стоит

ширококронистый «патриарх лесов» – дуб... – современник Пушкина»⁷.

«... Знаменитое Тригорское, воспетое в стихах и прозе, этот достославный приют, под сенью которого нашли столько вдохновения, столько поэтического огня музыки наших знаменитых поэтов!»⁸. Здесь нашел приют, отдохновение, понимание, не только А. С. Пушкин, но и другой поэт – Н. М. Языков, товарищ по Дерптскому университету сына владелицы Тригорского Алексея Вульфа. В творчестве Языкова часто находят отражение картины Тригорского и его окрестностей, описания тригорского парка и его главных насельников – старых деревьев:

Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых...⁹

А дом, а сад густозеленый,
Пруды и Сороти студеной
Гостеприимные струи!
А вид на доли и на горы...
И сень прибережной горы!¹⁰

На самой высокой точке, над крутым берегом реки Сороть был построен господский дом, из окон которого открывался прекрасный вид на долину реки, три живописных изгиба которой как бы нанизывались один за другим, унося взгляд к линии горизонта. Этот вид фланкируют 2 липы в возрасте 220 – 240 лет.

Все видно: цепь далеких гор
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села и брега, и долины!¹¹

⁷ Пушкинские места. С. 27.

⁸ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское. Псков – Сельцо Михайловское. 1999. С. 10.

⁹ Языков Н. Тригорское // Языков Н. М. Сочинения. Л., 1982. С. 92.

¹⁰ Языков Н. П. А. Осиповой // Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. М.; Л., 1959. С. 112.

¹¹ Языков Н. Тригорское. // Н. М. Языков. Сочинения. С. 94.

Перед домом, над крутым склоном к реке располагается площадка, обсаженная деревьями. Старовозрастных деревьев двадцать пять, из них мемориальных – тринадцать. Это липы и два дуба в возрасте 200 – 210 лет. Под сильно изогнутым стволом одного из них стоит белая садовая скамья – «Скамья Онегина».

Традиционно с этим местом связывается сцена объяснения Онегина и Татьяны.

Евгений! «Ах!» – и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью
И, задыхаясь, на скамью
Упала...

(VI, 70)

Следует заметить, что хозяева усадьбы, считая себя прототипами героев романа «Евгений Онегин», отдельным элементам парка присвоили их имена.

Когда семья на время ремонта переехала в здание полотняной фабрики, помимо украшения строения двумя портиками с колоннами, среди деревьев, растущих с западной стороны дома, был разбит небольшой партер с цветниками. Деревья, растущие с обеих сторон дома, имеют возраст от 150 до 230 лет, из них десять лип – мемориальные (190 – 230 лет).

Со стороны усадебного дома и от «Скамьи Онегина» открываются виды на Михайловские рощи, живописные холмы, и ту дорогу из Михайловского в Тригорское, по которой то – пешком, то, чаще, верхом, в Тригорское, к своим друзьям, спешил опальный поэт.

И там, у берега, тень ивы –
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один –
Вольтер и Гете и Расин, –
Являлся Пушкин знаменитый...¹²

Здесь Александр Сергеевич нашел «приют, сияньем муз одетый», нашел понимание, любовь всего большого тригорского семейства.

От усадебного дома парковая дорожка ведет к баньке. Будучи баней, это довольно большое здание могло служить и домом для гостей и местом отдыха в летнюю жару. Рядом – зеленая беседка, которую образуют старые липы, из них пять – в возрасте до 210 лет; невдалеке растет 210-летний дуб.

От баньки дорожка приводит к еще одной парковой затее – «Зеленому» или «Танцевальному» залу. Это – прямоугольная площадка, ограниченная близко посаженными липами, служив-

---

¹² Языков Н. М. Сочинения. С. 103–104.

шая местом отдыха и развлечений тригорского общества. Видимо, здесь был использован прием шпалерной посадки лип. В насаждении «Зеленого зала сохранилось сорок старовозрастных деревьев, из них мемориальных – двадцать пять лип. К «Зеленому залу» примыкает узкая липовая аллея, в просвет которой виден один из красивейших дубов Тригорского парка. Это 220-летнее дерево растет недалеко от верхнего пруда.

Усадьба Тригорское с парком, двумя большими оврагами, сходящимися к Сороти, делится на три части. В тригорском очень грамотно и удачно использован существующий рельеф. Так, на границе западной и средней частей усадьбы устроен каскад прудов. Минуя ажурный мостик, перекинутый через каменистый водосток, дорожка-пандус приводит на «аллею-просеку», с правой стороны которой сохранилась однорядная обсадка из семи дубов, в возрасте 230 лет. Примерно на середине «аллеи-просеки» на повороте другой дорожки, находится место, где росла знаменитая «Ель-шатер».

Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый...
Но там и я свой след оставил,
Там ветру в дар на темну ель
Повесил звонкую свирель.

(VI, 506)

Красавица-ель, прямой тридцатиметровый ствол и темные, густые ветви которой придавали дереву сказочный вид и спускались до самой земли, образуя настоящий зеленый шатер, погибла в 1965 году, и на этом же месте посажена другая.

Мимо «Ели-шатра» дорожка приводит к круглой площадке, на которой хозяевами усадьбы была устроена очень интересная парковая затея – «Солнечные часы». Это дерновый круг, окаймленный дорожкой, вокруг него растут двадцать четыре дуба. В центре круга установлен шест – гномон.

Местоположение знаменитого тригорского «Дуба уединенного», растущего на высоком искусственном холме, взаимосвязано с площадкой «Солнечные часы». От нее к дубу ведет полуценная дорожка. Лучи солнца в полдень падали на дуб, на дорож-

ку и на противоположной стороне круга – на «полуденный дуб». «Солнечные часы» – одна из самых интересных парковых затей, к сожалению, почти не сохранилась до наших дней, и в период реконструкции 1996–1998 гг. была восстановлена. Теперь, кроме «полуденной» дорожки можно увидеть «утреннюю» и «вечернюю» и представить, как можно по этим «живым» часам определить время. Из первой обсадки «Солнечных часов» сохранились только два старых дуба в возрасте 230 лет. В примыкающей к «Солнечным часам» аллее осталось всего три дуба 210 – 230 лет.

«Дуб уединенный». Этому дубу около 250 лет. Растущий на высоком искусственном холме, он является самым красивым, самым главным деревом Тригорского парка. Глядя на него, невольно вспоминаешь пушкинские строки:

Гляжу ль на дуб уединенный
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов ...

(III, 194)

Недалеко от «Дуба уединенного», в западной части усадебного парка, находится дорожка, часть которой является бывшей въездной. Прямой луч этой дорожки пролегал к усадебному дому Вындомских. Из старой обсадки сохранилось шесть деревьев: три дуба в возрасте 230 лет, два клена 130 и 170 лет и липа 110 лет. Сейчас эта дорожка поворачивает в сторону парка и напротив «Дуба уединенного» переходит в «Аллею Татьяны». Это смешанная аллея, представленная в основном, липами. Аллея представляла собой шпалерную посадку деревьев. Всего сохранилось сорок девять мемориальных деревьев: сорок две липы в возрасте 210 – 230 лет, три дуба старше 230 лет, четыре клена 190 – 210 лет. «... эта глухая аллея вызывает образ Татьяны. Героиня пушкинского романа становится здесь ближе, понятнее нам, со всеми ее мыслями, чувствами и переживаниями.

... Она мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселянам,
В уединенный уголок,

Где льется светлый ручеек,
К своим цветам, к своим романам,
И в сумрак липовых аллей...»¹³

«Аллея Татьяны» – удаленный от усадебных построек, глухой уголок парка. Это почти граница усадьбы.

Если, не сворачивая около «Ели-шатра» к «Солнечным часам» пройти прямо по «Аллее-просеке», то парковая дорожка приведет к месту, где на пересечении с «Аллеей Татьяны» был еще один «сюприз» – «Береза-седло». Береза по природе своей дерево недолговечное и та, которую видел Пушкин, погибла. Сейчас на этом месте растет молодая березка, посаженная в память о прежней, «пушкинской».

О любви к Тригорскому, о роли его в своей жизни и судьбе Пушкин часто говорит в своем творчестве. И, каждый раз в своих стихах он упоминает природную составляющую и деревья Тригорского парка. «Уже в первый приезд в псковское имение летом 1817 г. Пушкин часто бывал с сестрой у своих тригорских соседей, познакомился и подружился с ними. Уезжая, он писал:

Быть может, сладкое мечтанье! –
Я к вашим возвращусь полям.
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма...»¹⁴

Так, незадолго до окончания ссылки он пишет в альбом П. А. Осиповой:

... Но и в дали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней...

(П, 1, 350)

Прогулка по парку усадьбы Тригорское очень точно охарактеризована П. А. Вяземским, побывавшим в Тригорском осенью

¹³ Гордин А. Пушкинский заповедник. Псков, 1947. С. 55– 56.

¹⁴ Там же. С. 47.

1841 г., в письме А. И. Тургеневу: «В конце сентября я ездил... в знакомое тебе Михайловское... бродил по следам Пушкина и Онегина».¹⁵

Потому так важно как можно дольше сохранять старые парковые деревья. Они, как живые свидетели лет минувших уведят нас в ту эпоху, когда здесь кипела жизнь, когда опальный поэт создавал здесь свои бессмертные произведения.

Петровское – родовое имение предков А. С. Пушкина Ганнибалов, подаренное в 1742 г. в числе других земель императрицей Елизаветой Петровной прадеду Пушкина Абраму Петровичу Ганнибалу.

Устройство усадьбы было начато Абрамом Петровичем: построены дом для проживания семьи, контора управляющего имением, служебные постройки и небольшой винный завод.

После смерти царского арапа, с 1781 г. Петровским владел его сын, Петр Абрамович, при котором был построен новый господский дом, разбит парк, возведены хозяйственные постройки.

Парк устраивался в конце XVIII века, но надо полагать, что проект его был разработан самим Абрамом Петровичем, так как парк представляет собой прекрасный образец садово-паркового искусства первой половины XVIII в. Этот парк самый маленький по площади из трех парков Пушкинского Заповедника, площадь его составляет около десяти гектаров. «Парк Петровского – наиболее старый и типичный образец французского парка XVIII века из всех парков близлежащих имений. Он весь искусственный, насаженный... Планировка его отличается геометрической правильностью и строгостью линий».¹⁶

«Удивительный талант строителя, каким обладал А. П. Ганнибал, способствовал построению усадьбы весьма рационально: плодородный слой земли из ложа большого пруда, а, возможно, это был сапропель из заросших озерных стариц речушки Кучановки, владелец использует для насыпки террас будущего парка, обеспечивая его растительность всем богатством питательных

---

¹⁵ ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4715, л. 133

¹⁶ Гордин А. Пушкинский заповедник. С. 14.

веществ, содержащихся в этом грунте».¹⁷ До настоящего времени этот искусственный слой способствует тому, что в петровском парке особый микроклимат, созданный наличием плодородной почвы, близостью воды (озеро Кучане), грамотной планировкой парка. Дендрофонд представлен липами, дубами, вязами. Встречаются ясень, береза, черемуха. Мемориальных аллей, сохранившихся в парке усадьбы Петровское, три. «Главная липовая аллея» пересекает парк от главного усадебного дома в сторону озера и заканчивается «Грот-беседкой». Старовозрастных деревьев в аллее сорок четыре (от 110 лет), из них девять мемориальных в возрасте от 180 до 240 лет. «Большая липовая аллея» насчитывает шестьдесят старовозрастных деревьев в возрасте от 110 лет, из них мемориальных деревьев восемнадцать в возрасте 180 – 220 лет. Единично встречается вяз в возрасте 180 лет и клён 140 лет. «Аллея карликовых лип» разновозрастная; липы, составляющие

¹⁷ Агальцова В. А. Петровское. К вопросу реконструкции усадебного парка // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 6 (22). М., 2000. С. 323.

ее, самые молодые в аллеиных посадках петровского парка: им до 180 лет. Самые старые из поздних подсадок деревья имеют возраст до 160 лет.

Защитный дубовый ряд вдоль граничной канавы, располагающийся параллельно «Большой липовой аллее» и «Аллее карликовых лип», представлен двадцатью двумя дубами в возрасте 140 – 190 лет, что соответствует посадкам 1815–1865 гг. Сохранились групповые и одиночные посадки липы и вяза в парке. Деревья эти также почтенного возраста, большая часть которых превышает 200 лет.

Главная порода в парке Петровского – липа. Это подметил и А. С. Пушкин. В стихотворном послании к Н. М. Языкову он пишет:

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой, Арап.
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденные леты
О дальней Африке своей...

(II, 288)

Старые, достаточно хорошо сохранившиеся аллеи Петровского, много помнят на своем веку, они хранят память о годах минувших, о своих хозяевах – Ганнибалах, независимо от того, что «жизнь Ан<нибала> известна только по семейственным преданиям...» (III, 400).

Петровское нам дорого и тем, что здесь поэт черпал сведения о своих предках, когда работал над произведениями «Арап Петра Великого», «Дубровский», «Как жениться задумал царский арап», «Моя родословная», «Езерский» («Над омраченным Петроградом...»), примечаниями к строфе I первой главы романа «Евгений Онегин».

«Мы глядим на просторы полей, слушаем «приветный шум» лесов, и вместе с Пушкиным переживаем радостное чувство вос-

торга перед красотой и величием нашей Родины. Пушкинские стихи звучат светлым гимном прекрасной природе...

Вот почему так много говорят, так дороги нам сейчас старые аллеи Михайловского и Тригорского, «лесистый холм», «дорога, изрытая дождями», голубая Сорочь, «подруга зеркальных озер»...»¹⁸.

---

¹⁸ Гордин А. Пушкинский заповедник. С. 6.

«Дом Лариных»: к истокам иконографии Тригорского

Усадьба – хранительница памяти, колыбель великой русской литературы и философской мысли, хранительница собраний художественных произведений и книжных памятников, средоточие семейных ценностей, семейных архивов, источник художественного вдохновения. Особое место в истории русской культуры принадлежит усадьбам, связанным с именем Александра Сергеевича Пушкина. В их ряду – Михайловское, Тригорское и Петровское Псковской губернии. После гибели поэта Тригорское станет, по сути, первым пушкинским музеем, хранилищем части пушкинских реликвий.

Настоящая работа предпринята с целью обзора и систематизации иконографического материала периода 1898–1917 годов, связанного с Тригорским. Анализ коллекций изобразительного искусства – той источниковедческой базы, которая сформировалась в фондах Пушкинского Заповедника, – сопровождается сведениями из учетной документации, хранящейся в отделе учета музейных фондов, и материалов Научного архива музея. Со-

единенные с воспоминаниями современников, они дают довольно четкое представление об архитектуре и – шире – атмосфере усадьбы и усадебной жизни.

Образ господского дома предстает в двух произведениях изобразительного искусства из музейного собрания. Это набросок графитным карандашом 1903 года Н. Е. Лансере¹ на листе письма и живописный этюд В. В. Мешкова² 1916 года. На каждой из работ, разделенных более чем десятком лет, присутствует подпись, обозначающая особое место Тригорского в истории мировой культуры и литературы – «Дом Лариных». Взаимовлияние литературы и жизни, слова и повседневности ощущалось еще пушкинскими современниками. Это восприятие во многом было рождено обитателями усадьбы. Так, в «Дневниках» Алексея Вульфа за 1833 год читаем: *«15 июня. С большим удовольствием перечел я сегодня 8-ю и вместе последнюю главу «Онегина», одну из лучших глав всего романа, который всегда останется одним из блистательнейших произведений Пушкина, украшением нынешней нашей литературы, довольно верною картиною нравов, а для меня лично – источником воспоминаний весьма приятных по большей части, потому что он не только почти весь написан в моих глазах, но я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она вся взята из пребывания Пушкина у нас, «в губернии Псковской». Так я, дерптский студент, явился в виде геттингенского под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть*

---

¹ Лансере Николай Евгеньевич (1879–1942) – архитектор, график, историк искусства, педагог. Окончил архитектурное отделение Высшего художественного училища при Академии художеств (1904). Член художественного объединения «Мир искусства». Представитель одной из ветвей художественной династии Бенуа. Сын скульптора-анималиста Е.А. Лансере, брат художников Е. Е. Лансере и З. Е. Серебряковой. Репрессирован в 1931 г., вторично арестован в 1938 г. Реабилитирован в 1957 г. посмертно.

² Мешков Василий Васильевич (1893—1963) – живописец, народный художник РСФСР. Первоначальное художественное образование получил в школе своего отца – В. Н. Мешкова. В 1909–1917 учился в Московском училище. С 1907 – участник художественных выставок; член Товарищества передвижников, АХРР С 1953 г. – член-корреспондент, с 1958 г. – действительный член Академии художеств СССР. Лауреат Государственной премии СССР 1951 года.

не Татьяна ли одна из них»³. Но следует отметить, что «переработка» прототипа, его творческое преобразование – неизбежное следствие художественного освоения литературного материала.

Прямую ассоциацию «Тригорское = имение Лариных» встречаем в рассказе С. Меча «День в Михайловском»: *«Церковь, дом и парк Тригорского расположены на горе, у подножия которой блестит излучина Сороти. Я взобрался на эту гору и, минуя деревянный дом с колоннами, где живет какой-то арендатор, снимающий имение, прошел в парк. Он запущен и дик, но, может быть, стал еще лучше в своем картинном запустении. Особенно хороша аллея из лип. Для меня несомненно теперь, что когда Татьяна, скучая на московском балу, стремилась душою «в сумрак липовых аллей» своего сада, она вспоминала именно эту аллею. Вообще я убедился, посетив Михайловское и Тригорское, что главная и лучшая часть «Онегина» создана именно здесь. Имение Лариных – это Тригорское, имение Онегина – Михайловское. Все подробности своего романа Пушкин списал с натуры»⁴.*

Посетивший в 1902 году Тригорское Б. Л. Модзалевский отмечал: *«Анненковъ, какъ извѣстно, видитъ въ Татьян и Ольгѣ Лариныхъ отраженіе Евпраксіи и Анны Вульфъ; о томъ-же свидѣтельствоуетъ и братъ ихъ Алексѣй Николаевичъ, говоря въ своемъ «Дневникъ»: «...Я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, «въ губерніи Псковской». Такъ я, Дерптскій студентъ, явился въ видѣ Гёттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна-ли одна изъ нихъ» (Л. Н. Майковъ. Пушкинъ, стр. 199). Припомнимъ и надпись Пушкина на экземпляръ «Онѣгина», поднесенномъ Е. Н. Вульфъ: «Твоя отъ твоихъ»; кромѣ того, баронъ А. Б. Вревскій говорилъ мнѣ, что имя своей героини Пушкинъ связалъ съ именемъ его матери – баронессы Евпраксіи Николаевны, такъ какъ Татьяна празднуется въ тотъ же день,*

³ Любовный быт пушкинской эпохи. Т. I. М., 1994. С. 404.

⁴ Меч С. День в Михайловском // Россия. Учебник отечественной географии. Москва, 1914. С. 101.

что и Евпраксія: дѣйствительно, день обѣихъ – 12-е января. Въ супругахъ Лариныхъ также очень много сходнаго съ супругами Вульфами (сравни строфы XXX – XXXVI главы II «Евгенія Онѣгина»). Черты Анны Вульфъ – Ольги – отчасти обрисовываются и изъ прилагаемыхъ ниже писемъ къ ней брата Алексѣя Николаевича»⁵.

Таким образом, два художественных произведения, находящиеся в центре исследования, – подтверждение, продолжение и развитие сложившейся традиции восприятия этой литературной усадьбы. Ее территория – место действия и жизни, ареал мифологии пушкинского произведения – романа в стихах «Евгений Онегин», запечатленной в названиях уголков Тригорского – «Дом Лариных», «Скамья Онегина», «Аллея Татьяны».

Кратко напомним историю Тригорского. Согласно рескрипту Екатерины II от 29 июля 1762 года, Максиму Дмитриевичу Вындомскому (?–1778) за усердную службу и в связи с отставкой были пожалованы земли «Вороничской дворцовой волости». Усадьба, основанная Максимом Дмитриевичем, войдет в историю русской

⁵ Отчет Отделению русского языка и словесности Императорской академии наук: Поездка в село Тригорское в 1902 году (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps1/ps120012.htm>).

культуры как «Приют, сияньем муз одетый». С именем его сына Александра (1750–1813) будет связан завершающий этап формирования ансамбля усадьбы. При нем появляется комплекс хозяйственных построек, включающих полотняную фабрику, винокуренный и кирпичный заводы. К концу XVIII века относится формирование парка с элементами английского пейзажного стиля.

Принято считать, что в 1820-е гг.⁶ Прасковья Александровна Вульф (урожденная Вындомская, 1781–1859) решает произвести ремонт в доме отца, в связи с чем с семьей временно переселяется в здание бывшей полотняной фабрики, закрытой после смерти отца в 1813 году. Существует и другая версия⁷.

Каким был этот дом?

Его облик предстает в воспоминаниях семьи и современников поэта. Упоминания о нем встречаются в переписке Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных с дочерью. Летом 1829 года они приезжают в Михайловское и в связи с ремонтом своего дома останавливаются у Прасковьи Александровны. В письме от 29 июня Сергей Львович сообщает: «Мы занимаем *новый* дом Прасковьи Александровны. Суди сама, насколько нам в нем просторно» (здесь и далее курсив наш. – Д. П.)⁸. В следующем послании от 12 августа: «Нам здесь очень хорошо, то есть не надо бояться ни ветра, ни сырости, но *дом так велик*, и потом вид пруда так печален, когда идет дождь! Какая разница с нашим Михайловским...»⁹.

Образ усадьбы пушкинского времени отразился не только в эпистолярном жанре, но и в поэтических строках.

Летом 1826 года («божественное лето») Тригорское посетил Н. М. Языков. В его литературном наследии особое место зани-

⁶ Весь Пушкинский Заповедник: Путеводитель. Гос. мемор. ист.-лит. и природ.-ландш. Музей-заповедник А. С. Пушкина. 2012. С. 36.

⁷ См.: Семецкий М. Прогулка в Тригорское: Биографические исследования и заметки о Пушкине / Вступ. ст., сост. и прим. С. В. Березкиной. СПб., 2008. С. 280.

⁸ Мир Пушкина: В 5 т. Т. 1. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой (1828—1835). СПб., 1993. (Фамильные бумаги Пушкиных – Ганнибалов). С. 32.

⁹ Там же. С. 45.

мает стихотворение «Тригорское», впервые опубликованное в «Московском вестнике» № 2 за 1827 год. В нем находим строки, характеризующие как сам дом, так и его местоположение:

...В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой –
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом (курсив наш. – Д. П.)¹⁰.

В другом стихотворении – «П. А. Осиповой» («Благодарю Вас за цветы...»):

И три горы, и *дом красивый*...¹¹

Считается, что к первым известным изображениям Тригорского относятся два пушкинских рисунка с видом на дом Прасковьи Александровны и дом ее деда¹². Этот графический материал пока единственный дает представление о первом доме, построенном в XVIII веке, – доме М. Д. Вындомского.

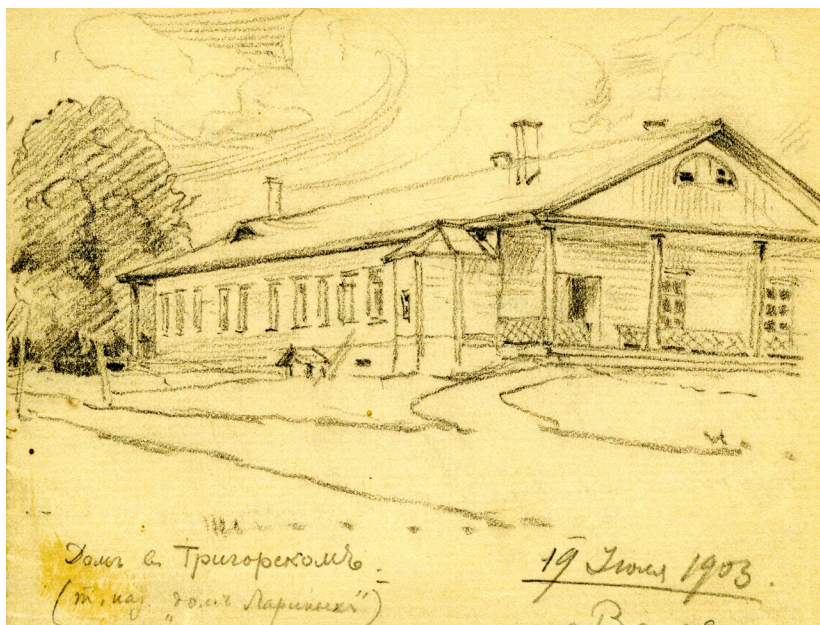
К сожалению, ни один из сохранившихся шести рукописных альбомов обитателей Тригорского не содержит изображения усадебного дома.

Если Михайловское сразу после гибели Пушкина влечет к себе паломников, вид его с документальной точностью фиксируется (литография 1837 года П. А. Александрова с рисунка псковского землемера И. С. Иванова, из альбома «Галерея видов города Пскова и его окрестностей...»), то Тригорское еще оста-

¹⁰ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 191–192

¹¹ Там же. С. 206.

¹² См.: Карлова Э. Ф. Тригорское в рисунках Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 124–128.

ется неоткрытым, непознанным для художников. Здесь изобразительное искусство уступает место литературе: воспоминания как жанр становятся основным источником сведений об облике усадьбы.

«Историческія, очаровательныя по своей живописности мѣста — Михайловское, Тригорское, Голубово, Святыя Горы и ихъ окрестности — уже не разъ привлекали къ себѣ вниманіе нашихъ писателей и ученыхъ. Посѣщенія этихъ мѣстъ начались еще въ концѣ 1840-хъ годовъ и, съ перерывами, продолжались вплоть до настоящаго времени, особенно усилившись въ юбилейномъ 1899 году, когда «Пушкинскіе уголки» сдѣлались мѣстами, въ которыхъ стали совершаться цѣлыя паломничества, имѣвшія цѣлью или непосредственное знакомство съ краемъ, въ которомъ проживалъ «поэтъ опальный», или разысканіе какихъ-нибудь вещественныхъ памятниковъ, касающихся его тамъ пребыванія, или собираніе различныхъ мѣстныхъ преданій, воспоминаній и даже слуховъ», — отмечал Б. Л. Модзалевскій в Отчете Отделению русскаго языка и словес-

ности Императорской академии наук: Поездка в село Тригорское в 1902 году¹³.

С целью разыскания вещественных памятников, связанных с именем поэта, собирания воспоминаний о нем, Псковскую губернию, кроме Модзалевского, посещали пушкинисты М. И. Семевский, Л. Н. Майков, М. Л. Гофман.

К лету 1865 года относится приезд в Голубово и Тригорское М. И. Семевского¹⁴. Летом 1866 года он вновь побывал в Голубово. Итогом этих поездок стали биографические исследования и заметки о Пушкине, составившие статью «Прогулка в Тригорское», опубликованную в 1866 году на страницах нескольких номеров «Санкт-Петербургских ведомостей».

В контексте рассматриваемой темы интерес представляет описание усадебного дома:

«Над зелеными низменными лугами, орошаемыми Соротью, поднимаются три обрывистые горы, пересеченные глубокими оврагами. Крутые скаты покрыты кустами и зеленью; там и здесь бегут вверх извилистые тропинки. На самом верху двух гор возвышаются две церкви; от них влево тянется ряд строений: этот, ныне довольно большой погост Воронич, некогда знаменитый пригород псковской державы <...>. Близ этого-то знаменитого городища, на том же берегу Сороти, наверху третьей горы, стоит село Алексея Николаевича В [ульфа] – знаменитое Тригорское. Глубокий овраг, по дну которого идет дорога в село, отделяет его от Воронича. Постройка села деревянная, скученная в одну улицу, на конце которой стоит длинный, деревянный же, одноэтажный дом. Архитектура его больно незамысловата; это не то сарай, не то манеж, оба конца которого украшены незатейливыми фронтонами. Дело в том, что эта постройка никогда и не предназначалась под обиталище владельцев и владельцев Тригорского; здесь в начале настоящего столетия помещалась парусинная фабрика, но в 1820 [-х] еще годах тогдашняя владелица Тригорского задумала перестроить обветшавший дом

¹³ Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 1.

¹⁴ Семевский Михаил Иванович (1837–1892) – историк, публицист, общественный деятель, с 1870 года издатель журнала «Русская старина».

своей, бывший недалеко от этой постройки, и временно перебралась в этот «манеж»... да так в нем и осталась. Перестройка же дома откладывалась с году на год, едва ли не до тех пор, пока года четыре тому назад от неосторожного выстрела одного юноши не сгорело в Тригорском несколько построек, и в том числе погибли руины дома, состоявшие «в вечном подозрении», что-де наступит же время, когда его перестроят; пожар, однако, пощадил временное помещение обладателей Тригорского.

Да и слава Богу, так как именно этот больно неказистый дом и было то убежище, где физически, а еще более нравственно отдыхал бессмертный поэт наш и в живых, увлекательных беседах с хозяйками Тригорского черпал новые силы к своей поэтической деятельности...»¹⁵

Значительное количество документальных свидетельств, содержащих описания «тригорского замка», относится к периоду Серебряного века, во многом канонизировавшего феномен русской усадьбы. Это время, когда усадебная тема входит в русское изобразительное искусство, ярко воплощаясь в живописных произведениях И. Э. Грабаря, С. Ю. Жуковского, Л. В. Туржанского и многих других.

Тригорское включается в круг художественных интересов живописцев в последней трети XIX века. Здесь не на последнем месте – влияние оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», где в декорациях использовался образ тригорской усадьбы и дома.

Следует отметить, что к этому периоду относится развитие пейзажного жанра в русском искусстве. В это время пейзаж вышел на одно из первых мест среди жанров живописи; он становится необходимой составляющей портрета, бытовой и исторической картины.

В последний период творчества все чаще обращается к пейзажу и В. М. Максимов¹⁶.

В преддубиелейном 1898 году он совместно с В. П. Острогорским¹⁷ посещает пушкинские места Псковской губернии. Итог их совместной творческой поездки – серия живописных этюдов,

---

¹⁵ Семевский М. Прогулка в Тригорское. С. 50–53.

¹⁶ Максимов Василий Максимович (1844–1911) – живописец. Живописи обучался в иконописных мастерских Петербурга (1855–1862), затем – в Академии художеств (1863–1866). С 1872 г. – член Товарищества передвижных художественных выставок.

¹⁷ Острогорский Виктор Петрович (1840–1902) – педагог, преподаватель словесности, литератор, общественный деятель, автор трудов по вопросам воспитания, редактор журнала «Детское чтение». В 1900 году в Валдае при основанной им школе открыл библиотеку-читальню имени А. С. Пушкина.

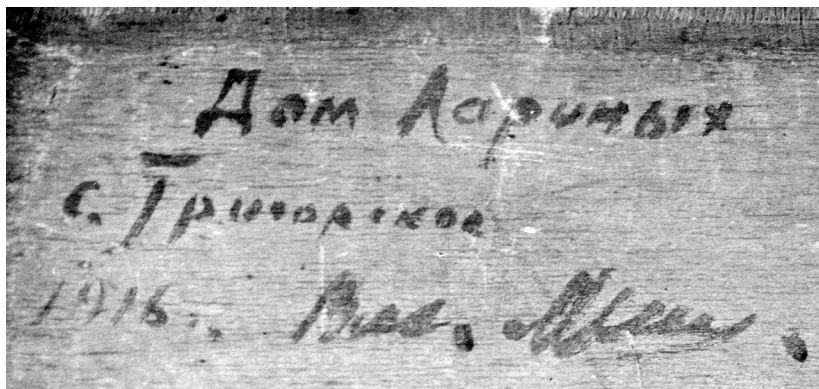
ставших иллюстрациями к альбому «Пушкинский уголок»¹⁸. В предисловии Острогорский писал: *«У составителя текста настоящего издания и художника-академика Василия Максимовича Максимова явилась мысль съездить летом в те места, которые так любил поэт, где он так много жил и переживал, где за два года ссылки в Михайловское так расцвел и окреп его дивный гений и где, наконец, в Святогорском монастыре в уготованной им самим могиле покоится его прах. Хотелось самим повидать эти дорогие каждому русскому места; узнать, сохраняется ли здесь память о поэте, жив ли еще кто-нибудь из знавших его, знает ли его грамотный народ, как содержится могила... В этот-то уголок и ездил я с художником В. М. Максимовым в июле прошлого года. Результатом поездки, о которой я рассказываю в заключении книги, явился со стороны В. М. Максимова ряд работ, снимков, этюдов и рисунков, выставленных ныне на передвижной выставке»*¹⁹.

Серия живописных этюдов с видами Михайловского, Тригорского, Святогорского монастыря с могилой Пушкина и уголка Святых Гор была воспроизведена в альбоме. К жанру усадебного пейзажа относятся семь произведений: «Общий вид из Тригорского с любимого места А. С. Пушкина», «Домик няни в селе Михайловском (с северной стороны)», «Домик няни в селе Михайловском (с юго-восточной стороны)», «Баня, в которой жил А. С. Пушкина в с. Тригорском», «Вид из Тригорского на р. Сорочь», «По пути из Св. Гор в Михайловское», «По пути из Св. Гор в Михайловское». Камерные работы, наполненные, буквально пронизанные светом и воздухом, говорят о пленэрных достижениях художника.

Среди иллюстраций, имеющих отношение к тригорскому дому, – «Интерьер кабинета А. Н. Вульфа» (копия данной работы, хранящейся во Всероссийском музее А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге, представлена в постоянной экспозиции Дома-музея в

¹⁸ «Пушкинский Уголок»: Альбом. / Сост. В. П. Острогорский. С илл. акад. живописи В. М. Максимова, лучшими портретами поэта и его автографами. М., 1899. Экземпляр имеется в фондах Пушкинского Заповедника (учетное обозначение ПЗ-КП-8163).

¹⁹ «Пушкинский уголок». С. 1 – 2.

Тригорском – илл. № 1), но нет общего вида. О нем – упоминания в тексте: *«Запустение и тишина царят и в доме, и в саду, и одни грустные воспоминания навевают этот уголок, где так много Пушкина любили <...> Тот же, как и тогда, длинный одноэтажный господский дом, с чудным видом с балкона на расстилающиеся поля и деревушки, с мостом через Сороть <...> дом очень стар и ветх, и не поддерживается вовсе»²⁰.*

«Печальнейшее запустение» – основная характеристика усадеб в 1898 году. Отсюда – особое внимание к ландшафту как пушкинскому современнику.

В это время возрастает поток паломников в «пушкинский уголок». Среди них – Е. Шведер, Д. Мышецкий. *«Старинный барский дом, потемневший от времени и непогод, в архитектурном отношении сохранился в том виде, каким он был и в дни, когда под его гостеприимную кровлю заглядывал Александр Сергеевич. Это длинное здание с фундаментом из дикого камня, с верандой на задней стороне. Теперь Тригорское перешло уже в другие руки, и в старинном доме живет семья нынешнего арендатора»²¹.*

«Когда, взобравшись на высокий берег, почти отвесно поднимающийся над Соротью, я подошел к дому, арендатор отъез-

²⁰ Там же. С. 110.

²¹ Шведер Евгений. «Пушкинские уголки», 1907 // «Скоро ли Святые Горы?» По следам паломников в Пушкинский уголок / Сост. В. К. и С. П. Ивановы. М., 2007. С. 195.

жал. Это лишило меня возможности посмотреть дом, который хотя и существовал при Пушкине, но чрезвычайно интересен по сохранившейся в нем обстановке, той самой, которую знал в Тригорском и Александр Сергеевич. <...> От старого дома остался лишь едва заметный след на земле; дом этот сгорел уже очень давно, от несчастного случая. Нынешний дом снаружи не красив и более похож на сарай»²².

Особую ценность представляют фрагменты дневниковых записей баронессы Н. П. Вревской²³. Ее воспоминания рассказывают о жизни Тригорского и Голубово начала XX века, о судьбе Софьи Борисовны Вревской – «последней обительницы Тригорского вплоть до 1918 г., нового лихолетья России, в котором сгорит не одна усадьба и не одна судьба. <...>

Усадьба невелика и запущена. Вот скотный двор, «амбарушко», прудок с неизменными утками и бабой, колотящей вальком белье. А вправо — жилой дом, одноэтажный, с большими многочисленными окнами вокруг четырех стен — бывшая ткацкая Александра Максимовича Вындомского — деда Евпраксии Николаевны Вревской-Вульф»²⁴.

К 1903 году относится посещение Тригорского студентами Академии художеств – Н. Е. Лансере и В. А. Щуко.

В 1998 году в собрание Пушкинского Заповедника поступили материалы, освещающие эту поездку – 9 писем, написанные Лансере²⁵.

В письме от 19 июля к матери, Екатерине Николаевне (илл. № 2), он сообщает: «Местность с каждым шагом всё красивее

²² Мышецкий Д. На родине Пушкина, 1909 – 1910. // Скоро ли Святые Горы? По следам паломников в Пушкинский уголок. С. 204.

²³ Вревская Наталья Павловна (1878—1961) — жена Михаила Степановича Сердобина, внука Евпраксии Николаевны (пушкинской Зизи) и Бориса Александровича Вревских.

²⁴ Рожнов В. Ф. Дневник баронессы Н. П. Вревской (фрагменты). По материалам семейного архива Вревских // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 28. СПб., 2002. С. 263.

²⁵ Подробнее о них см.: Иванова Т. Б. Псковская земля и пушкинские места глазами Н. Е. Лансере. По материалам документального фонда Пушкинского Заповедника // Михайловская пушкиниана. Хранители. Вып. 60. 2013: Сельцо Михайловское. Пушкинский Заповедник. С. 147-166.

и красивее. Вот они — места, где гулял Пушкин! Мы волновались, восхищались, цитировали Пушкинские стихи, пели отрывки из «Евг.<ения> Онегина», и были охвачены каким то поэтическ.<им> настроением. А вот и Михайловское, имение А.С.!!! Вот тут он гулял, под этим деревом сидел и сочинял! Вид из окон чудный на озеро; вдали видно «Тригорское» (имение друзей Пушкина Осиповых, где жили барышни Вульф, и где Пушкин проводил столько счастливых часов). К несчастью — сохранился (и в погибающем положении) лишь флигелек (отд.<ельный> домик) где жил А. С., с няней Ариной Родионовной и где сочинял «Онегина» и «Бориса Годунова». Дом на месте старого выстроили новый в ужасном русском стиле, и никакой мебели, ничего — это имение сыном Григор.<ием> Алекс.<андровичем> Пушк.<иным> продано в казну. Хотели было зарисовать на память о поэте, но дождь нам помешал. Поехали в Тригорское (2 версты). Тут больше сохранилось: старый дом, кое-какая мебель, чудный рояль, часы, стол (в стиле Empire). Сад хоть и запущенный, но сохранился во всей чудесной красоте. Места роскошные. Мы так и видели Пушкина, гуляющего в этом дивном саду или болтающего с «Татьяной и Ольгой» (т. е. с барышнями Вульф), к-рые послужили прототипом онегинских героинь). Впечатлению <зачеркнуто> Воображению помогало то обстоятельство, что дом Тригорский обитаем (живет семья арендатора Пальмова — между прочим жена его сестра архит.<ектора> Хренова) <...> и как раз когда мы туда приехали, там была целая компания барышень, соседних помещиц. Когда 2 из них сидели на балконе, и вдали послышался колокольчик и подъехал тарантас (с хозяином Пальмовым) можно было подумать что это Татьяна и Ольга Ларины. Места замечательно поэтичны и нам так хотелось бы остаться порисовать, но нужно было спешить, т. к. ямщик не на шутку рассердился и ворчал»²⁶.

Особая ценность документа заключается в графическом комментарии, который сопровождает строки. Это рисунок, исполненный графитным карандашом (илл. № 3). Он изображает уса-

---

²⁶ Цит. по: Иванова Т. Б. Псковская земля и пушкинские места глазами Н. Е. Лансере. С.158.

дебный дом со стороны пруда. Слева под ним – подпись: «Домъ в Тригорскомъ. (т.<ак> наз.<ываемый> «дом Лариных»)), справа – дата «19 Юля 1903»²⁷.

Камерный рисунок, исполненный с натуры, занимает всю верхнюю треть листа. Он изображает деревянное одноэтажное здание на каменном фундаменте, с невысоким крыльцом в две ступеньки, четырехколонным портиком и треугольным фронтоном. За домом – пышные кроны деревьев. Колонны соединены между собой невысокой решеткой из узких реек, образующих рисунок из ромбов. Дом обшит тесом. Выбранный художником ракурс позволяет показать в перспективе протяженный ряд оконных рам. На крыше – четыре печные трубы, по две с каждой стороны ската кровли. Слева от крайней колонны – деревянная же пристройка позднего времени. Вход располагался у левого угла дома. Согласно плану, составленному Ю. М. Шокальским, внуком А. П. Керн в мае 1924 года, это «парадный подъезд». Двери на рисунке распахнуты. Тем самым художник подчеркивает продолжение жизни усадьбы, связанной с именем Пушкина.

Спустя более чем два десятка лет Н. Е. Лансере примет деятельное участие в восстановлении последней квартиры А. С. Пушкина на Мойке, 12, в Петербурге. А уже в 1911 году по проекту Владимира Алексеевича Щуко будет восстановлен дом деда поэта Осипа Абрамовича Ганнибала, где жил А. С. Пушкин в период ссылки 1824 – 1826 гг., и построены здания Колонии литераторов в Михайловском.

Развернутое описание усадебного дома в Тригорском встречаем в путеводителе Гarris «Уголок Пушкина» 1923 года. В 1911 и 1914 годах она приезжала к последней владелице усадьбы — Софье Борисовне Вревской. *«Старый дом, бросающийся в глаза своей необычной архитектурой (он переделан из здания, предназначавшегося для ткацкой фабрики, после того, как первый дом сгорел), приземистый, длинный, в один этаж, обшитый некрашеным тесом, стоит весь в зелени. Справа от него небольшой фруктовый сад, слева продолговатый узкий пруд, на прозрачной поверхности которого отражаются белые рамы окон с кисей-*

---

²⁷ Там же. С. 155.

ными занавесками; тут же около пруда начинается и парк. В доме снаружи перестроена только одна терраса: возобновлены колонны, вернее говоря, просто поставлены новые столбы из обыкновенных бревен, на место прежних подгнивших, подведен новый фундамент, сделана новая решетка; другая терраса сохранилась без изменений от Пушкинских времен, только входная дверь, находившаяся прежде посередине, теперь сделана сбоку, с левой стороны. Ветхая деревянная решетка между колоннами потемнела, пошатнулась, едва держится»²⁸.

Мотив отражения усадебного дома в водной глади находит воплощение в живописной работе Василия Васильевича Мешкова.

Летом 1916 года в Михайловское из Пскова приехал 23-летний художник – именно в этом качестве Мешков был мобилизован в 1914 году и сопровождал Штаб армии, создавая этюды о Первой мировой войне. К 1915–1916 годам относится ряд живописных произведений, посвященных Псковской земле. О подробностях пребывания В. В. Мешкова известно из воспоминаний писательницы Варвары Васильевны Тимофеевой-Починковской (1850–1931) «Шесть лет в Михайловском» (Из записных тетрадей 1911–1918 гг.), хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Варвара Васильевна обитала в Колонии престарелых литераторов – благотворительном учреждении для проживания престарелых и неимущих литераторов и учителей, организованном в память А. С. Пушкина в Михайловском. «1–7 августа. Гостивший у нас художник В. В. Мешков, сын известного московского профессора, ученик Моро и Моннэ, все писал здесь этюды Тригорского и Михайловского. Особенно хорош был этот вечер в Тригорском, когда мы ужинали и пили чай в «доме Лариных» при открытом окне... Старинный дом с старинной обстановкой... Старинные окна с солнцем выжженными стеклами выходят на лужайку и пруд, с качающимися на нем белыми кувшинками... Старинный парк мечтательно дремлет за ним в отдалении... Луна в серебряных лучах бросает фантастические тени...

---

²⁸ Гаррис. Уголок Пушкина. Пг., 1923. С. 67.

– «Тут ходил ведь сам Пушкин!» – неожиданно вслух замечает художник. А я мысленно продолжаю:

– И сидел, и смотрел вот в это окно, на тот же луг, и тот же пруд...»²⁹.

Этюд горизонтального формата (38x120 см) исполнен маслом на фанере (илл. № 4). Художником представлен вид на темный пруд и деревянный одноэтажный дом Осиповых. Фоном становится светлое небо с движущимися облаками, рождающее сильные контрасты светотени; небо, отражающееся в двенадцати окнах и водной глади темного пруда. Усадебный дом с четырехколонным беленым портиком, белыми оконными рамами, дверями, решеткой балюстрады и фундаментом. Свободными, энергичными мазками Мешков лепит объемы. Обилие элементов белого цвета отсылает к образу, созданному Н. М. Языковым («белеется веселый дом»).

Решетка, как упоминает Гаррис, заменена и имеет иной рисунок в сравнении с наброском Н. Е. Лансере. Теперь это близко расположенные друг к другу вертикальные доски, густо беленые. Слева от дома – высокое дерево с густой листвой и кустарник, частично скрывающие долину Сороти. Мешков строит композицию, смещая дом вправо. Центром композиции становится угол дома с верандой, обращенной к реке Сороть, к Михайловскому. Низкая линия горизонта усиливает ощущение пространства, открывающегося с одного из тригорских холмов. Между кронами деревьев открывается видовая перспектива, напоминающая знакомому с пушкинскими местами о близости «приюта свободного поэта», диалоге усадеб (илл. № 5). Подтверждение визуальной связи Тригорского и Михайловского – в письме П. А. Осиповой А. И. Тургеневу от 15 мая 1837 года: «Сегодня я встала очень, и утро было дивной Красоты – мысль моя уничтожив расстояние – нас отделяющее, представила мне вас – еще спящего и улицы Московские еще пустые, потому что было 4 с половиной часа – Солнце освещало редким туманом покрытые луга а домик

---

²⁹ Бурченкова Р. В. Усадьбы пушкинской поры по воспоминаниям В. В. Тимофеевой-Починковской // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. М. – Пушкинские Горы, 2005. С. 124—125.

Михайловской, или лучше сказать его крышка белелась посреди зелени окружающей»³⁰.

Водная гладь воспринимается, как зеркало, в котором отражается история, литература и повседневность. Мир дwoится, создается иной, параллельный мир. После смерти поэта в Тригорском жили воспоминаниями. Обитательницы усадьбы жили не только в реальном времени, для них таким же реальным и единовременным была и пушкинская эпоха, и мир литературы. Надо полагать, усадебный мир, полный воспоминаниями о Пушкине, о семейных ценностях и неумирающей памяти, влечет сюда уставшего от войны художника. Тем более, что усадебная культура является носителем родовых, а, значит, вечных ценностей.

«Дом Лариных / с Тригорское / 1916 г. Вас. Меш.» – так надпись на обороте работы, сделанная рукой художника (илл. № 6), воедино сплетает литературу и жизнь, подчеркивает восприятие Тригорского как места действия «деревенских» глав «Евгения Онегина» разными поколениями читателей.

«Домом Лариных» называет дом и В. В. Тимофеева-Починковская, и баронесса Н. П. Вревская.

В следующем, 1917 году, после поездки в Псков, Михайловское и Тригорское, Василий Васильевич Мешков окончил Московское Училище живописи, ваяния и зодчества. Двадцатитрехлетний художник в то время имел возможность непосредственно общаться с целым рядом прославленных национальных живописцев, мастеров реалистического искусства. Среди его учителей – отец, В. Н. Мешков, К. А. Коровин, С. В. Малютин – самобытные мастера пейзажной живописи. У Константина Коровина он прошел школу пленэра, учился «музыке колорита», живому цвету природы, свежести и полноте непосредственного чувства. Непрерывное общение с природой, поиски ее типических и сложных состояний помогали пониманию пейзажа, умению быстро ориентироваться на пленэре, выработать черты профессиональ-

³⁰ Оригинал – Пушкинский Дом. Ф. 244, оп. 18, № 35, л.3 – 5 об. Опубликовано: Гейченко Т. С., Шпинаева Е. В. Ранние рисунки могилы А. С. Пушкина // Михайловская пушкиниана. Вып. 57. Пушкинский Заповедник: воспитание, образование, просвещение. Сельцо Михайловское. Пушкинский Заповедник, 2012. С. 200.

ного мастера пейзажной живописи. Спустя годы, в «Записках пейзажиста» Мешков скажет о национальной пейзажной школе: *«Не только кистью, но и знаниями, умом, наблюдательностью, сердцем, честным отношением к делу создается картина. Я часто думаю о том, чем же отличается наша национальная пейзажная школа? Ведь и за границей с натуры работали, и страну свою там тоже любят. Своеобразие русской пейзажной школы обусловлено особым характером природы. Колорит нашей страны не похож на колорит, скажем, Франции или Италии, да и культура нашего народа отлична от культуры других народов и по-настоящему самобытна. Эта самобытность и определяет самобытность нашей пейзажной живописи. К тому же и переживания наших художников всегда глубоко человечны. Не только свое, личное, привносит мастер в картину, но и частицу общего, народного»*³¹.

В 1955 году В. В. Мешков вновь посетит пушкинские места. Встретится с Семеном Степановичем Гейченко. Дом в Тригорском еще не возрожден, но эта мысль уже владеет Хранителем. Идет непрерывная работа по собиранию материалов. Гейченко охвачен идеей возрождения усадьбы. В следующем году в музей будет передан вышеупомянутый этюд.

Среди учетных документов, сопровождающих прием предмета в музей, есть недатированное заявление С. С. Гейченко в Закупочную комиссию Всероссийского музея А. С. Пушкина, с которым до 1956 года Пушкинский заповедник составлял единое целое, поскольку музеи находились в ведении Академии наук СССР. В документе Гейченко отмечает, что картина «представляет особый интерес для музея-Заповедника <...>, так как она написана с натуры и может стать ценным документом для изображения дома-памятника. Следует иметь в виду, что картина является первым живописным изображением дома в Тригорском»³².

Это живописное произведение с момента открытия Дома-музея в Тригорском в августе 1962 года находится в постоянной

³¹ Цит. по: Сокольников М. П. Творческое кредо живописца // Сокольников М. П. Пейзажи Родины: Очерки о мастерах живописи. М., 1980. С.65–66.

³² Заявление С. С. Гейченко в Закупочную комиссию Всероссийского музея А. С. Пушкина // Учетная документация за 1955 год.

экспозиции. Оно стало одним из центральных экспонатов, воскрешающий в глазах посетителей образ дома, который видел Пушкин, где звучал его голос, где живы поэтические строки. Экскурсионный маршрут продумывался таким образом, чтобы была возможность увидеть дом именно с того ракурса, который был выбран В. В. Мешковым.

Жизнь дома насильственно оборвется в феврале 1918 года. Дом, помнивший Пушкина, будет сожжен, и свидетелем этого пожара станет В. В. Тимофеева-Починковская: «<...> на террасе, в саду, стучат уже топоры и звенят разбитые стекла. <...> В Тригорском, действительно, зажигают костры и внутри, и снаружи. И целые хороводы носятся там вокруг костров, держась за руки и распевая какие-то дикие, разудалые песни. Крыша заливается, из труб выливается дымное пламя, искры снопами разлетаются в воздухе... Дом уже весь сквозной, пронизан огнем и напоминает какую-то адскую клетку... Как бесы, снуют там зловещие черные тени... Кошмарное зрелище! Не хватает духу смотреть...»³³. В 1922 году Ф. И. Васильеву-Ушкуйнику об этих событиях рассказал библиотекарь Пушкинской библиотеки в Тоболенце (с 1925 года – Пушкинские Горы) А. Т. Смирнов: «Когда немецкие войска стояли в 30 – 40 верстах от пушкинских мест, в ночь с 18 на 19 февраля разгромлено было Тригорское, а с 19 на 20 и Михайловское. Грабили и жгли крестьяне, но руководили ими два лица с уголовным прошлым. Один из них особенно сильно убеждал громить, называл усадьбы “змеиными гнездами”, которые надо сжечь, а пепел развеять по ветру, чтобы прежние обитатели больше не вернулись»³⁴.

Долгие годы после февральского пожара о доме напоминал лишь фундамент. Многочисленным паломникам оставалось лишь воображать – вослед за пушкинским «Воображать я вечно буду...» – усадебную жизнь, наполненную воспоминаниями о поэте.

---

³³ Цит. по: Бурченкова Р.В. Усадьбы пушкинской поры по воспоминаниям В.В. Тимофеевой-Починковской. С. 129.

³⁴ Васильев-Ушкуйник Ф. А. Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 44—45.

В начале XX века русская усадьба исчезнет в огне, обернувшись через несколько десятилетий усадьбой-музеем. В возрождении-преображении решающую роль играли подвижники музейного дела, посвятившие и подчинившие свою судьбу и судьбу близких русской усадьбе. Их созидательный импульс определил развитие усадебных музеев на многие годы.

Пушкинские места обрели Семена Степановича Гейченко. Пушкинские строки, воспоминания современников, иконографический изобразительный материал, талант художника и экспозиционера, глубокое знание и понимание Пушкина, проникновение в пушкинскую эпоху – неотъемлемые составляющие художественного образа усадьбы, в которой присутствие Пушкина ощущается физически. Чаяниями С. С. Гейченко документальные свидетельства современников, как в драгоценную оправу, оделись изобразительным материалом, визуализировали слово, обернулись художественным образом. Живописные и графические произведения, иконографический материал, накопленный русским искусством на протяжении XVIII – XX веков, стал основой музеев Пушкинского Заповедника и музейного собрания изобразительного искусства.

**«И В ПРОСВЕЩЕНИИ СТАТЬ С
ВЕКОМ НАРАВНЕ...»
(УСАДЬБА – ЦЕНТР
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ)**

«Пушкинские чтения» в Михайловском с 1949 по 1970 год

Среди многочисленных объектов, составляющих культурный фонд страны, особое место занимает русская усадьба как явление самобытное и многогранное, в котором сфокусировались все социально-экономические и историко-культурные процессы России. Несомненно, к таким удивительным, неповторимым, притягивающим всеобщее внимание относятся усадьбы Пушкинского Заповедника Псковской области. В истории отечественной культуры Михайловское, Тригорское, Петровское известны как памятные места, связанные с жизнью и творчеством великого поэта. Центральной усадьбой Пушкинского Заповедника является имение Ганнибалов-Пушкиных Михайловское – уникальный памятник русской культуры национального значения, единое духовное пространство, объединенное «гением места» – А. С. Пушкиным. Годы ссылки (1824–1826), проведенные в псковской деревне, стали определяющим этапом в его творческой биографии, способствовали становлению как русского национального поэта. Здесь, на древней псковской земле, окреп его поэтический талант, расцвел его гений.

Михайловское – своеобразная поэтическая родина Пушкина, место духовного преображения и творческого возмужания. Здесь он бывал в 1817, 1819, 1824–1826, 1827, 1835 и 1836 годах. Именно Михайловское, по собственному признанию поэта – «тот уголок земли», где духовные силы его «достигли полного развития». Здесь, «в глуши лесов сосновых», им создано за годы ссылки более ста произведений. Среди них центральные главы романа «Евгений Онегин», трагедия «Борис Годунов», поэма «Граф Нулин», стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», «Подражания Корану», «Андрей Шенье», «19 октября», «Пророк» и многие другие. Всенародная любовь к творческому наследию Пушкина и к местам, овеянным его поэтическим гением, привела к организации Пушкинских праздников поэзии, история которых уходит еще к 1899 году – столетнему юбилею со дня рождения Пушкина. В этом же году, понимая важность сохранения этого историко-

культурного памятника, общественность выкупает Михайловское у наследников поэта в государственную собственность. В 1911 году в пушкинской усадьбе были открыты Колония для престарелых литераторов и музей памяти поэта. Таким образом, Михайловское стало первым усадебным музеем, созданным в мемориальном пространстве. В 1918 году Михайловское постигла участь большинства «дворянских гнезд» – оно было сожжено. Понимая огромное значение для русской культуры имени Пушкина и мест, связанных с его жизнью и творчеством, Совет Народных Комиссаров постановлением от 17 марта 1922 года объявил Михайловское, Тригорское и могилу А. С. Пушкина в Святогорском монастыре заповедными. 11 июня 1923 года в Петрограде состоялось большое совещание, посвященное разработке плана утверждения и развития Пушкинского Заповедника. На совещание прибыли партийные и советские работники Пскова, Опочки, Святогорья, деятели науки и искусства Петрограда и Москвы. Совещание постановило: ежегодно отмечать в Пушкиногорье памятные даты дней рождения и смерти поэта и дня приезда Пушкина в ссылку в Михайловское в августе 1824 года. Нужно отметить, что впервые памятная августовская дата была отмечена 12–15 сентября 1924 года. План празднования был разработан и утвержден Академией наук. На научную конференцию и литературно-художественный вечер собралось около трехсот человек.¹ Наряду с виднейшими знатоками и учеными, исследователями жизни и творчества Пушкина на конференцию пришли учителя Пскова, Острова, Новоржева, Опочки, Порхова. Среди ученых, принявших участие в конференции можно назвать имена президента академии наук А. П. Карпинского, профессоров Б. В. Томашевского, Л. П. Гроссмана, М. А. Цявловского, К. К. Романова, знаменитого ученого-географа В. П. Семенова-Тянь-Шанского. Также в конференции приняли участие поэты, писатели, певцы и музыканты Петроградской консерватории. Праздник-конференцию 1924 года открывал президент Академии наук А. П. Карпинский, он же и закрыл ее 15 сентября своим словом: «Проводя пушкинские праздники,

---

¹ Пушкинские праздники поэзии / Под ред. Г. Н. Василевича, составитель Л. В. Козмина. – С. Михайловское, 2002. С.19–20

конференции и вечера на светлой пушкинской земле, мы должны делать все к тому, чтобы личность и поэзия Пушкина были с каждым годом все ближе и ближе к духовной жизни современных советских людей. Любовь к Пушкину как Поэту и Человеку растут и будут расти неудержимо»².

В 1936 году значительно увеличилась заповедная территория. В нее вошли городище Воронич, городище Савкино, имение Ганнибалов Петровское и вся территория Святогорского монастыря. В 1937 году, к 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина, был открыт Дом-музей поэта в сельце Михайловском. 12 июля 1941 года территория музея-заповедника была оккупирована немецко-фашистскими войсками. За три года оккупанты варварски разрушили и осквернили пушкинскую усадьбу: разобрали «Домик няни», единственную постройку пушкинского времени, сохранившуюся после пожаров 1918 года, сожгли Дом-музей, восстановленный в 1937 году, вырубili мемориальные деревья в парке, сам парк изрыли траншеями и ходами сообщения, заминировали практически всю территорию Михайловского. После освобождения Пушкинского Заповедника от фашистов, начались работы по его восстановлению. Огромен вклад Пушкинского Дома АН СССР в возрождение из руин уничтоженного войной заповедного уголка. Велика в этом заслуга и директора заповедника С. С. Гейченко (1903–1993). Он пришел в Заповедник в апреле 1945 года, чтобы остаться здесь навсегда и посвятить около полувека своей жизни беззаветному служению Пушкину, пропаганде его творчества, бережному восстановлению бесценного пушкинского уголка.

Несмотря на страшные разрушения, в Михайловском уже в июне 1945 года состоялся первый послевоенный праздник поэзии, на котором, как писал С. С. Гейченко, «собралось тысяч десять народу»³. Такое количество людей в трудное послевоенное время! Это еще раз доказывает безграничность народной любви к Пушкину, к его творчеству, к местам, овеянным его поэтическим гением. Традиционно и торжественно в Заповеднике отмечались день рождения и день смерти поэта, а с августа 1946 года стали

---

² Там же. С.21

³ Гейченко С. Пушкиногорье. М., 1981. С.82

отмечать годовщины со дня приезда А. С. Пушкина в михайловскую ссылку. Чтения, уходящие корнями в далекие послевоенные годы, проводятся в Заповеднике по сегодняшний день.

В истории пушкиноведения особое значение получил 1949 год – год широкого всенародного чествования великого русского поэта в связи с юбилеем – 150-летием со дня его рождения. Этот год был знаменательным и для Пушкинского Заповедника. В Михайловском восстановили Дом-музей поэта, разрушенный в годы войны. Его торжественное открытие состоялось 12 июня 1949 года. Для участия в юбилейных торжествах в село Михайловское прибыли члены Всесоюзного пушкинского юбилейного комитета во главе с писателем Н. С. Тихоновым, делегация Академии наук СССР во главе с президентом С. И. Вавиловым, делегации Академии наук Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Белоруссии, делегации Союза писателей и Союза художников. Новым и знаменательным было то, что среди участников народного пушкинского праздника были посланцы ряда зарубежных стран: Чехословакии, Китая, Польши, Италии, Чили, Англии и других. Утром 12 июня на могиле А. С. Пушкина в Пушкинских Горах состоялся памятный митинг, затем участники митинга и народного праздника собрались в Михайловском на обширной поляне вблизи усадьбы поэта. После торжественной части начались концерты артистов ленинградских театров и филармонии, а также многочисленных участников художественной самодеятельности. Затем было организовано карнавальное шествие героев пушкинских произведений. Вся территория была радиофицирована. До поздней ночи в этот день над пушкинскими местами репродукторы разносили его бессмертные стихи и стихи советских поэтов, посвященные Пушкину. В газете «Правда» от 13 июня 1949 года сообщалось: «Летчики, летавшие вчера и сегодня над юго-западной частью Псковской области рассказывали, что они всюду видели хвосты пыли, стоявшие над дорогами. Человеческие потоки устремились по большакам, проселкам, по извилистым дорогам и тропам к одному центру – туда, где над полями и лесами вздымался зеленый холм, над которым в гуще старых лип вырисовывался силуэт Святогорского монастыря – великолепного памятника русского зод-

чества... Огромные толпы празднично одетых людей заполнили улицы и площадь возле Святогорского монастыря, просторную чашу долины перед монастырем, тенистые аллеи старого Михайловского парка, где каждое дерево напоминает о Пушкине, растеклись по изумрудной долине реки Сороти... В народном гулянии в Михайловском приняло участие около ста тысяч человек»⁴.

В том же году осуществились и другие мероприятия по увековечению памяти поэта по всей стране – установлены новые памятники Пушкину, имя его присвоено ряду учреждений, школ и местностей; тогда же возникли многие планы и замыслы, связанные с расширением популяризации научных знаний среди широких кругов читателей. С этой целью с 1949 года по постановлению Президиума Академии наук СССР Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР стал организатором ежегодных «Всесоюзных Пушкинских конференций», которые должны были созываться для подведения итогов изучения жизни и творчества великого русского поэта. В дальнейшем подобные конференции (меньших масштабов) стали проводиться в разных республиках и городах. Свои «Пушкинские чтения» проводились и в Михайловском. Попробуем проследить их развитие с юбилейного 1949 по 1970 год, основываясь на материалах, хранящихся в архиве Пушкинского Заповедника.

К проведению конференций, посвященных годовщинам приезда Пушкина в ссылку, сотрудники музея тщательно готовились. На совещаниях разрабатывался план подготовки мероприятия и по окончании директором либо его заместителем по научной работе составлялся подробный отчет.

1949 год.

В отчете о проведении 125-й годовщины со дня ссылки Пушкина в Михайловское (1824–1826 гг.) говорится: «В соответствии с планом проведены следующие мероприятия: 1. А. М. Гординым прочитана одна лекция в Пушкинском лектории. 2. Прочитаны доклады на тему «Пушкин в Михайловском в 1824–1826 гг.»: А. М. Гординым в средней школе им. Пушкина. С. С. Гейченко в Доме Туриста. Е. С. Миндлиным в колхозе им. Пушкина. Е. Г. Зваголь-

---

⁴Пушкинские праздники поэзии. С.5.

ской в колхозе Петровское. Е. Г. Звагольской в Ленакадемстрое. 3. Подготовлены две радиопередачи для Псковского Областного радиокомитета «Пушкин в Михайловском в 1824–1826 гг.» и «Там, где жил Пушкин». 4. Сотрудниками музея: А. М. Гординым, Н. И. Грановской, Е. Г. Звагольской, В. Я. Шпиневым проведены массовые экскурсии трудящихся района по Дому-музею Пушкина в Михайловском, выставкам в Святогорском монастыре, паркам Заповедника. 5. Выпущена стенная газета «По Пушкинским местам». 6. Установлен бюст Пушкина во дворе Святогорского монастыря. Его торжественное открытие с участием делегаций колхозов, предприятий, учреждений состоялось 20 августа. 7. 20 августа совместно с Областными и районными организациями проведено торжественное собрание в районном Доме культуры. Программа собрания: 1. «Пушкин в Михайловском» докладчик А. М. Гордин. 2. «Михайловское сегодня» докладчик С. С. Гейченко. Закончился вечер выступлениями поэтов В. Б. Азарова и И. В. Виноградова. Затем присутствующим был продемонстрирован документальный кинофильм «Пушкин» и киножурнал»⁵.

1950 год.

В отчете о проведении празднования 126-й годовщины со дня приезда Пушкина в с. Михайловское говорится: «Совместно с правлением колхоза и Комсомольской организации колхоза им. Ленинского Комсомола и Райисполкома организован торжественный вечер в подшефном колхозе им. Ленинского Комсомола. Доклад на тему «126-я годовщина со дня приезда Пушкина в Михайловское 9 (21) августа 1824 г.» – читал директор Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко. В районном Доме культуры прошел Торжественный вечер. С докладом «126 лет со дня приезда Пушкина в с. Михайловское» и «Борис Годунов» выступил О. А. Пини, научный сотрудник Института Русской Литературы. В районной библиотеке Е. Г. Звагольская, младший научный сотрудник Пушкинского Заповедника выступила с докладом «126 лет со дня приезда Пушкина в с. Михайловское». К празднованию была издана фотогазета «По Пушкинским местам». Написаны статьи в районную газету «Пушкинский колхозник». Издана

---

⁵ Научный архив Пушкинского Заповедника (далее ПЗ н/а). Дело 27, л. 4.

стенгазета «Пушкинский Заповедник». Организована выставка книг. 20 августа в экскурсионно-туристической базе, был проведен Пушкинский вечер для экскурсантов и колхозников колхоза им. Пушкина. Перед собравшимися с вступительным словом о Пушкине выступил младший научный сотрудник Ю. Л. Дашкевич, а произведения Пушкина читала Заслуженная артистка Республики Н. И. Комаровская»⁶.

1951 год.

В рукописном отчете говорится о том, что Ю. Л. Дашкевич сделал доклад «О лирике Пушкина». 23 августа в Тригорском парке дирекцией Заповедника совместно с правлением колхоза им. Пушкина и дирекцией экскурсионно-туристической базы ВЦСПС было проведено торжественное заседание. Доклад «127-я годовщина со дня ссылки Пушкина в Михайловское» сделал С. С. Гейченко. Доклад «Пушкин в Псковском крае» сделал В. Н. Мерцалов. После заседания состоялся просмотр Пушкинских кинофильмов. «Пушкин в Михайловском» и «Пушкин в Петербурге»⁷.

1952 год.

В отчете о подготовке и проведении 128-й годовщины со дня ссылки Пушкина в с. Михайловское говорится: «20 августа в Доме культуры был проведен торжественный вечер для трудящихся района. Вступительное слово о 128-й годовщине произнесла Л. И. Смолина. С докладом «Советская наука о Пушкине в наши дни» выступил С. С. Гейченко. Зрителям была представлена концертная программа в исполнении Заслуженного артиста Республики, лауреата Сталинской премии Д. М. Дудникова и продемонстрирован фильм «Поэт и царь». 21 августа в Доме-музее был проведен торжественный вечер для рабочих и служащих Заповедника, а также экскурсантов, находящихся в Заповеднике. С вступительным словом о 128-й годовщине выступил С. С. Гейченко. Закончился вечер концертом Заслуженного артиста Республики, лауреата Сталинской премии Д. М. Дудникова. 22 августа проведен торжественный вечер в Тригорском, для колхозников подшефного колхоза им. Пушкина и экскурсантов, находящихся

⁶ ПЗ н/а. Д. 28, л. 4.

⁷ ПЗ н/а. Д. 29, л. 2.

в Доме туриста. С докладом о 128-й годовщине выступил младший научный сотрудник Ю. Л. Дашкевич. Закончился вечер концертом Заслуженного артиста Республики, лауреата Сталинской премии Д. М. Дудникова»⁸.

1953 год.

Отчета о проведении 129-й годовщины со дня ссылки Пушкина в Михайловское в деле нет. В пригласительном билете говорится, что дирекция Государственного Пушкинского Заповедника приглашает на вечер, посвященный 129-й годовщине со дня приезда А. С. Пушкина в Михайловское 9 (21) августа 1824 года. Вечер состоится 20 августа 1953 года в Пушкиногорском районном Доме культуры им. А. С. Пушкина. В программе вечера: «Пушкин и народ», доклад научного сотрудника Пушкинского Заповедника, кандидата филологических наук А. Ф. Теплова. Литературный концерт артиста РСФСР лауреата Сталинской премии Д. М. Дудникова. Кинофильм⁹.

1954 год.

Отчета о проведении мероприятий, посвященных 130-летию со дня ссылки Пушкина в Михайловское в деле нет, но на листе с планом подготовки и проведения мероприятия над каждым пунктом стоит надпись красным карандашом «исполнено», за исключением пункта 1. Как следует из акта от 21 августа 1954 года, составленного директором Пушкинского Заповедника Гейченко С. С., заместителем директора Смолиной Л. И., и младшим научным сотрудником Тепловым А. Ф., ввиду ненастной погоды (весь день лил проливной дождь), намеченный план подготовки и проведения Пушкинский вечер в Доме-музее был отменен.¹⁰ Судя по содержанию пригласительного билета, 21 августа в 21 час в Доме культуры состоялся вечер, в программу которого входили: доклад директора Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко «Святогорский монастырь в пушкинскую эпоху». Доклад младшего научного сотрудника Пушкинского Заповедника А. Ф. Теплова «Пейзаж Михайловского в творчестве Пушкина». Концерт при участии ар-

⁸ ПЗ н/а. Д. 30, л. 5-6.

⁹ ПЗ н/а. Д. 31, л. 23.

¹⁰ ПЗ н/а. Д. 32, л. 13.

тиста Ленинградской Государственной филармонии В. А. Ларионова, композитора А. П. Петрова и художественной самодеятельности Дома культуры¹¹.

1955 год.

Отчета о проведении 131-й годовщины со дня ссылки Пушкина в Михайловское в деле нет. На отдельном листе напечатана программа: «1. Доклад заместителя директора Всесоюзного музея Пушкина кандидата филологических наук В. Б. Сандомирской «Образ Петра I в творчестве А. С. Пушкина». 2. Доклад младшего научного сотрудника Пушкинского Заповедника А. Ф. Теплова «Пейзаж Михайловского в творчестве Пушкина». 3. Концерт»¹².

1956 год.

В этом году уже наряду с планом подготовки и проведения 132-й годовщины со дня ссылки А.С. Пушкина в Михайловское, который включает в себя 8 пунктов, появляется программа «Пушкинских чтений» в Доме-музее с Михайловского 21–22 августа 1956 года. В программе: 21 августа доклад А. Ф. Теплова «А. С. Пушкин и Н. М. Языков», С. С. Гейченко «А. С. Пушкин и А. Н. Пешуров». 22 августа доклад Д. Ш. Сот «А. С. Пушкин и Чаадаев», С. С. Гейченко «Дневник И. И. Лапина»¹³.

В отчете о проведении 132-й годовщины со дня ссылки А. С. Пушкина в с. Михайловское говорится: «1. В соответствии со специальным планом подготовки и проведения этой даты 21 и 22 августа в Доме-музее А. С. Пушкина состоялись открытые научные собрания и концерты, посвященные годовщине. 2. Помещение было специально оформлено. Были отпечатаны и разосланы пригласительные билеты. 3. 21 августа состоялись доклады: 1. А. Ф. Теплов «А. С. Пушкин и Н. М. Языков в Михайловском». 2. С. С. Гейченко «А. С. Пушкин и А. Н. Пешуров». Затем прозвучал фортепианный концерт аспиранта Ленинградской государственной консерватории С. М. Слонимского. 22 августа состоялись доклады: 1. Д. Ш. Сот «История Пушкинского перстня «Талисман»», «Надпись на портрете А. И. Тургенева», «А. С. Пушкин и П. Я.

¹¹ ПЗ н/а. Д. 32, л. 10.

¹² ПЗ н/а. Д. 33, л. 9.

¹³ ПЗ н/а. Д. 34, л. 5.

Чаадаев». 2. С. С. Гейченко «Дневник И. И. Лапина». Для районной газеты «Ленинский путь» были написаны статьи: Д. Ш. Сот «Работа А. С. Пушкина над стихом», А. Ф. Тепловым «Пушкин и крестьянские волнения 1826 г.», В. С. Бозыревым «В родных пушкинских местах», В. К. Ежовой «Пушкин в письмах Михайловского», Т. Ю. Мальцевой «Искажение поэта при царизме»¹⁴.

1957 год.

Отчета о проведении 133-й годовщины со дня ссылки Пушкина в Михайловское нет. Как следует из текста пригласительного билета «Пушкинские чтения» прошли 20–21 августа в с. Михайловском. В программе чтений: «20 августа: 1. Доклад младшего научного сотрудника, кандидата филологических наук А. Ф. Теплова «Черты нравов псковских помещиков в романе «Евгений Онегин»». 2. Доклад заместителя директора заповедника, кандидата исторических наук Д. Ш. Сот «Стихотворение Пушкина “Что дружба?”». 3. Доклад директора Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко «Илларион Евдокимович Раевский («поп Шкода»). Материалы к биографии современника Пушкина». 21 августа: 1. Доклад заведующей библиотекой заповедника Т. Ю. Мальцевой «Потомки Пушкина в СССР». 2. Доклад заместителя директора заповедника, кандидата исторических наук Д. Ш. Сот. «П. А. Осипова – друг и советник Пушкина по его хозяйственным делам». 3. Доклад директора Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко «К истории приобретения с. Михайловского в государственную собственность в 1899 г.»¹⁵.

1958 год.

«Пушкинские чтения» прошли в Михайловском. На листе с заголовком «Доклады и сообщения» говорится: «20 августа. 1. Вступительное слово директора Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко. 2. Доклад младшего научного сотрудника, кандидата филологических наук А. Ф. Теплова «Два деревенских автопортрета А. С. Пушкина». 3. Доклад младшего научного сотрудника В. С. Бозырева «А. С. Пушкин и И. Е. Великопольский». 4. Доклад заведующей библиотекой Заповедника Т. Ю. Мальцевой

¹⁴ ПЗ н/а. Д. 34, л. 23.

¹⁵ ПЗ н/а. Д. 317, л. 19.

«Фрагменты одной из «Трех сосен» в экспозиции Дома-музея А. С. Пушкина в с. Михайловском». 21 августа. 1. Доклад заместителя директора Пушкинского Заповедника, кандидата исторических наук Д. Ш. Сот «Тригорский мотив в стихах Пушкина». 2. Доклад старшего преподавателя педагогического института им. Герцена К. П. Лахотского «Из анализов текстов пушкинской лирики». 3. Доклад директора Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко «О пушкинских местах псковского края. Заметки»¹⁶.

1959 год.

Отчета о проведении чтений в деле нет. В пригласительном билете говорится, что «Пушкинские чтения», посвященные 135-й годовщине со дня ссылки А. С. Пушкина в с. Михайловское состоятся 20–21 августа в с. Михайловском в 18 ч. 30 мин. В программе доклады и сообщения научных сотрудников Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, Д. Ш. Сот, А. Ф. Теплова и научного сотрудника Государственного музея А. С. Пушкина (г. Москва) Н. М. Лобиковой. Концерт при участии артистов Н. В. Соколовой и А. А. Шестакова. Просмотр документальных фильмов, снятых в Пушкинском заповеднике в 1944–1959 гг.¹⁷

1960 год.

В отчете о подготовке и проведении 136-й годовщины со дня ссылки Пушкина в с. Михайловское говорится: «1. В связи с проведением этой пушкинской даты 22–23 августа с/г состоялись «Пушкинские чтения» в Доме-музее А. С. Пушкина в с. Михайловском. 22 августа с вступительным словом о Пушкине в Михайловском выступил директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко. 1. Доклад А. М. Гордина, заместителя директора по научно-музейной части Всесоюзного музея А. С. Пушкина (г. Ленинград) «Из творческой истории поэмы Пушкина “Граф Нулин”». 2. Доклад В. И. Глухова, доцента Псковского Педагогического Института им. С. М. Кирова «Идея пушкинского “Рославлева”». 3. Доклад А. Ф. Теплова, научного сотрудника Пушкинского заповедника, кандидата филологических наук «Об одной порочной концепции/ Б. Иванов. «Даль свободного романа»/. 23

¹⁶ ПЗ н/а. Д. 342, л. 18.

¹⁷ ПЗ н/а. Д. 363, л. 18.

августа. 1. Доклад Д. Ш. Сот, заместителя директора Пушкинского заповедника, кандидата исторических наук «Пушкинское в альбомах Осиповых-Вульф». 2. Доклад Т. Ю. Мальцевой, заведующей библиотекой Заповедника «О романе В. Миклашевич "Село Михайловское или помещик 18-го столетия"». 3. Доклад С. С. Гейченко, директора Пушкинского Заповедника «О доме, в котором жил Пушкин». По окончании для слушателей «Пушкинских чтений» демонстрировался документально-видовой фильм «Вновь я посетил...» – работа студентов-дипломантов Института Кинематографии С. Мелик-Саядяна и Н. Жилина (консультант С. С. Гейченко). Демонстрации фильма предшествовало вступительное слово автора фильма С. Мелик-Саядяна»¹⁸.

1961 год.

В отчете о проведении 137-й годовщины со дня ссылки Пушкина в с. Михайловское говорится: «21–22 августа в Доме-музее состоялось памятное собрание и «Пушкинские чтения». Собрание открыл директор Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко. После его вступительного слова о Пушкине с докладами выступили: 1. Т. Ю. Мальцева «В. П. и П. И. Ганнибалы и А. С. Пушкин». 2. А. Ф. Теплов «Псковский губернатор А. И. Пещуров и А. С. Пушкин». 3. С. С. Гейченко «Игумен Святогорского монастыря Иона (по материалам дневника игумена)». 4. С. С. Ланда (ВМП) «Пушкин и Николай I. Встреча 8 сентября 1826 г.». 23–24 августа в Доме туриста были повторены «Пушкинские чтения» и концерт. 24 августа для присутствующих на чтениях были показаны кинофильмы «В с. Михайловском», «По Заповедным Пушкинским местам»¹⁹.

1962 год.

В 1962 году произошло важное событие в жизни Пушкинского Заповедника. Был открыт восстановленный Дом-музей Осиповых и Вульфов в Тригорском. Об этом событии подробно говорится в отчете о проведении мероприятий, посвященных 138-й годовщине со дня приезда А. С. Пушкина в михайловскую ссылку: «Дом-музей Осиповых-Вульф был открыт в торжествен-

¹⁸ ПЗ н/а. Д. 403, л. 5-6.

¹⁹ ПЗ н/а. Д. 462, л. 43-44.

ной обстановке 21 августа 1962 года. В 18 часов у нового музея собрались представители областных и районных партийных, советских и общественных организаций, делегаты от пушкинских музеев Москвы, Ленинграда, Болдина, от Пушкинского Дома АН СССР и Всесоюзной Пушкинской Комиссии Президиума АН СССР, писатели и поэты, художники, многочисленные экскурсанты и туристы. Торжественный митинг, посвященный открытию нового музея, открыла начальник Псковского областного управления культуры А. И. Медведева. Затем на митинге с речами выступили академик М. П. Алексеев, поэт Л. Вышеславский, первый секретарь Пушкиногорского РК КПСС И. Ф. Барышников, директор Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко.

После экскурсии присутствующие были приглашены осмотреть экспозицию нового музея. Затем в одном из залов нового музея начались «Пушкинские чтения», посвященные 138-й годовщине со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку. В первый день «Чтений» с докладом выступили: директор Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко «Приют сияньем муз одетый», научный сотрудник Пушкинского Заповедника Т. Ю. Мальцева «Пушкин – читатель библиотеки Тригорского», старший научный сотрудник Государственного музея А. С. Пушкина (Москва) Е. В. Муза «Неизвестное письмо Николая I о дуэли Пушкина». На следующий день, 22 августа, «Пушкинские чтения» были продолжены. Научный сотрудник Заповедника А. Ф. Теплов прочитал доклад «А. С. Пушкин и П. А. Осипова», заместитель директора Заповедника В. С. Бозырев выступил с сообщением «Опись Тригорского 1881 года. Из архива А. Н. Вульфа», научный сотрудник В. Я. Шпинев прочитал сообщение «К истории полотняной фабрики в Тригорском». Научный сотрудник Института Русской Литературы АН СССР И. Д. Якубович выступила с докладом «Пушкинский кабинет Академии Наук СССР»²⁰.

1963 год.

В отчете о проведении традиционных «Пушкинских чтений», посвященных 139-годовщине со дня ссылки Пушкина в с. Михайловское читаем: «21-го августа в Лектории Дома-музея

---

²⁰ ПЗ н/а. Д. 476, л. 82–83.

в Тригорском были прочитаны научные доклады и сообщения: 1. Вступительное слово директора Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко. 2. «Пушкин и Алексей Вульф» доклад научного сотрудника Заповедника А. Ф. Теплова. 3. «Из анализов текстов пушкинской лирики/»Вновь я посетил...» доклад доцента Ленинградского педагогического института им. Герцена К. П. Ляхотского. 4. «Новое о дуэли Пушкина с Дантесом» сообщение научного сотрудника Заповедника В. Я. Шпинева.

22 августа «Чтения» были продолжены. Прозвучали следующие доклады и сообщения: 1. «Из опыта работы над постановкой «Бориса Годунова»» сообщение доцента школы-студии Московского художественного Академического театра режиссера В. К. Манюкова. 2. «Роман Алексея Новикова «Последний год»» доклад научного сотрудника Заповедника Т. Ю. Мальцевой. 3. «Поэты в Пушкинском Заповеднике. Новые стихи о Михайловском» доклад директора Заповедника С. С. Гейченко»²¹.

1964 год.

В отчете о проведении в Пушкинском Заповеднике 140-й годовщины со дня приезда А. С. Пушкина в михайловскую ссылку говорится: «В связи с памятной датой 140-й годовщиной со дня приезда А.С. Пушкина в михайловскую ссылку в Пушкинском Заповеднике состоялись традиционные «Пушкинские чтения», проводившиеся в Доме-музее Тригорского в течение 2-х дней – 21 и 22 августа. «Чтения» открыл кратким вступительным словом заместитель директора по научной части В. С. Бозырев, затем научными сотрудниками Пушкинского заповедника были прочитаны следующие сообщения и доклады: А. Ф. Тепловым «Пушкин и тригорские девицы», Т. Ю. Мальцевой «Пушкин и тверские Вульфы», научным сотрудником Государственного музея П. И. Чайковского в Клину Н. Н. Викторовой «Чайковский и Пушкин». Второй день «Чтений» открыл докладом «Об обстоятельствах гибели Пушкина» ученый секретарь Пушкинской Комиссии при Академии Наук СССР О. А. Пини. С докладом «Мое понимание Михайловского» выступил директор Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко. Научный сотрудник Пушкинского Заповедника

---

²¹ ПЗ н/а. Д. 532, л. 17.

В. Я. Шпинева выступил с сообщением «Тема гибели Пушкина в русской поэзии 1-ой половины XIX века»²².

1965 год.

В отчете о проведении «Пушкинских чтений» 20–21 августа в Пушкинском Заповеднике говорится: «В ознаменование 141-й годовщины со дня ссылки А. С. Пушкина в с. Михайловское в Пушкинском Государственном Заповеднике были осуществлены следующие мероприятия: 20–21 августа в Тригорском были проведены традиционные «Пушкинские чтения». 20 августа: 1. Вступительное слово С. С. Гейченко. 2. Доклад В. С. Бозырева «Пушкинские места в творчестве советских художников». 3. Научное сообщение В. Я. Шпинева «Псковский знакомый Пушкина В. И. Всеволодов». 4. Научное сообщение В. К. Зажурило «Место дуэли Пушкина». 21 августа «Чтения» были продолжены. Прозвучали следующие доклады: 1 «Пушкины-поэты» научного сотрудника Т. Ю. Мальцевой 2. «Григорий Александрович Пушкин в Михайловском» директора Заповедника С. С. Гейченко»²³.

1966 год.

В отчете о проведении 142-годовщины со дня ссылки А. С. Пушкина в с. Михайловское говорится: «Памятной дате – 142-й годовщине со дня приезда А. С. Пушкина в михайловскую ссылку были посвящены «Пушкинские чтения», которые проводились в Тригорском Доме-музее 21 и 22 августа. Чтения открыл вступительным словом заместитель директора по научной части В. С. Бозырев, затем выступили: кандидат исторических наук Натан Яковлевич Эйдельман (Москва) с докладом «Письма Пушкина к К. Рылееву и А. Бестужеву», кандидат филологических наук научный сотрудник Пушкинского Заповедника, А. Ф. Теплов с сообщением «А. П. Керн и пушкинское послание к ней», М. И. Яшин (Ленинград) с сообщением «Об авторстве пасквиля к Пушкину в 1836 году». В программе второго дня чтений значатся сообщения научного сотрудника Пушкинского Заповедника В. Я. Шпинева «Портрет Пушкина работы великолукского учителя рисования Семена Мошина» и директора Пушкинского Заповедника, заслу-

²² ПЗ н/а. Д. 577, л. 1.

²³ ПЗ н/а. Д. 634, л. 2.

женного работника культуры РСФСР С. С. Гейченко «К истории паломничества на могилу Пушкина правителя Черногории Петра II Негоша (1837)» и «К вопросу об адресате стихотворения Пушкина “Прощание”». Также прозвучал рассказ режиссера МХАТа, доцента В. К. Манюкова о поездке в ФРГ и о большом внимании и уважении к творчеству Пушкина прогрессивных немцев. В чтениях приняла участие большая группа научных сотрудников Всесоюзного музея А. С. Пушкина во главе с его директором М. Н. Петай»²⁴.

1967 год.

В отчете о проведении 143-й годовщины со дня ссылки Пушкина в с. Михайловское говорится: «21 августа в лектории Дома-музея Тригорского открылись «Пушкинские чтения». Вступительное слово произнес директор Заповедника С. С. Гейченко. С докладами и сообщениями выступили: заместитель директора по научной части В. С. Бозырев «Пушкин в с. Языкове Ульяновской области». Научный сотрудник Е. Н. Сергеева «Пушкин в с. Голубове». Научный сотрудник В. Я. Шпинев «Юные пушкиноведы Псковского края». Научный сотрудник А. Ф. Теплов «Рецензия на книгу А. Гессена «Все волновало нежный ум»». 22 августа «Чтения» в Тригорском продолжились. С докладами «Памятный камень на Савкиной горке» и «Дом Ганнибалов в Петровском. К проекту восстановления» выступил директор Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко»²⁵.

1968 год.

Из отчета о проведении «Пушкинских чтений», посвященных 144-й годовщине со дня приезда А. С. Пушкина в михайловскую ссылку известно, что традиционные «Пушкинские чтения» состоялись в Доме-музее Тригорского 20–21 августа. Большая часть программы состояла из докладов и научных сообщений сотрудников Государственного музея А.С. Пушкина (Москва), приехавших в Пушкинский Заповедник с ответным визитом после того, как в марте они проводили у себя «День Михайловского» с участием группы научных сотрудников Пушкинского Заповедни-

²⁴ ПЗ н/а. Д. 666, л. 1-2.

²⁵ ПЗ н/а. Д. 709, л. 1.

ка. Чтения открылись вступительным словом директора Пушкинского заповедника С. С. Гейченко. Затем с докладом «Рождение пушкинского музея» выступил директор Государственного музея А. С. Пушкина в Москве А. З. Крейн. Научные сотрудники московского музея Пушкина Н. С. Нечаева и Г. В. Курочкина выступили с сообщениями «Об одной пушкинской реликвии» и «О двух неизвестных портретах К. Я. и Е. А. Булгаковых». Заместитель директора московского музея Е. В. Муза прочитала доклад «Об изучении фондовых материалов музея Пушкина». Второй день чтений, 21 августа, начался сообщением П. Я. Полиновского, заведующего музеем-усадьбой Н. А. Римского-Корсакова «Вечаша» на тему «Пушкин в творчестве Римского-Корсакова». Затем профессор Н. Н. Малов (Москва) выступил с докладом «Материалы о Пушкине из архивов Уваровых и Раевских». В заключение с докладом «Семья А. С. Пушкина в Михайловском в 1841 году» выступил директор Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко»²⁶.

1969 год.

В отчете о проведении 145-й годовщины со дня ссылки Пушкина в Михайловское говорится: «20–21 августа в Тригорском были проведены «Пушкинские чтения». В программе 20 августа: 1. Вступительное слово директора Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко. 2. «Новое о Ганнибалах предках Пушкина» сообщение научного сотрудника Всесоюзного музея А. С. Пушкина Н. И. Грановской. 3. «Н. И. Павлищев и А. С. Пушкин» доклад научного сотрудника Пушкинского Заповедника Т. Ю. Мальцевой. 4. «Пушкин в Бузулуке» реферат П. С. Филатова (г. Бузулук). 21 августа чтения были продолжены. В программе прозвучали следующие доклады и сообщения: 5. «Новонайденный автограф стихотворения Пушкина «Красавица»» сообщение научного сотрудника Института Русской Литературы Академии Наук СССР О. А. Пини. 6. «Итоги археологического обследования городища Воронич в 1969 году» сообщение научного сотрудника Государственного Эрмитажа В. Д. Белецкого. 7. «Неопубликованные письма П. В. Анненкова об издании сочинений А. С. Пушкина» сообщение Н. Н. Малова (Москва). 8. «Михайловское в авгу-

²⁶ ПЗ н/а. Д. 770, л. 1-2.

сте 1824 года. Приезд Пушкина в ссылку» сообщение директора Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко. 9. «Портрет Анны Ивановны Вульф в собрании Московского музея Пушкина» сообщение научного сотрудника музея В. О. Лапиной. 10. «Движение, пространство и время в «Пиковой даме»» сообщение научного сотрудника московского музея Пушкина Н. И. Михайловой. 11. «Западногерманская праправнучка Пушкина» сообщение Ираклия Андронникова»²⁷.

1970 год.

«20–21 августа в Доме-музее с. Тригорского состоялись «Пушкинские чтения». Программа чтений была согласована с Пушкинской комиссией АН СССР и РК КПСС. 20 августа чтения открыл директор Заповедника С. С. Гейченко. С сообщением «Заметка Пушкина о Е. Р. Дашковой» выступил кандидат филологических наук М. И. Гиллельсон. С докладом «Пушкин и Бомарше» выступил сотрудник Пушкинского Дома АН СССР В. Э. Вацуро. С сообщением ««Новоселье» А. Брюллова» выступила сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина Г. У. Назарова. С сообщением «Коллективная записка К. П. Брюллову» выступила сотрудник Государственного Русского музея Е. И. Гаврилова. 22 августа чтения были продолжены. С докладом «Султан Казы Гирей – корреспондент «Современника» А. С. Пушкина» выступил Р. Ф. Турчинов, доктор филологических наук научный сотрудник института языковедения АН СССР. Сообщение «С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина» сделала научный сотрудник Эрмитажа В. В. Крамер. Доклад «О надгробии Пушкина» сделал директор Заповедника С. С. Гейченко»²⁸.

Данная работа дает возможность проследить, с каких пор в Заповеднике начали проводить научные «Пушкинские чтения», какие ученые принимали в них участие, с какими докладами выступали. Из вышесказанного следует, что в период с 1949 по 1970 год «Пушкинские чтения», посвященные годовщинам приезда А.С. Пушкина в михайловскую ссылку прошли определенный путь развития, от единичных выступлений ученых в рамках

²⁷ ПЗ н/а. Д. 833, л. 1-2.

²⁸ ПЗ н/а. Д. 899, л. 82-83.

праздников поэзии до самостоятельных научных чтений, проходящих ежегодно в августе и собирающих десятки исследователей жизни и творчества Пушкина.

В ходе работы с архивными документами, хранящимся в Пушкинском Заповеднике, удалось установить, что «Чтения» начали проводиться в 1946 году, дату старались приблизить к 21 августа (числу, когда Пушкин приехал в михайловскую ссылку). С годами менялось место проведения «Пушкинских чтений». С 1949 по 1955 год торжественные заседания проходили в районном Доме культуры. В программе звучал доклад сотрудника Заповедника о жизни и творчестве Пушкина, потом проходил концерт с участием артистов, поэтов, музыкантов и просмотр кинофильмов. С 1956 года в программе проведения мероприятий появляется название «Пушкинские чтения». С этого времени их стали проводить в с. Михайловском в Доме-музее поэта. Как следует из документов, в программе уже не один докладчик, а несколько сотрудников Заповедника выступают перед собравшимися с сообщениями. Меняется и тематика докладов: от общих политизированных, пропагандистских тем, например: «Пушкин в Михайловском в 1824–1826 гг.», «Пушкин и народ», «Советская наука о Пушкине в наши дни», «126-я годовщина со дня приезда Пушкина в Михайловское 9 (21) августа 1824 г.» и т.п., наблюдается переход к более конкретным темам, содержащим историко-литературный компонент жизни и творчества А. С. Пушкина: «А. С. Пушкин и Н. М. Языков в Михайловском», «А. С. Пушкин и А. Н. Пещуров», «История Пушкинского перстня «Талисман»», «Надпись на портрете А. И. Тургенева», «А. С. Пушкин и П. Я. Чаадаев», «Дневник И. И. Лапина», «Пейзаж Михайловского в творчестве Пушкина», «Пушкин – читатель библиотеки Тригорского» и т. д. С 1962 года «Пушкинские чтения» стали проводить в Доме-музее Осиповых и Вульфов в Тригорском. К памятным мероприятиям серьезно и основательно готовились. Сотрудники Заповедника украшали помещение, устраивали выставки работ художников, писавших пушкинские места, а также из собрания музейного фонда, размещали фотогазеты «По Пушкинским местам», которые готовились к каждой годовщине и на сегодняш-

ний день хранятся в фондах музея-заповедника, писали статьи о жизни и творчестве Пушкина в местных газетах, готовили материал для радиопередач, печатали пригласительные билеты, которые рассылались по различным организациям и частным лицам. «Пушкинские чтения» собирали в Михайловском сотни почитателей творчества великого поэта. Это были действительно торжества, которых ждала общественность. Традиционно заканчивались они концертом либо демонстрацией документальных или художественных фильмов. В Михайловском звучала классическая музыка, исполнялись романсы и читались произведения А. С. Пушкина. В эти дни Михайловское становилось центром просветительной, образовательной и воспитательной работы. Большое значение этим событиям придавал С. С. Гейченко. В газете «Пушкинский колхозник» от 16 февраля 1947 года он писал: «Пушкинские чтения ставят своей целью пропаганду жизни и творчества великого поэта среди широких масс трудящихся района. Эти чтения должны содействовать культурному развитию и коммунистическому воспитанию трудящихся и в первую очередь молодежи». Нести пушкинское слово и слово о Пушкине в массы было главной задачей сотрудников Пушкинского Заповедника.

Наряду с составлением хроники «Пушкинских чтений» целью данной работы было выявление и изучение «усадебного текста», поэтому при работе с документами обращалось особое внимание на темы выступлений, так или иначе затрагивающих усадебную тематику. Вследствие того, что в архивных делах Пушкинского Заповедника тексты докладов не подшиты и до 1962 года не обнаружены в каких-либо изданиях за исключением статей научного сотрудника Пушкинского Заповедника А. Ф. Теплова «Природа Михайловского в «Евгении Онегине»» в газете «Ленинский путь от 20 августа 1954 года, «Деревенский автопортрет Пушкина» в газете «Ленинский путь» № 100 от 20 августа 1958 года, а также статьи ««Барство дикое». Заметки об образах захолустного барства в «Евгении Онегине»», подшитой в деле № 317 за 1957 год, дать подробный развернутый комментарий их содержания не представляется возможным. Но если судить

по названиям докладов, то к «усадебным текстам» за период с 1949 по 1970 годы можно отнести следующие: «Пушкин в Михайловском в 1824–1826 гг.» (1949), «Пейзаж Михайловского в творчестве Пушкина» (1954), «А. С. Пушкин и Н. М. Языков в Михайловском» (1956), «А. С. Пушкин и А. Н. Пешуров» (1956), «Черты нравов псковских помещиков в романе «Евгений Онегин»» (1957), «Илларион Евдокимович Раевский («поп Шкода»). Материалы к биографии современника Пушкина» (1957), «Два деревенских автопортрета А. С. Пушкина» (1958), «Фрагменты одной из «Трех сосен» в экспозиции Дома-музея А.С. Пушкина с. Михайловского» (1958), «Тригорский мотив в стихах Пушкина» (1958), «О пушкинских местах псковского края. Заметки» (1958), «Из творческой истории поэмы «Граф Нулин»» (1960), «Пушкинское в альбомах Осиповых-Вульф» (1960), «Роман В. С. Миклашевич «Село Михайловское, или Помещик XVIII-го столетия»» (1960). «О доме, в котором жил Пушкин» (1960). «В. П. и П. И. Ганнибалы и А. С. Пушкин» (1961). «Псковский губернатор А. И. Пешуров и А. С. Пушкин» (1961). «Игумен Святогорского монастыря Иона (по материалам дневника игумена)» (1961). «Приют сияньем муз одетый» (1962). «Пушкин – читатель библиотеки Тригорского» (1962). «А. С. Пушкин и П. А. Осипова» (1962). «Опись Тригорского 1881 года. Из архива А. Н. Вульфа» (1962). «К истории полотняной фабрики в Тригорском» (1962). «Пушкин и Алексей Вульф» (1963). «Из анализов текстов пушкинской лирики/»Вновь я посетил...»» (1963). «Из опыта работы над постановкой «Бориса Годунова» (1963). «Поэты в Пушкинском Заповеднике. Новые стихи о Михайловском» (1963). «Пушкин и тригорские девицы» (1964). «Пушкин и тверские Вульфы» (1964). «Григорий Александрович Пушкин в Михайловском» (1965). «А. П. Керн и пушкинское послание к ней» (1966). «Пушкин в с. Голубове» (1967). «Памятный камень на Савкиной горке» (1967). «Дом Ганнибалов в Петровском. К проекту восстановления» (1967). «Пушкин в творчестве Римского-Корсакова» (1968). «Семья А. С. Пушкина в Михайловском в 1841 году» (1968). «Новое о Ганнибалах, предках Пушкина» (1969). «Михайловское в августе 1824 года. Приезд Пушкина в ссылку» (1969).

С 1962 года с кратким отчетом о событиях, происходящих в Пушкинском Заповеднике Псковской области, стало возможным ознакомиться в издании Академии Наук СССР «Временник Пушкинской Комиссии». Пушкинская комиссия Академии наук СССР начала свою деятельность в 1900 году, первоначальное ее назначение было чисто практическое – вести организационную деятельность и руководить работой по подготовке к выходу в свет академического издания «Сочинений» А. С. Пушкина. С 1936 года Пушкинская комиссия начала выпускать сборник «Временник Пушкинской комиссии». С 1936 по 1941 год вышло шесть выпусков в пяти томах. В годы Великой Отечественной войны деятельность комиссии и издание «Временника» прервались. Возобновилось издание в 1963 году. «Временник» призван был всесторонне отражать развитие пушкиноведения в Советском Союзе и за рубежом, а также оповещать о находках новых рукописей поэта, новое о Пушкине, обо всем, что связано с его именем.

Некоторые доклады участников Михайловских Пушкинских чтений разных лет напечатаны в сборнике «Временник Пушкинской комиссии». В 1962 году опубликована статья «Неизвестное письмо Николая I о дуэли Пушкина» Е. В. Музы, старшего научного сотрудника Государственного музея А. С. Пушкина в Москве. В 1969 году – статья «Новонайденный автограф стихотворения Пушкина "Красавица"» О. А. Пини, научного сотрудника Института Русской Литературы Академии Наук СССР. В 1970 году – статьи: «Султан Казы Гирей – корреспондент "Современника" А. С. Пушкина» Р. Ф. Турчинова, доктора филологических наук, научного сотрудника Института языковедения АН СССР; «С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина» В. В. Крамер; научного сотрудника Эрмитажа. «Коллективная записка К. П. Брюллову» Е. И. Гавриловой, сотрудника Государственного Русского музея. В 1971 году – статья «"Новоселье" А. Брюллова» Г. У. Назаровой, сотрудника Всесоюзного музея А.С. Пушкина.

Традиция, заложенная в 50-е годы XX века, продолжается и сегодня. Ежегодно Пушкинский Заповедник проводит несколько научных конференций: начинается год с Февральских чтений памяти С. С. Гейченко, в апреле проводится библиотечная

конференция в рамках проекта «Библиотека в усадьбе», в марте детская экологическая научно-практическая конференция «Экология Пушкиногорья глазами детей», в июле научная конференция памяти С. В. Ямщикова «Музей. Реставратор. Реставрация», в августе Михайловские Пушкинские чтения, в ноябре научно-практическая конференция памяти В. А. Агальцовой «Сады и парки России», в декабре международная конференция dobroхотов. Это не считая всевозможных Круглых столов, Пушкинского театрального фестиваля, который проводится с 1994 года, различных фольклорных фестивалей, Пушкинского праздника поэзии, художественных и литературных практик студентов, многочисленных выставок и культурно-образовательных программ. За многие годы Заповедник приобрел немало друзей и единомышленников. Особо хочется отметить партнера музея-заповедника Санкт-Петербургское Культурно-просветительское общество «Пушкинский проект», организаторы которого в 2014 году провели в Пушкинских Горах пятнадцатую международную научную конференцию под названием «Пушкинские конференции: прошлое, настоящее, будущее». Примечательно, что с самого начала работы конференций их бессменным научным руководителем является известный ученый, автор многих научных публикаций, литературовед, профессор Санкт-Петербургского университета В. М. Маркович.

Круглый год в Заповеднике кипит культурная жизнь, тысячи посетителей приезжают на святую пушкинскую землю поклониться праху великого поэта и местам, овеянным его поэтическим гением. Не случайно краевед из г. Бузулука П. С. Филатов, обращаясь к участникам «Пушкинских чтений», посвященных 146-й годовщине приезда А. С. Пушкина в Михайловское, писал: «К Пушкинскому творческому источнику тянутся неисчислимы тропы и тропинки со всех концов России, и не только России. Наша родная русская сторона преисполнена настоящей любовью к человеку, ставшему навеки славой и гордостью русского народа. Творческое наследие великого русского поэта А. С. Пушкина является неотделимой частью нравственного и эстетического воспитания и формирования духовного облика каждого гражда-

нина России с младенческих лет»²⁹. С уверенностью можно говорить, что Пушкинский Заповедник, включенный в декабре 1995 года Указом Президента России в Свод особо ценных памятников культурного наследия народов Российской Федерации, на сегодняшний день является одним из ведущих центров пушкиноведения.

---

²⁹ ПЗ н/а. Д.899, л. 32.

Усадебный текст как средство постижения русской языковой картины мира иностранными гражданами

Формирование единой образовательной среды предполагает интеграцию, взаимное сближение и взаимозависимость национальных образовательных систем. Интернационализация высшего образования и необходимость вхождения вузов в единое международное образовательное пространство актуализируют проблему адаптации иностранных студентов к учебно-информационной и профессионально ориентированной среде вуза, а также к иной лингвокультурной среде. Проблема адаптации иностранных граждан в новой для них культурно-исторической, социально-правовой и образовательной среде в современной научной парадигме решается на стыке самых разных наук: философии, социологии, культурологии, психологии, педагогики, лингвистики и т.д.¹

---

¹ Лысенко В. И., Маяцкая Н. К. И вновь к диалогу культур // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного. Ростов-н/Д., 2002.; Рубина С. Н. Культурологический подход к формированию межкультурной компетенции при обучении русскому языку в китайской аудитории // Русский язык как иностранный и методика его преподавания: XXI век. Ч. II. Сборник научно-методических статей. М., 2007.; Соломонова А. А. «Компетенция» в образовательном стандарте и «коммуникативная компетенция» в методике преподавания РКИ: сопоставление понятий // Русский язык за рубежом. 2010., № 4., С. 44–48.; Филимонова Н. Ю. Особенности обучения русскому как иностранному в полиэтнических и мононациональных студенческих группах // Инновационные процессы в преподавании русского языка и литературы: Сборник статей. Пермь, 2008. С. 377–381.; Филимонова Н. Ю. Педагогическое общение как специфическая форма взаимодействия субъектов общения: стремление к диалогу // Современные направления теоретических и прикладных исследований: Сборник научных трудов. Одесса, 2006. С. 63–68.; Чекун О. А. Педагогические условия формирования умений межкультурной языковой коммуникации студентов неязыковых факультетов // Научные труды МГУ. Вып. 75. «Высшее образование для XXI века». М., 2006. С. 145–151; Шамсутдинов И. Г. Социально-педагогическая деятельность в вузе в условиях международной образовательной интеграции // Казанский педагогический журнал. Казань, 2011., №1. С. 90–96.; Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2000.

Говоря об эффективности культурологического подхода и использования регионального компонента как методических приемов, позволяющих создавать историко-культурный фон на занятии, выходить на смысловой и ценностный уровни содержания языкового материала, реализовать культуроведческий аспект в преподавании русского языка на любом этапе его изучения, Т. Ф. Новикова отмечает, что «лингводидактическими единицами урока в культуросообразном преподавании родного языка являются тексты и слова с «национально-культурным» и «регионально-культурным» компонентом»². «Социокультурный подход обуславливает такое построение обучения, при котором преподаватель акцентирует внимание на том, как в единицах языка отражаются особенности культуры и мышления носителей языка, при этом культуроведческая информация извлекается из самих языковых единиц»³. Системная реализация компетентностного подхода в масштабах всей страны означает смену результативно-целевой основы образования, а вместе с ней – смену ЗУНовской образовательной парадигмы на компетентностную. Переход к компетентностному образованию требует существенных изменений во всех звеньях педагогической системы, в том числе, деятельность обучающегося должна измениться от репродуктивной, «ответной» позиции, пассивного приема и запоминания учебной информации – к созиданию образа мира в себе самом посредством активного полагания себя в мир интеллектуальной, духовной, социальной и предметной культуры⁴.

Одной из категорий, определяющих готовность выпускника высшего учебного заведения быть востребованным и успешным в профессиональной сфере, является его готовность к коммуника-

² Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка: модель регионального компонента. Автореф. дис.... докт. пед. наук. М., 2007.

³ Балыхина Т. М. Методические рекомендации по разработке программ повышения квалификации с учетом образовательной и языковой среды стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья. М., 2013. С. 88.

⁴ Вербицкий А. А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Актуальные вопросы функционирования русского языка как неродного. Российский университет дружбы народов, факультет повышения квалификации преподавателей русского языка. Сборник статей. М., 2014.

ции с другими вовлекаемыми в профессиональную деятельность людьми, в том числе относящимися к иной лингвокультурной среде. В процессе обучения у иностранных обучающихся должен быть сформирован целый ряд профессиональных компетенций, таких, как коммуникативная, лингвистическая, социокультурная (лингвокультурологическая), межкультурная, предметная, методическая и другие компетенции. В методике преподавания русского языка иностранным обучающимся конечной целью является формирование коммуникативной компетенции, базирующейся в первую очередь на лингвистической компетенции. Коммуникативная компетенция предполагает способность на русском языке осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности, преодолевать возникающие в процессе коммуникации языковые и культурные барьеры, уметь правильно строить дискурс. «В научно-методической литературе, рассматривающей различные направления в методике преподавания русского языка как иностранного, одним из релевантных можно назвать лингво-культурологический аспект преподавания неродного языка. Лингвокультурологическая компетенция осмысливается в рамках Государственного образовательного стандарта как один из показателей развития ценностного сознания обучающегося. Формирование лингвокультурологической компетенции – это осознание языка как феномена культуры, как культурно-исторической среды, воплощающей в себе историю, культуру, обычаи народа, осознание национальной специфики языковой картины мира, что способствует более глубокому пониманию истинной природы культурного смысла, закрепленного за определенным языковым знаком, в частности за фразеологической единицей»⁵.

Специалисты, разрабатывая актуальные направления методики преподавания русского языка как иностранного, в последнее время все чаще вводят и понятие дискурса в методические разработки, выделяя в дискурсе такие важные для преподавания

---

⁵ Золотых Л. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории: учебное пособие. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2012.

русского языка как иностранного современные черты, как: – дискурс есть социальный феномен, в основе которого лежат этические ценности; – дискурс представляет собой особый, ограниченный фрагмент ментального мира, его определяет личность говорящего, речевая ситуация, особенности социальной группы, национальная культура; – дискурс рассматривается как взаимодействие (интеракция) между говорящим и слушающим, то есть как диалог, интерпретация которого выходит далеко за рамки буквального понимания⁶. Запросы современного образовательного сообщества требуют новых форм и подходов в работе с иностранными студентами⁷.

Преподавание русского языка как иностранного самым непосредственным образом связано с вопросами национально-культурной специфики речевого общения, формирования национально-культурной и языковой картин мира, а также вопросами включения в образовательный процесс тех лексических единиц и тех текстов, которые репрезентируют русскую ментальность. Общеизвестно, что язык участвует в формировании способа мышления и восприятия окружающей действительности. В процессе изучения иностранного языка мы начинаем постигать иную национальную картину мира, другую систему ценностей. Языковой материал, возможно, как никакой другой, в ходе его изучения способствует установлению равноправного и уважительного диалога культур и в то же время создает у студентов отношение к языку как национально-культурной ценности. На недостаточность и актуальность исследований презентации языка в образовательном процессе как национально-культурной ценности в последнее время указывается все чаще: подход к преподаванию русского языка как национально-культурной ценности не только позволяет эффективно формировать социокультурную и межкультурную компетенции у иностранных обучающихся, но

---

⁶ Балыхина Т. М. Методические рекомендации по разработке программ повышения квалификации с учетом образовательной и языковой среды стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья. М., 2013. С. 69–70.

⁷ Нахабина М. М., Соболева Н. И., Степаненко В. А. Описание содержания обучения РКИ с учетом когнитивно-прагматических целей. М., 2008.

и является действенной формой воспитательной работы. Включение иностранцев в интерактивные формы работы создает такую организованную преподавателем, но в целом естественную педагогическую ситуацию, когда иностранные обучающиеся поставлены перед необходимостью осваивать формы и способы вербального и невербального русского коммуникативного поведения, поведенческие стратегии межличностного взаимодействия.

В процессе изучения иностранного языка языковая личность должна овладеть языковой картиной мира другого народа, т.е. у обучающегося появляются черты вторичной языковой личности, способной понять дух, суть культуры народа, с которым может осуществляться межкультурная коммуникация⁸. Формирование черт вторичной языковой личности у иностранного обучающегося предполагает применение новых методологических разработок, в том числе культурологических образовательных концепций. Проблема культурологического подхода в преподавании русского языка, значимость разработок методических систем, направленных на постепенное вхождение обучающегося в инокультуру с помощью языкового материала, имеющего ценностно-смысловой характер, становится все более актуальной.

С точки зрения коммуникативного подхода в обучении иностранному языку основной дидактической единицей наряду с предложением выступает текст как носитель культурно значимой информации, отражающей особенности менталитета этноса и формирующей межкультурную компетенцию иностранного обучающегося, а следовательно, способствующей вхождению в культуру изучаемого языка и преодолению культурного барьера в общении.

Исследователями предлагается также «особое внимание уделять формированию иноязычной социокультурной компетенции, которая предполагает формирование комплекса знаний о ценностях, верованиях, поведенческих образцах, обычаях, традициях, языке, достижениях культуры, свойственных определенно-

---

⁸ Халева И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995.

му обществу и характеризующих его, а также социокультурных навыков, умений и способностей»⁹. Если между членами одной культурной и языковой общности легко происходит декодирование языковых знаков, имеющих и функцию знаков культуры, то в условиях межкультурной коммуникации не всегда знание языка позволяет иностранцам адекватно воспринимать информацию, что может быть одной из причин межкультурных конфликтов в различных сферах коммуникации.

Привлечение художественного текста при обучении русскому языку как иностранному закономерно: в художественной картине мира отражаются особенности национальной картины мира, и что очень важно, воспроизводятся значимые концепты, национальные образы и символы. Очевидно, что освоение системы значений и системы смыслов, познание места, роли этих значений и смыслов в русской культуре и литературе без постижения важнейших культурно значимых духовных ценностей, важнейших культурных кодов будет препятствовать глубокому освоению русского языка как иностранного. Текст совершенно оправданно считается исходной и конечной единицей обучения при коммуникативном подходе в методике преподавания русского языка как иностранного. Знакомство иностранных обучающихся с русской литературой и русской культурой в процессе изучения русского языка способствует формированию общего культурного фона у изучающих русский язык и носителей русского языка, что запускает механизмы более глубокого и осознанного понимания языковых процессов, основных закономерностей и тенденций в языке. Особенностью художественного текста является то, что даже небольшой по объему текст может содержать большое количество важных для понимания русского уклада жизни смыслов. Такой текст может быть отправной точкой для изучения разной по тематике лексики, позволяет постепенно совмещать образовательное и культурное пространство: «применение литературного текста

---

⁹ Александрова Д. С. К вопросу о формировании иноязычной социокультурной компетенции студентов лингвистического факультета посредством изучения искусства страны изучаемого языка // Вопросы методики преподавания в вузе. 1(15) 2012., СПб., 2012. С. 8.

на занятиях не только углубляет знания иностранного языка, но и способствует расширению культурологического кругозора»¹⁰.

Использование художественных текстов при обучении русскому языку как иностранному позволяет постепенно изменять и мотивацию изучения русского языка – от познавательных и практических установок иностранца до стремления иностранных граждан постичь русскую культуру, менталитет русского народа. Основой мотивации к изучению неродного языка должны быть интерес и любовь к культуре изучаемого языка, для чего необходимо освоение иностранцами студентами лингвопрагматической стороны русской речи, обычаев и культуры России.

Безусловно, художественные тексты по сравнению с адаптированными учебными текстами, отражающими типовые ситуации речевого общения, с одной стороны, являются своеобразными сгустками смыслов, понятий, экспрессии, с другой – оказываются более сложными для восприятия и понимания. Целесообразность работы с художественным текстом на занятиях по русскому языку как иностранному определяется уровнем владения русским языком иностранных обучающихся. Элементарный и базовый уровни владения русским языком предполагают в большей степени работу с адаптированными текстами, содержащими типовые речевые формулы для осуществления общения в основных значимых для иностранца социально-бытовых и учебных ситуациях. Привлекаемые на данных уровнях владения русским языком художественные тексты – это в основном небольшие по объему и нетрудные по содержанию произведения детской литературы, а также различные считалки и скороговорки, используемые в практике преподавания русского языка как иностранного в качестве материала для так называемой «фонетической зарядки». Однако при овладении, например, вторым сертификационным уровнем владения русским языком привлечение художественного текста в качестве учебного материала определяется и Государственным образовательным стандартом

---

¹⁰ Попадейкина И. Художественный текст на занятиях по русскому языку как иностранному // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного. Вроцлав, 2012. С. 137.

по русскому языку как иностранному. В соответствии с данным Государственным образовательным стандартом по русскому языку как иностранному «успешное прохождение тестирования по данному уровню свидетельствует о достаточно высоком уровне коммуникативной компетенции во всех сферах общения». При чтении художественного текста повествовательного характера иностранец должен уметь «извлекать из текста фактическую информацию, выделять основную и второстепенную информацию, понимать эксплицитно выраженное отношение автора; извлекать информацию о содержании текста в целом, определять тему и идею, а также представлять логическую схему развертывания текста; при чтении художественной литературы следить за ходом событий, изложенных в тексте, квалифицировать способ сообщения, определять сопричастность автора событию, выражать отношение к прочитанному»¹¹.

Усадебный текст и русская усадебная культура являются предметом изучения самых разных научных сфер гуманитарной науки. В научных исследованиях по культурологии, истории, искусствоведении, философии, литературоведении рассматриваются проблемы, связанные с осмыслением усадебной культуры как отражения глубинных пластов духовной и материально-бытовой национальной жизни. Усадебный текст и усадебный тип культуры как предметы научных изысканий отличаются богатством возможных аспектов изучения, значительностью проблематики для современного общества. Это предопределяет обращение к ключевым понятиям русской усадебной культуры¹² и усадебному тексту¹³ в учебном процессе, в том числе и в рамках образовательных программ по русскому языку как иностранному при препода-

---

¹¹ Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. / Иванова Т. А. и др. М.; СПб., 1999.

¹² Георгиева Т. С. Культура повседневности: Учебное пособие для вузов. М., 2005.

¹³ Рассказова Л. В. «Здесь меня таинственным щитом святое провиденье осенило...». Русская провинциальная дворянская усадьба в лирике А. С. Пушкина // Литература в школе. 2002. № 6. С. 9–12.; Попадейкина И. Художественный текст на занятиях по русскому языку как иностранному // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного. Вроцлав, 2012.

давании таких дисциплин, как культурология или лингвокультурология¹⁴.

В связи с тем что усадебная культура определяется как культура общенациональная, отражающая определенное мироощущение, совокупность норм и моделей человеческого поведения, реализуемых в усадебном хронотопе¹⁵, не только возможно, но и целесообразно привлекать усадебный текст при обучении иностранных граждан русскому языку. Несмотря на то что использование художественного текста в преподавании русского языка как иностранного еще не нашло должного отражения, понимание необходимости введения художественного текста в структуру занятий в последнее время все чаще находим в исследованиях по теории и методике преподавания русского языка как иностранного¹⁶. Это связано с необходимостью формирования у иностранного гражданина в первую очередь коммуникативных навыков речевого общения в типичных ситуациях, значимых для него в чужой языковой и социально-культурной среде.

Усадебный текст как феномен русской культуры и литературы помогает изменить сложившиеся в сознании иностранных граждан стереотипы в оценке русской культуры, способствует скорейшей аккультурации иностранных обучающихся. Усадебный текст насыщен языковыми единицами, в семантическом объеме которых присутствует национально-культурный компонент. Иностранец в ходе обращения к тексту такого типа сталкивается с проблемой накладывания двух культурно-ценностных систем – родной страны и страны изучаемого языка, чтобы научиться декодировать концептуально значимые образы и весь текст в целом. В процессе работы с усадебным текстом происходит не просто

¹⁴ Дворянская усадьба (Из истории русской культуры). Пособие по культурологии для иностранных учащихся. М., 1998.

¹⁵ Колягина Т. Ю. Усадебный тип культуры в художественном сознании А. С. Пушкина. Омск, 2007.; Охлябин С. Д. Повседневная жизнь русской усадьбы 19 века. М., 2006.; Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе 19 века: культурологические аспекты изучения поэтики. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 28.01.2014 г.).

¹⁶ Авлова Т. Б. Анализ художественного дискурса как средство совершенствования коммуникативной компетенции иностранцев-нефилологов. Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005.

изучение языковых фактов, но и знакомство с наиболее значимой страноведческой информацией. Иностранцы учатся распознавать и декодировать языковые факты как сигналы иной национальной культуры, понимать подтекст художественного произведения и сообщения вообще. Для иностранных обучающихся наибольшую трудность представляет освоение метафорического или символического значений слова. Это обусловлено тем, что как у носителя иного языка и иной культуры в сознании иностранца уже сформирована иная шкала ценностей, иные ассоциативные связи и иная символика. Национальные стереотипы предопределяют часто отличное от устоявшегося в стране изучаемого языка отношение к тем или иным событиям, явлениям и объектам действительности. В основе образных ассоциаций лежат национально-культурные архетипы, такие ассоциации отражают национальные особенности мышления, результаты мыслительного освоения народом окружающего мира. Изучение лексических единиц с так называемой культурной коннотацией оказывается наиболее сложным для иностранца, но является обязательным для полноценной коммуникации на изучаемом иностранном языке. Работа с подобными лексическими единицами должна строиться на материале художественных текстов, в которых эмоционально-образная составляющая представлена в гораздо более высокой степени по сравнению с текстами других стилей. В связи с тем, что на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному работа строится на материале адаптированных учебных текстов, первоначально процесс декодирования художественного текста затруднен, поэтому значительная часть информации не воспринимается должным образом. Переход к художественному тексту может быть облегчен с помощью обращения к прагматичному тексту, содержащему информацию по определенной теме, необходимой для понимания художественного текста (об авторе, о традициях, обычаях, об эпохе, т.е. о том, что находит отражение в произведении или важно для его понимания).

И если вначале работа с художественным текстом (особенно на начальном этапе работы), безусловно, трудна, то в дальнейшем погружение в русскую ментальность будет, наоборот, способ-

ствовать интенсификации процесса овладения русским языком: происходит постепенное погружение в русскую культуру посредством культурологических знаков художественного текста.

В процессе работы с текстом, содержащим языковые знаки, выполняющие функции знаков культуры, происходит аккультурация иностранных обучающихся, включение их в новый культурный фон.

Необходимо на занятиях по русскому языку как иностранному формировать позитивную установку обучающегося к стране и культуре изучаемого языка, что укрепляет его мотивацию к изучению языка. Осознанию культурно-значимых компонентов слова и текста способствуют и такие формы работы на занятиях по русскому языку, как театрализация усадебного текста, викторины на знание русской культуры и литературы, творчества писателя.

При выборе художественного текста необходимо учитывать художественно-эстетическую, содержательную, культурологическую и познавательную ценность литературного произведения, а также потенциал текста как учебного материала по русскому языку. Привлечение усадебного текста оправданно целым рядом факторов, в том числе и возможностью одновременного с изучением русского языка знакомства с историей и историческими объектами, культурой как отдельно взятого региона, так и страны изучаемого языка в целом. Наличие такого уникального культурно-исторического объекта в Псковской области, как усадьба А. С. Пушкина, а также огромный культурный и образовательный потенциал Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» дает возможность создавать и реализовывать уникальные культурно-образовательные программы по русскому языку для иностранных граждан. В рамках таких программ усадебный текст может стать организующим началом цикла занятий по русскому языку как иностранному, а также основой культурно-образовательных программ-экскурсий. Одним из направлений приграничного сотрудничества могут быть разные формы межкультурного взаимодействия. Научное, культурное и гуманитарное сотрудничество может способствовать сотрудничеству в дру-

гих сферах. Так, различные проекты, связанные с реализацией программ по русскому языку как иностранному с привлечением культурного фона региона может создавать благоприятные условия для увеличения приграничного туристического обмена. Образовательные и культурные международные контакты – один из наиболее эффективных способов продвижения знаний об истории и культуре страны изучаемого языка. В настоящее время международный культурно-образовательный туризм представляет собой одну из наиболее быстро развивающихся отраслей сферы образовательных услуг. Изучение русского языка как иностранного во многом мотивировано не только познавательными установками иностранных граждан к изучению другого языка, не только практическими установками, обуславливающими профессиональный, карьерный рост человека, но и стремлением иностранных граждан постичь русскую культуру, менталитет русского народа. Уникальное геополитическое положение Псковской области, граничащей одновременно с тремя иностранными государствами – Беларусью, Эстонией и Латвией, создает благоприятные условия для развития партнерства в области культуры, туризма и востребованности образовательных программ по русскому языку как иностранному. Наличие уникальных исторических объектов в Пскове и Псковской области, например, таких, как Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское», также является важным фактором, способствующем успешному развитию культурно-образовательного туризма, т.к. знакомство с историей и историческими объектами, культурой, литературой отдельно взятого региона – сильнейший побудительный мотив к изучению русского языка, русской литературы и культуры.

Усадебный текст А. С. Пушкина можно рассматривать как средоточие комплекса идей и размышлений поэта о национальной культуре и национальной специфике русского уклада жизни. Усадебный текст А. С. Пушкина позволяет формировать представления иностранных студентов и слушателей не только о природно-ландшафтном и материально-культурном, но и о духовно-культурном аспектах уровнях организации русского жиз-

ненного пространства. Созданные А. С. Пушкиным в Михайловском произведении могут быть организованы как своеобразный путеводитель по усадьбе. Введение усадебного текста в нужном культурном и природном ландшафте позволяет за счет эмоционального фона повысить результат освоения учебного материала по русскому языку. Тем не менее, работа с любым художественным текстом, в том числе и усадебным текстом А. С. Пушкина, на занятиях по русскому языку как иностранному должна быть методически построена так, чтобы максимально облегчить восприятие произведения. Исходя из целей и задач обучения русскому языку как иностранному работа с усадебным текстом на занятиях не должна сводиться только к достижению понимания текста, его филологическому анализу и возможным интерпретациям. Текст в данном случае должен рассматриваться как дидактическая единица, дающая возможность через методически хорошо продуманную систему языковых упражнений повышения уровня владения русским языком и формирования коммуникативной компетенции иностранных граждан, которая в теории и методике преподавания русского языка как иностранного рассматривается в качестве важнейшего показателя владения иностранным языком.

В качестве отправной точки предтекстовой работы может быть взят адаптированный текст об усадьбе Михайловское в жизни и творчестве А. С. Пушкина, сопровождаемый комплексом упражнений по лексике и грамматике. Одна из целей упражнений – подготовить иностранных обучающихся к восприятию усадебного текста, что достигается через объяснение значений отдельных слов или смыслов, которые введены эксплицитно или имплицитно в адаптированный текст об усадьбе и потом встретятся в усадебном тексте. С помощью такой предтекстовой работы постепенно расширяется общий культурный фон, который в дальнейшем все в большей степени будет способствовать усвоению русского языка как системы, репрезентирующей языковую картину мира русского народа. Предтекстовые упражнения, включающие также микротексты об особенностях русского менталитета, отношении к важнейшим ценностям для русского человека категориям, содержащие национальные образы и символы, через

которые репрезентируются значимые концепты, облегчают освоение иностранными обучающимися системы значений и системы смыслов, познание места, роли этих значений и смыслов в русской культуре и литературе.

Притекстовые и послетекстовые упражнения по русскому языку при работе с усадебным текстом А. С. Пушкина получают особое наполнение в случае восприятия текста не только на понятийном, но и эмоциональном уровне, что создается с помощью зрительных и звуковых образов. Понимание используемых поэтом образов на основе чувственного восприятия облегчает не только изучение русского языка, но и процесс постижения русского менталитета. Возможность задействовать образную природу ключевых концептов русской концептосферы делает эти концепты и единицы культурного кода соотносимыми с концептами и единицами культурного кода, содержащимися в родном для иностранного обучающегося языке, и способствует дальнейшей полноценной коммуникации иностранных обучающихся в лингвокультурном сообществе.

В этом существенное отличие художественного текста от адаптированного текста, созданного авторами учебников и пособий по русскому языку как иностранному и наполненного типовыми речевыми формулами, которые не могут передать всего разнообразия смыслов, возникающих в реальном общении. Так, чтение и прослушивание художественного текста или его фрагментов с привлечением культурного ландшафта усиливает восприятие текста за счет наложения текста на культурный ландшафт. Причем, «разворачивание» текста может быть организовано как в естественном, так и специально созданном (видеоряды, фильмы, виртуальная экскурсия и т.п.) культурном ландшафте. В таких случаях облегчается анализ или перевод трудных мест текста, определение значения слов в тексте, выявление особых смыслов текста. Все это позволяет воспринимать текст на иностранном языке как сгусток смыслов, информации, как способ воспроизведения действительности и средство общения. Познавательная ценность усадебного текста возрастает за счет расширения уровня культуры и эрудиции обучающихся. Язык перестает быть для

иностранных граждан набором правил и схем, а становится средством постижения русской языковой картины мира. Интерпретация усадьбы и всего, что с ней связано, как культурного феномена помогает обратиться к мельчайшим деталям как ландшафта, природы, построек, уклада жизни, так и особенностей поведения «усадебной» личности, являющейся воплощением многих национальных черт русского человека (в его понимании смысла жизни и отношении к дому, семье, времени). При выполнении комплекса послетекстовых упражнений особое внимание должно уделяться проверке и корректировке уровня понимания как текста в целом, так и его основных смыслов.

«Зрительная наглядность является незаменимой для семантизации предметов или явлений, не имеющих эквивалента в родном языке студентов или отличающихся в родном и изучаемом языках»¹⁷. Аудиовизуальное сопровождение способствует погружению иностранца в ценностно-культурную составляющую страны изучаемого языка на бессознательном уровне через воздействие на образный и эмоциональный уровни восприятия. В методике обучения русскому языку как иностранному особое место отводится воздействию на эмоциональную сферу студентов-иностранцев с целью использования эмоциональной памяти, повышения эффективности обучения и усиления мотивации изучения иностранных языков. Воздействие на эмоции способствует не только прочному, но и быстрому запоминанию учебного материала¹⁸. Аудиовизуальное сопровождение при работе с усадебным текстом на занятиях по русскому языку как иностранному дает возможность комплексно создавать единое фоновое пространство. Одновременно оказываются задействованными экстралингвистические (посредством реальных или виртуальных экскурсий по усадьбе, использование иллюстраций, фильмов, му-

---

¹⁷ Александрова Д. С. К вопросу о формировании иноязычной социокультурной компетенции студентов лингвистического факультета посредством изучения искусства страны изучаемого языка // Вопросы методики преподавания в вузе. 1(15) 2012. СПб., 2012. С. 10.

¹⁸ Сердюк В. Н. Мотивация – основной принцип активизации процесса обучения иностранным языкам в высшей школе // Вопросы методики преподавания в вузе. 1(15) 2012. СПб., 2012. С. 304.

зыкальных произведений и музыкального сопровождения и т.п.) и лингвистические факторы формирования фоновых знаний. Необходимая культурно значимая информация и знания о фактах и закономерностях изучаемого языка лучше запоминается и усваивается, если сопровождается яркими впечатлениями и эмоциями.

Работа с художественным, в том числе усадебным, текстом не должна носить эпизодический характер. Освоение системы значений и системы смыслов, познание места, роли этих значений и смыслов в русской культуре без постижения важнейших культурно значимых духовных ценностей, важнейших культурных кодов будет препятствовать глубокому освоению русского языка как иностранного. Усадебный текст является средоточием важнейших единиц – кодов русской культуры. Такой текст способствует усвоению иностранными гражданами инофона русского языка и важнейших концептов русской языковой картины мира. Усадебный текст тесно связан с глубинными идеями национальной жизни, такими значимыми, базовыми концептами, как Пространство, Время, Дорога, Дом, Семья.

В научной литературе сложилось понимание необходимости восприятия художественного текста носителями разных культур в аспекте текст – дискурс – языковая личность – языковая картина мира, что может достигаться с помощью когнитивного анализа ключевых лингвокультурных концептов, если речь идет об обучающихся, владеющих русским языком на продвинутом или профессиональном уровнях. Эмоциональная вовлеченность обучающихся повышает интерес к изучению русского языка как иностранного, способствует пониманию русской национальной концептосферы с ее важнейшими концептами Пространство, Время, Дорога, Родина, Семья, Дом. В усадебной культуре и усадебном тексте все эти концепты, накладываясь друг на друга, пересекаясь друг с другом, выражены в концентрированном виде, т.к. слова не просто обозначают какое-либо явление, но в силу своей метафоричности и образности репрезентуют сложные смысловые фрагменты русской действительности. Специфика усадебной поэзии предполагает постижение иностранцем приемов символизации и метафоризации образа усадьбы в русской литературе. На

занятиях по русскому языку как иностранному нужно обращать внимание на сквозные, проходящие по многим текстам устойчивые образы, детали, символику, чтобы помочь постичь своеобразный код художественного текста, только в этом случае в конечном итоге можно добиться так называемой декодировки художественного произведения без потери значительного объема важнейшей информации, заключенной в тексте.

«От личной и творческой биографии Пушкина неотделима усадьба Михайловское. Именно с этими местами связано более глубокое, философское восприятие поэтом образа русской усадьбы... В лирических произведениях, эпистолярном наследии Пушкина периода можно найти самые разные упоминания о родной усадьбе. В Михайловском поэтом создано около ста произведений, которые являются своеобразным путеводителем по этим местам»¹⁹. Усадебные тексты А. С. Пушкина, организуемые преподавателем в своеобразный путеводитель по пушкинской усадьбе, могут быть связующей нитью цикла занятий в форме экскурсии по пушкинским местам Псковской области при проведении занятий для достижения иностранными обучающимися второго уровня владения русским языком. Отправной точкой цикла таких занятий может быть стихотворение А. С. Пушкина «Домовому», написанное в 1819 году в первый приезд поэта в Михайловское, как нельзя лучше задающее тему дома с его доброй атмосферой, оберегаемой от внешнего чуждого и недоброго воздействия, *«недружеского взора»*. Обучение русскому языку как иностранному с использованием культурного ландшафта Пушкинского заповедника предполагает несколько этапов.

В качестве предтекстовой работы предполагаются упражнения, нацеленные, с одной стороны, на закрепление и углубление знаний по темам «Дом, семья» и «Природа», а с другой – знакомство с биографией и творчеством А. С. Пушкина. В связи с тем, что усадебная жизнь русского дворянства – удивительный культурный феномен, выросший на российской культурной почве,

---

¹⁹ Поташова К. А. Усадебная культура в жизни и творчестве А. С. Пушкина // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 43–47.

иностранных обучающихся первоначально можно познакомить с определением усадьбы в Популярной иллюстрированной энциклопедии: «Усадьба – архитектурный ансамбль, включающий жилые и хозяйственные постройки, сад или парк с беседками и павильонами»²⁰. Энциклопедическая статья об усадьбе и иллюстрации не только позволят подготовить иностранных обучающихся к восприятию более сложной учебной информации, но и дадут своеобразный толчок к пониманию более глубокого смысла феномена усадьбы как природно-культурного пространства, особой самобытной культуры, особого мира, в котором человек находил источник душевных сил, потому что этот мир неразрывно связан с такими понятиями, как *семья, дом, родина*. Это важно для дальнейшей работы с усадебным текстом А. С. Пушкина, в котором иностранец должен осмыслить и понять не только материально-культурный и природно-ландшафтный, но и духовно-культурный уровень русской действительности. Привлечение этимологического комментария слова *усадьба*, генетически связанного с понятиями *садиться / сидеть*, дает возможность преподавателю с помощью этимологически-словообразовательных связей слов ввести синонимический (*усадебный образ жизни – оседлый образ жизни*) и антонимический (*усадебный / оседлый образ жизни – кочевой образ жизни*) ряды. Такая предтекстовая работа помогает иностранцам понять, что в русской культуре и литературе усадьба является символом надежности, постоянства, прочности, истоков человека, его дома, что очень важно для осмысления особенностей русского сознания и русской культуры. Правильно построенная система упражнений по словообразованию и грамматике русского языка не только закрепляет знания по соответствующим разделам русского языка, но и способствует расширению лексического запаса иностранных студентов или слушателей. Сопоставительный анализ значений слов *усадьба, поместье, имение, владение, деревня, селенье, кров, обитель* позволяет одновременно вводить сведения из истории России и подготавливает обучающихся к восприятию художественного текста

---

²⁰ Русская культура: Популярная иллюстрированная энциклопедия / Стахорский С. В. М., 2006. С. 694–695.

XIX века. Анализ синонимических отношений слов *дом* и *усадьба* закрепляет в памяти иностранных студентов смысловую связь данных слов и восприятие усадьбы как метафоры дома в русской литературе, дома особого рода – со своими традициями и своим течением жизни. Так, усадебный дом, являясь одним из ключевых культурных символов и центром усадьбы, отражает целый ряд значимых для русского общества духовных и эстетических ценностей, мировосприятие русского человека. В языковой картине мира с ее организующим действительность противопоставлением своего и чужого, дом обозначает свое, освоенное, правильно организованное, личное пространство. Дом – это не просто место для проживания, а некий оплот среди чужого пространства, источник духовной силы его обитателей. «В произведениях поэта усадьба – это символ русской национальной культуры, она несёт в себе мировоззренческую функцию, является своеобразной моделью миропонимания дворянина. В творчестве Пушкина в разнообразных воплощениях представлена духовная сущность усадьбы: изображение усадебных строений, садов, бытовых предметов, взаимоотношений господ и дворовых, разных поколений семьи владельца. Изображая эти составляющие, поэт показывает, что усадьба – это не просто мечта об одиночестве, спокойствии, творчестве, а жизнь среди близких и родных душ, понимание родовой связи предков и потомков как основы достоинства человека, как условие жизни в мире. Образ усадьбы отражает присущее поэту чувство историзма»²¹. Т. Ю. Колягина справедливо отмечает, что дворянская усадьба в творческом сознании поэта раскрыта как центр русской культуры, «перекресток» традиций, сложившихся на национальной почве в эпоху европеизации²². Нравственно-эстетические ценности, воплощённые А. С. Пушкиным в образе русской усадьбы, были и остаются определяющими дух русской культуры и русского миропонимания.

---

²¹ Поташова К. А. Усадебная культура в жизни и творчестве А. С. Пушкина // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 43–47.

²² Колягина Т. Ю. Усадебный тип культуры в художественном сознании А. С. Пушкина. Омск, 2007.

Анализ словообразовательных связей слов также способствует пониманию значений таких выражений, как *«поместье мирное»*, *«скромная семья моей обитель»*, дает ключ к пониманию концептов Дом, Семья, соотносящихся с оседлостью, идеей своего пространства, связи с предками и *«благодарной негой»* всего, что воспринимается как собственное доброе пространство, дающее возможность уединения и вдохновения:

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес, и дикий садик мой,
И скромную семью моей обитель!

При организации занятий по русскому языку как иностранному в форме экскурсии по усадьбе «Михайловское» на следующем этапе можно привлекать и стихотворение А. С. Пушкина «Деревня». Несмотря на то, что стихотворение «Деревня» является более сложным для восприятия иностранцев, предварительная работа с произведением «Домовому» значительно облегчает декодировку художественного текста. Во многом в стихотворении «Домовому» словно задаются основные векторы организации усадебного пространства и границы между миром своим и чужим.

В стихотворении «Деревня» А. С. Пушкиным «представлено два мира: мир большой, мир истории, мир, окружающий усадьбу, но находящийся вне её, и мир малый – сама усадьба, дом, в котором человек находит приют, спокойствие и вдохновение.

Однако преподаватель должен обратить внимание студентов и на новые штрихи в образе усадьбы, отраженные в стихотворении «Деревня» по сравнению с произведением «Домовому».

В качестве предтекстовых упражнений могут использоваться разного рода задания. Так, подбор синонимов и антонимов к словам не просто помогает понять значение использованного поэтом слова, но и раскрывать для иностранных студентов не лежащий на поверхности текста смысл ключевых слов. Наряду с восприятием усадьбы как места изгнания, пусть и *«мирного»*, появляется образ *«моего мирного уголка»*, *«обители дальней трудов и*

чистых нег», «*строгого уединенья*», «*глуши*». Сопоставление выражений «*изгнания тёмный уголок*» и «*мой мирный уголок*» еще раз позволит обратить внимание иностранных студентов на сложность и многогранность образа усадьбы в творчестве А. С. Пушкина, так емко сумевшего передать особенности восприятия дома и семьи в русской национальной культуре. Этому могут предшествовать демонстрация иллюстраций к произведению, поиск в художественном тексте слов с определенной тематикой и отбор незнакомых слов, работа с наиболее сложными грамматическими структурами, использованными в стихотворении.

Притекстовые упражнения – важнейший этап работы над текстом, на котором происходит восстановление имплицитных смыслов художественного текста, восприятие скрытых образных смыслов. Для понимания стихотворения «Деревня» важен анализ композиции произведения. Поэтому в качестве притекстовых упражнений можно использовать задания, связанные с группировкой предложений по составленному плану, выделением смысловых частей в стихотворении и переходов от одной мысли к другой, нахождению фрагментов текста, содержащих важнейшие по смыслу информационные отрезки. Все это будет способствовать совместному выявлению двухчастной композиции стихотворения «Деревня».

Контекстный анализ использованных А. С. Пушкиным образов в первой части стихотворения «*темный сад с его прохладой и цветами*», «*светлые ручьи*», «*нивы полосаты*» способствует восприятию образа усадьбы как некоего идеального мира, важнейшими характеристиками которого являются тишина, гармония, спокойствие, труд и вдохновение. Такое устройство усадебного мира делает лирического героя духовно свободным. Но совершенно другая система образов и эпитетов используется во второй части стихотворения: «*барство дикое*», «*рабство тощее*». В данном случае нужно помнить, что знание языкового значения слова не гарантирует понимание использованных А. С. Пушкиным образов. Уточнение смысла единицы текста может происходить за счет подбора синонимов к отдельным словам с последующим анализом различий их значений, анализа контекстного окружения

образной единицы, привлечения фоновых знаний иностранных студентов, исторических фактов, уже известных им. Адекватное восприятие художественного текста предполагает восприятие текста не только на понятийном уровне, но и на уровне представлений, образов, эмоционального переживания.

Определение особенностей композиции стихотворения «Деревня», обращение внимания иностранных студентов на использование приема контраста, противопоставления частей стихотворения постепенно подводит обучающихся к пониманию основной идеи произведения. На фоне мира *«счастья и забвения»* мир жестокости и насилия особенно страшен и ущербен.

Следующий этап притекстовой работы – расстановка логического ударения в стихотворении, прослушивание и выразительное чтение произведения. Данный усадебный текст – прекрасный языковой материал для отработки интонационных конструкций, что часто оказывается трудным для иностранца, однако система предтекстовых и притекстовых упражнений позволит иностранному студенту осмысленно использовать в устной речи самые разнообразные интонационные конструкции. Спокойный, ровный интонационный рисунок первой части стихотворения противопоставлен взволнованной речи лирического героя во второй части. Последние семь строк стихотворения содержат риторические вопросы и восклицания.

Очень важна для понимания смысла произведения после-текстовая работа по постановке вопросов к наиболее сложным в языковом и смысловом отношении фрагментам текста и поиску ответов на них.

Посещение кабинета А. С. Пушкина в Михайловском в рамках обучающей экскурсии может сопровождаться обращением к роману «Евгений Онегин», где поэт описывает кабинет, очень похожий на свой кабинет в Михайловском:

И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,

И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

Выявление концептуальной сферы, отражаемой в усадебном тексте, описание феномена усадебного текста как средоточия важнейших единиц кодов русской культуры, исследование особенностей репрезентации в усадебном тексте важнейших концептов русской национальной картины мира может быть положено в основу методических рекомендаций и образовательных программ для иностранных граждан с целью усвоения ими инофона русского языка и важнейших концептов русской языковой картины мира. Цикл занятий по русскому языку как иностранному, где усадебный текст является отправной точкой для изучения разных уровней русского языка, позволяет постепенно совмещать образовательное и культурное пространство в ходе преподавания русского языка как иностранного. Особое внимание при разработке учебно-методических материалов должно быть уделено такому аспекту методической работы, как изменение мотивации изучения русского языка – от познавательных и практических установок иностранца до стремления иностранных граждан постичь русскую культуру, менталитет русского народа.

Определение и разработка инструментария анализа усадебного текста с точки зрения его лингвокультурной, коммуникативной значимости позволяет выявить возможности использования усадебного текста как средства постижения русской языковой картины мира иностранными гражданами, вовлечения их в духовно-культурную среду страны изучаемого языка и региона, где реализуется образовательная программа по русскому языку как иностранному. В то же время выявление и описание особенностей восприятия усадебного текста носителями разных культур, разработка категорий информативности, модальности, интерпретируемости усадебного текста в аспекте текст – дискурс – языковая личность – языковая картина мира перспективно с точки

зрения дальнейших исследований в области преподавания русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации. Образовательная, языковая и культурная среда страны изучаемого языка должны привлекаться на занятиях по русскому языку как иностранному как цельная и единая система.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- С. 4. Пушкинские чтения в Михайловском. Август 1956 г. Из фотонегатива Пушкинского Заповедника.
- С. 76. В. В. Мешков. Тригорское. «Дом Лариных». 1916. Фанера, масло. Из собрания Пушкинского Заповедника.
- С. 91. Юго-западная часть парка с Михайловского. План Генерального межевания 1786 г. Фрагмент.
- С. 172. Михайловское. Центральная часть усадьбы.
- С. 176. Тригорское. «Скамья Онегина».
- С. 178. Тригорское. «Солнечные часы».
- С. 182. Тригорское. Вид на Сороть.
- С. 188. Вид на Тригорское с городища Воронич. 1903. Из собрания Пушкинского Заповедника.
- С. 191. В. Д. Арнольди (?). Михайловское. Вид усадьбы. Конец 1850-х (?). Из собрания Пушкинского Заповедника.
- С. 194. В. М. Максимов. Кабинет А. Н. Вульфа. 1898. Копия из собрания Пушкинского Заповедника.
- С. 197. Дом в Тригорском (т.н. «дом Лариных»). 19 июля 1903. Рисунок Н. Е. Лансере. Из собрания Пушкинского Заповедника.
- С. 199. В. В. Мешков. Тригорское. «Дом Лариных». 1916. Фрагмент.
- С. 202. В. В. Мешков. Авторская надпись на обороте картины.
- С. 212. Пушкинские чтения в Тригорском. Выступает С. С. Гейченко (справа А. З. Крейн). Август 1968 г. Из фотонегатива Пушкинского Заповедника.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Псковский государственный университет

**РУССКАЯ УСАДЬБА:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ**

Компьютерная верстка – Иванова С.Н.

Подписано в печать 30.11.1015 г.
Бумага офсетная. Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 16,38.
Тираж 100 экз. Заказ № 308.

Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС».
180000, г. Псков, ул. Советская, д. 54;
т/ф 8(8122) 79-37-23; тел. 8-921-218-47-47;
e-mail: izd-logos@yandex.ru